

НАТАЛЬЯ МУСНИКОВА

ШТОЛЬДАНДА
ПОСЛЕ СВАДЬБЫ
ВСЁ ТОЛЬКО НАЧИНАЕТСЯ...

Герои обвенчались и стали жить долго и счастливо? Вне всякого сомнения, только дела служебные молодую пару не оставят в покое, особенно ежели речь идёт о сыщике да медиуме.

**Штольманна. После свадьбы всё только
начинается...**

Мусникова Наталья Алексеевна

Прологъ

Санкт-Петербургъ, 1890-й годъ

Сразу после венчания состоялся бал, устроенный стараниями многочисленной родни Якова Платоновича и его петербургских друзей и знакомцев. Елизавета Платоновна, то и дело утирающая слёзы умиления при взгляде на сияющего от счастья брата Якова, хищно поблёскивала глазами в сторону оставшегося неженатым брата Платона. Платон Платонович от сих взоров нервно сглатывал и старался от сестрицы не в меру предприимчивой держаться в стороне. Как говорится, от греха подальше. Сковывать себя цепями Гименея Платон не спешил, хоть и искренне радовался за очередного обжененного брата.

После танцев и ужина гости, как чаще всего и бывает, разбились по группкам, с интересом обсуждая кто внешнюю политику, кто судебные тонкости, паче того новые методы дознания и изобличения преступников, кто последнюю французскую моду и ожидаемые в этом сезоне балы.

— Мария Тимофеевна, Вам всенепременно стоит съездить к Ольге Карловне Кукушкиной, она признанная мастерица-шляпница у нас в городе, — Юленька, согласно ранее утверждённому, как смеялся Яков, стратегическому плану, развлекала беседой матушку невесты, дабы дама не чувствовала себя неудобно и не так трепетно следила за Анной Викторовной. Право слово, некоторые правила приличия уже давным-давно изжили себя, ну что, спрашивается, за грех, коли молодой муж чуть крепче в танце приобнимет супругу?!

Конечно, ухаживания за чужой женой поощрять нельзя, это даже обсуждать смешно, но со своей-то собственной, богоданной и венчанной, статуем каменным держаться не стоит. А Мария Тимофеевна настаивала на том, чтобы этикет соблюдался неукоснительно, а это, право слово, скука, господа и дамы, смертная. Вот Лизхен и придумала, как так всё устроить, чтобы и тёща довольна была, и молодые могли себе позволить быть не только сахарными фигурками на торжестве. Юленька взяла на себя миссию по развлечению матушки Анны Викторовны, благо успела побывать в Затонске и свести с Марией Тимофеевной знакомство. Не очень долгое, правда, но это дело поправимое.

— Вот как? — Мария Тимофеевна, как и многие женщины, трепетно любящая наряды, заинтересованно приподняла брови.

Юленька взмахнула ручками:

— Именно. Вот, взгляните, какую прелесть Ольга Карловна для Аннушки смастерила!

Мария Тимофеевна с нескрываемой гордостью посмотрела на дочь, в белоснежном, расшитом мелким речным жемчугом и украшенном кружевами платье выглядевшую настоящей снежной принцессой. Голову Анны венчала изумительной красоты шляпка, более похожая на венок, с коего вниз спускалась тонкая полупрозрачная фата. Мария Тимофеевна вздохнула, вспомнив, как дочь неохотно согласилась на фамильную, прослужившую нескольким поколениям невест, фату, предлагая заменить её более короткой и практичной вуалеткой.

— Об этом не может быть и речи, дорогая моя, — Мария Тимофеевна непреклонно покачала головой, — фата — символ невинности невесты, её чистоты и непорочности.

Аннушка как-то странно вспыхнула, а её подруги обменялись быстрыми, полными лукавства взглядами. И опять, в который уже раз после того памятного до малейших деталей

возвращения Анны из гостиницы обратно домой, Мария Тимофеевна прикусила губу, удерживаясь от расспросов. До возвращения Якова Платоновича женщина не хотела беречь раны в душе дочери, а потом всё завертелось в предсвадебной лихорадке и потеряло значение.

"Близка она с ним была, — подумала Мария Тимофеевна, наблюдая, как Аннушка, сама того не осознавая, льнёт к своему мужу, какие взгляды бросает на него и ловит в ответ, — я-то на Витюшу после венчания даже посмотреть не смела, так всё торжество и провела, кончики туфель разглядывая. Слава богу, что Яков Платонович не бонвиваном каким оказался, не бросил Аннушку, вскружив ей голову, воспользовавшись её наивностью и разбив сердце".

Юленька безошибочно определила, что мысли материнские в сторону от моды далёкую побежали, и подошла с другой стороны, благо новости столичные к ней сами стекались, и специально собирать не надо было.

— У Тихомировых сегодня тоже венчание, — доверительным шёпотом произнесла графиня Берестова, наклоняясь поближе. — Помните, мы у них на прошлой неделе на балу были?

Мария Тимофеевна с улыбкой кивнула. Тот бал она помнила очень хорошо, Витюша закружил её в вальсе, а потом мороженым угощал, совсем как раньше, ещё до замужества. Эх, молодость, молодость, как же скоротечна твоя пора.

— Неужели Аглаша замуж выходит? — удивилась Лизхен, подходя поближе и протягивая дамам фруктовый десерт. — И за кого же?

Юленька пренебрежительно дёрнула плечиком:

— За старика Боброва, купца.

— За этого... — Лизхен осеклась, посмотрев на Марию Тимофеевну, и спешно поправилась, — нечестивца похотливого?!

Мария Тимофеевна вопросительно приподняла брови:

— И чем плох жених?

— Да он скупой, — выпалила Юленька, от волнения чуть громче приличного, — прошлую жену голодом заморил!

— Или забил до смерти, — вставила Лизхен, — мне Ирочка говорила, а той Машенька по секрету нашептала, а той в свою очередь Верочка передала...

— Филиал "Затонского телеграфа", — Пётр Иванович Миронов подошёл к смущённо примолкшим дамам с рюмочкой коньяку, в его руке выглядевшей так естественно, словно он с ней и родился, — и что же, милые дамы, на повестке дня?

— Нашу знакомую, Аглаю Тихомирову, сегодня замуж выдают, — выпалила Юленька и безжалостно припечатала, — продали!

Пётр Иванович сделал глоток, вздохнул и пустился в увлекательный, не лишённый пикантности разговор об участии женщин. Мария Тимофеевна и Юленька активно подхватили тему, одинаково занимательную для обеих. Графиня Берестова требовала большей свободы для дам, а госпожа Миронова, наоборот, ратовала за сохранение традиций и подчинение дочерям воле родительской. Для неё сия тема была весьма актуальной и даже немного болезненной.

Лизхен, долгожданная и намоленная дочь, никогда и ни в чём не знавшая у родителей отказа и за надёжными спинами пяти братьев привыкшая даже грома небесного не бояться, в беседе участия не принимала. Конечно, княгиня Лисовская знала, что далеко не все

барышни могли похвастаться такой свободой, как она, но одно дело знать, что какие-то родители продают дочь за старого развратника, и совсем другое, когда сей несчастной оказывается твоя хорошая знакомая! Елизавета Платоновна вздохнула, покачала головой и решительно направилась к братьям, что-то оживлённо обсуждающим с Анной Викторовной, счастливой молодой женой, стоящей рядом со своим супругом.

— А вы меня тоже продали?

Вопрос прозвучал столь неожиданно, что Вильгельм, самый старший из братьев ("Братьев — разбойников", — как шутя называл их отец), поперхнулся шампанским и закашлялся.

Яков Платонович посмотрел на воинственно насупленную сестрицу (и какая, спрашивается, муха её укусила?) и мягким успокоительным тоном, на Анне Викторовне отработанном, уточнил:

— Что-то случилось?

Лизхен неопределённо взмахнула рукой:

— Аглашу Тихомирову отец замуж продал. А вы меня тоже продали, да?

— Почему продали? — искренне возмутился третий брат, Михаил. — Мы тебя Андрею даром отдали!

— Неправда, приданое было, — педантично заметил самый младший брат, Карл, характерную для всего семейства Штольманов въедливость и дотошность пустивший на служение банковскому делу.

Платон не выдержал, расхохотался и, поцеловав сестру руку, выпалил:

— Так что, Лизхен, можешь утешиться. Мы тебя не только не продали, но ещё и доплатили, чтобы Андрей на тебе женился.

Повисла нехорошая пауза, во время коей Лизхен хватала ртом воздух, пламенея очами, а братья выразительно смотрели на Платона, в очередной раз не сумевшего удержать длинный язык на привязи.

— Аня, пойдём танцевать, — Яков плавно повлёк за собой супругу в центр зала, где кружились пары.

— А Лиза ничего Платону Платоновичу не сделает? — Анна Викторовна с тревогой посмотрела на мужа.

Яков бросил на сестру долгий оценивающий взгляд.

— Портить нам свадьбу она точно не станет, но и сказанного не забудет, непременно отыграется.

Анна хотела ещё что-то сказать, но Яков мягко привлёк её к себе, прошептал, щекоча дыханием ушко:

— Не переживай, всё будет хорошо. Что бы у нас ни происходило, мы остаёмся одной семьёй.

Яков Платонович и сам не осознал, что слово в слово повторил любимое изречение отца, коим тот часто успокаивал разбушевавшееся многочисленное семейство.

Бал подходил к концу, гости, ещё раз пожелав молодым всего самого наилучшего, благополучия и процветания, потихоньку разъезжались, а Анна с удивлением поняла, что страшно волнуется, буквально трепещет вся, словно осина на ветру.

— Что с тобой? — Лизхен с тревогой посмотрела на Анну, даже лба коснулась, проверяя, нет ли жара. — Ты вся дрожишь!

Анна Викторовна посмотрела на подругу, а теперь ещё и родственницу большими, от

волнения ставшими совсем огромными голубыми глазами. Как, вот скажите, как можно объяснить то, о чём в приличном обществе и думать-то не подобает?!

— А-а-а, — Лизхен понимающе улыбнулась, став в этот миг удивительно похожей на Якова, кой в момент этой сокровенной беседы на правах хозяина бала прощался с гостями, — я перед первой брачной ночью тоже тряслась. Андриш же всю пору ухаживаний мне лишь ручку нежно целовал да пару раз, пока никто не видел, щеки поцелуем коснулся.

— Что так? — Юленька живо вспомнила князя Лисовского, на скромника не похожего ни коим образом.

— А разве может быть иначе, с моими-то братьями? — фыркнула Лизхен, впрочем, не без гордости. — Кому же в здравом уме и твёрдой памяти возжелается разом испортить отношения с дипломатом, следователем, врачом, военным и банкиром! Причём людьми физически крепкими, боксирующими и попадающими не целясь в копеечку с десяти шагов.

Юленька, хоть и была с семейством Штольманов знакома сызмальства, сглотнула тяжко, посмотрела на подругу сочувственно и прошептала чуть слышно, чтобы, оборони господь, не услышал никто:

— Дивно, что Андриш Станиславич за тобой вообще ухаживать насмелился. У тебя охрана, поди, не хуже императорской.

Лизхен горделиво расправила плечи. В глубине души Елизавета Платоновна была свято убеждена, что её охрана ЛУЧШЕ императорской, царя-то батюшку, как ни крути, за жалованье охраняют, а её по зову сердца берегут. А она уж, по мере сил своих, хранит братьев, обеспечивая каждого не только ранней сединой, как они сами порой жалуются, но и теплом душевным, у мужчин рода Штольманов тщательно сокрытым и разумом запечатанным. Впрочем, грех пред собой лукавить, у каждого женатого братца супруга смогла ключик к сердцу благоверного подобрать. Вот и Яков теперь женился и расцвёл, точно маков цвет... насколько это вообще для Якова Платоновича возможно.

Словно почувствовав, что размышления Лизхен и её подруг коснулись его особы, Яков повернулся к дамам, привычно сдерживая улыбку, но не в состоянии сокрыть счастливого сияния глаз, от коего на душе у Анны точно Светлое Воскресенье наступило.

— С Вашего позволения, сударыни, мы с Анной Викторовной откланяемся, — Яков Платонович положил руку жены на свой локоть, совсем как раньше, в Затонске, когда по вечерам они с Анной прогуливались, обсуждая очередное раскрытое дело.

— Разумеется, братец, — Лизхен мягким материнским жестом коснулась щеки брата.

Яков Платонович чуть заметно поморщился, покровительственных жестов, так любимых сестрицей, он не терпел с детства, но ласку стоически выдержал. Елизавета Платоновна, впрочем, испытывать терпение брата не стала, руку убрала быстро, а когда Яков с супругой повернулись, направляясь в свои покои, украдкой перекрестила их. Как обычно, сначала по-православному, а потом и по-католически, так, на всякий случай.

В спальне, роскошно убранной для молодых, Анна опять ощутила ледящее руки и заставляющее сердце в груди галопом нестись волнение. Все матушкины наставления и тётушкины поучения вихрем закружились в голове, мешая даже дышать. Тётя, как на грех, своими благими намерениями ввела племянницу в самый настоящий ад: так красочно расписывала, что должно, а чего ни в коем случае нельзя делать молодой девице, дабы супружеское счастье не спугнуть, что Анна окончательно запуталась и сейчас, когда пришло время все поучения воплощать, ничего вспомнить не могла. Лишь перед глазами стояло лицо

тётушки со скорбно поджатыми губами и маленькими седыми кудряшками, да в ушах дребезжало: "А коли забудет чего невеста, то враз на семью обрушатся все беды и напасти. Вот помню..." Дальше шло пространное описание горестей знакомой тётушке молодой семьи, пренебрегшей мудростью предков и решившей обойтись без заткнутой в пояс свадебного платья иголки, рисовых зёрен под подушкой, подковы на счастье или ещё чего-то похожего. Когда Анна слушала все эти наставления, она лишь снисходительно улыбалась, но сейчас волнение взяло верх. А вдруг тётушка права? И она, Анна, своими руками всё разрушила, отказавшись от нити красной на руку?

— Анна...

Знакомый голос вырвал Анну Викторовну из плена страхов, барышня всхлипнула и нырнула в родные и любимые объятия, словно рыбка в озеро. Яков Платонович осторожно обнял девушку, ласково поглаживая, успокаивая. В голове опять, как и всегда, хороводом вертелись тысячи нежных фраз, но сдержанность и привычка укрывать свои мысли, а паче того чувства, опять сковала язык. Прорваться смогла лишь одна фраза, короткая, словно выстрел, и включающая в себя мудрость веков:

— Я люблю тебя.

Анна вскинула блестящие голубые глаза, потемневшие от волнения, на губах барышни играла робкая доверчивая улыбка:

— А я тебя... хоть барышне и не пристало говорить о своих чувствах...

Яков Платонович приглушённо рассмеялся. Ох уж эта Мария Тимофеевна вкупе со своей сестрицей незабвенной, всё-то им надо в жёсткие рамки этикета загнать, каждую мысль в Аниной головке во фронт построить! Теперь понятно, почему Анна так разволновалась, родственницы ей, наверное, целый ритуал проведения первой брачной ночи прописали. Яков усмехнулся и попытался снять с головы супруги шляпку, но та держалась крепко, словно орлиное гнездо на скале.

— Она на шпильках, — подсказала Анна, шаловливо блеснув глазами.

Яков вытащил одну шпильку, длинное костяное чудо, кое вполне можно вместо стилета использовать, ознаменовал свою победу пламенным поцелуем молодой супруги и чуть хрипло спросил:

— И сколько их?

Анна, после поцелуя несколько утратившая связь с реальностью, растерянно пожала плечами:

— Я не помню...

— Тогда сам считать буду, — Яков уронил на пол ещё одно модное украшение-оружие и снова коснулся губами губ Анны.

После шпилек настал черёд пуговичек на свадебном платье, а были они такие маленькие и было их так много, что поцелуи сыпались на Анну благодатным дождём, смывая страхи и волнение, оставляя одну лишь чистую страсть, не замутнённую тревогой, печалью или усталостью. Тогда, в гостинице, в каждом поцелуе и объятии Анна неуловимо ощущала горечь разлуки, сейчас была пора торжества. Торжества любви, веры, всего того, что называют коротко и просто: СЧАСТЬЕ.

Уже засыпая на груди мужа, Анна чуть слышно прошептала:

— Только не исчезай...

Яков взял руку жены, ту, на коей блестело обручальное кольцо, и принялся ласково целовать каждый пальчик, переплетая их со своими. Чуть задержался губами на ободке

кольца и выдохнул:

— Я клянусь быть с тобой вместе в болезни и здравии, в богатстве и бедности, и даже смерть не сможет разлучить нас.

Дело Ъ 1. Сладострастникъ

Как мечтает в своих самых потаённых желаниях встретить утро каждая барышня, независимо от положения в обществе? Правильно, нежным поцелуем от любимого, ароматным букетом цветов, положенных к подушке, в крайнем случае, птичьим пением, врывающимся в распахнутое окно. И уж точно никто не мечтает в самый светлый час перед пробуждением, когда сны столь сладостны и нежны, оказаться в плену горького воспоминания, хуже любого кошмара, порождённого тьмой.

Во сне Анна увидела себя в гостинице в то печальное утро, когда она проснулась одна, а Яков Платонович исчез, сгинул, словно растворился в утреннем свете, не оставив следа. Анна Викторовна вздрогнула, из-за сковавшего душу холода не в силах даже вздохнуть и упрямо надеясь, что всё происходящее всего лишь сон, дурной сон и ничего более. Ведь была же Лизхен с братьями и Юленька, возвращение Якова, его признание и венчание. Ведь это всё было, ну не приснилось же ей это всё?!

— Приснилось, милая, — проскрипел резкий, словно кто-то резанул ножом по стеклу, голос, — ты одна, твой драгоценный Яков Платонович умер, и ты никогда его больше не увидишь.

— Нет, — пролепетала Анна, обхватывая руками горло, — нет, нет, нет!!!

Из тёмного угла номера вышел на свет тощий старик с пронзительными, выцветшими от времени, сально поблёскивавшими глазами. Казалось, у незнакомца от времени выпали не только волосы, но даже брови с ресницами, кожа была неприятного серого оттенка, как у мертвеца, но в каждом движении старика ощущалась сила и власть. И жестокость, даже беспощадность.

— Да, моя милая, — проскрежетал незнакомец, с наслаждением разглядывая Анну Викторовну. — Теперь ты моя, и никто, слышишь, никто тебя не спасёт!

Анна попыталась сбежать, но ноги словно приросли к полу, хотела закричать — пропал и голос, даже глаза закрыть не получилось, чтобы хоть за веками укрыться от мерзкого старикашки.

— Мне нравится твой пыл, — проскрежетал старик, протягивая руку и касаясь щеки барышни ледяными костлявыми пальцами.

Анна рванулась из всех сил, понимая, что всё напрасно, она пленница, и спасения нет, и тут её с силой трянули за плечи. Барышня судорожно всхлипнула, вскрикнула и была моментально притиснута к до боли родной и знакомой горячей груди. И тут слёзы, коих раньше даже следа не было, хлынули из глаз Анны Викторовны, словно поток, прорвавший плотину.

— Тише, драгоценная моя, тише, — шептал Яков, нежно укачивая супругу, словно она была маленькой девочкой.

Анна вскинула на мужа блестящие от слёз голубые глаза, всхлипнула:

— Мне сон приснился. Стра-а-шный.

Яков Платонович ласково стёр слёзы с личика жены, усадил её к себе на колени, крепко обняв и продолжая укачивать:

— Не бойся, мой ангел, я никому не позволю тебя обидеть.

Анна завозилась, устраиваясь поудобнее и чувствуя, как бледнеет и исчезает мерзкий

призрак, посмевающий потревожить её сон. Боже, как же всё-таки хорошо!

— А ты мне колыбельную споёшь?

Анна трогательно похлопала ресничками и умильно улыбнулась. Яков стёр одинокую слезинку со щеки супруги, нарочито тяжело вздохнул:

— Ну что с тобой поделаешь. Только глазки закрой и постарайся уснуть.

Анна с готовностью кивнула и послушно зажмурилась.

"Всегда бы ты, Аня, такой послушной была, многих бед бы мы с тобой избежали", — подумал Яков, бережно закутал жену и принялся негромко напевать на немецком старинную колыбельную, кою так любила матушка.

Анна наслаждалась тихим голосом мужа, убаюкивающими покачиваниями и сама не заметила, как опять уснула. В этот раз кошмара не было, лишь в жемчужно-серой дымке сна звучали голоса призрачных родственников, постепенно, по мере накала беседы, становящихся всё заметнее и живее.

— И кто это, такой умный, старика этого к Аннушке допустил? — ворчала бабушка, сердито уткнув кулаки в бока.

Платон Карлович виновато кашлянул, отвёл взгляд:

— Моя вина. Не хотел молодым мешать. Якоб-то нас всё одно не увидит, а вот Анна могла и смутиться.

— Ну да, пусть лучше испугается! — ядовито хохотнула тётка Катерина, особа желчная настолько, что её кончину в семье Мироновых восприняли едва не с благодарностью.

— А кто приходил-то? — Марта Васильевна погладила сконфуженного супруга, непринуждённо переводя тему.

Иван Афанасьевич прищёлкнул языком:

— Бобров Кирилл Владимирович... И почему это, интересно, что ни мерзавец, так непременно сие имя носит, а?

— Я бы попросил, — возмутился кто-то из призраков, — я, между прочим, тоже Кирилл Владимирович! И потомки обо мне весьма приятственного мнения, так-то, глубокоуважаемый Иван Афанасьевич!

— Господин Бобров умер? — Марта Васильевна в очередной раз попыталась предотвратить перепалку.

Иван Афанасьевич кивнул со столь блаженным видом, словно лично принял участие в кончине купца:

— Кто-то разmozжил ему голову канделябром в тот самый миг, как этот сладострастник пытался обесчестить свою молодую супругу.

— Если супругу, то не обесчестить, — педантично поправила тётка Катерина, нашедшая-таки к чему придраться.

— Домогательства к невинной девице без любви да согласия и есть попытка обесчестить. И венчание, ещё и постылое, против воли девицы, сути не меняет, — убеждённо заметил Платон Карлович.

— Да тише вы, — рассерженной змеей зашипела бабушка, прижимая высохший палец к губам, — У Анны, между прочим, первое свадебное утро, или как там такой день молодёжь нынче называет, не гоже нам сей день разговорами об убийстве омрачать.

— Так господин Варфоломеев всё одно прибудет с сообщением и просьбой о помощи, — пожал плечами Платон Карлович и не без гордости добавил, — Якоб весьма опытен в сыском деле, без него никак не обойтись!

— Вообще-то после свадьбы полагается в путешествие ехать с молодой женой, а не убийц старых сладострастников по всему Петербургу гонять, — ядовито фыркнула тётка Катерина.

— То-то я припоминаю, что ты из путешествия свадебного без мужа вернулась, — прищурилась бабушка, — а вот кабы он у тебя делами-то занялся сразу после венчания, так, глядишь, ты бы и дольше мужней женой пробыла. Ты, милая, как угар, чем реже появляешься, тем окружающим дышать легче.

Призраки загомонили, зашумели, заставив Анну нахмуриться и сделать слабую попытку закрыться подушкой.

— А ну, тих-х-ха!!! — рыкнула бабуля так, что все моментально угомонились, а особо впечатлительные вообще предпочли исчезнуть. — Анну разбудите. А ей и так скоро просыпаться, Варфоломеев-то, поди, уже на подходе к дому, хоть и плетётся нога за ногу, точно осуждённый на казнь.

— Так Яков может и сам его принять, — Марта Васильевна, свято убеждённая, что даме не пристало вмешиваться в дела супруга, чуть пожалала плечами. — Пусть Анна отдохнёт.

Бабуля посмотрела на женщину с тем скорбным сочувствием, коим люди здоровые душевно и физически взирают на лишённых ноги либо руки. Али и вовсе повредившихся разумом:

— Нешто ты, милая, думаешь, что Аннушка в стороне от расследования останется? Что-то я не припомню такого, даже когда они с Яковом Платоновичем ещё и знакомы-то толком не были.

Полковник Варфоломеев, коего супруга и та величала исключительно по имени отчеству, Матвеем Васильевичем, а подчинённые и вовсе называли сугубо по званию, в это утро пробудился привычно рано. Откушал кофею в столовой, просматривая донесения сотрудников и то одобрительно кивая, то досадливо морщась, потом прочитал обстоятельно и неспешно газету, уделив особое внимание событиям на политической арене да ещё заметке в разделе "Светская хроника", гласившей, что вчера, далее следовала жирно выделенная и украшенная виньетками дата, надворный советник Яков Платонович Штольман обвенчался с госпожой Мироновой Анной Викторовной, дочерью известного в Затонске адвоката Миронова.

"Вот и стал Яков человеком семейным, — Матвей Васильевич ностальгически улыбнулся, вспомнив себя на заре супружества, — теперь уж под пули лезть не станет, поостережётся. И слава Богу, а то уж больно бесстрашный да упрямый, маятно с таким".

Полковник Варфоломеев прикрыл глаза, вспоминая своего друга и сотрудника, крикнул и покрутил головой:

"Не-е-ет, брат, шалишь, Якова Платоновича и венец свадебный не сдержит, тем паче, что супруга его сама в первую голову в любое расследование ринется, удержать не успеешь. Вот уж воистину правду люди молвят: муж да жена — одна сатана, прости меня господи".

Матвей Васильевич степенно перекрестился, налил себе ещё кофею, но не успел и глотка сделать, как в столовую заглянул лакей.

— Чего тебе, Тимофей? — недовольно спросил полковник Варфоломеев, откладывая газету.

— Ваше Высокоблагородие, — лакей низко поклонился, — к Вам пришли.

Матвей Васильевич поджал губы:

— Пусть в кабинете подождут.

— Сказывают срочно. Дело государственной важности.

"А когда у меня другие были?" — досадливо вздохнул полковник Варфоломеев и коротко кивнул:

— Проси.

В столовую вошёл Дмитрий Васильевич, поверенный полковника в самых что ни на есть деликатных делах, звонко щёлкнул каблуками:

— Ваше...

— Утро доброе, Дмитрий Васильевич, — Варфоломеев приветственно кивнул, взмахом руки указав на кресло подле себя, — присаживайся, кофею испей, с делами-то служебными ещё и не завтракал поди?

— Никак нет, — Дмитрий Васильевич, потомственный военный, изъясняться предпочитал сугубо армейским образом, — не успел.

— Вот и позавтракай, — Матвей Васильевич самолично налил чашку кофею, подвинул поднос с домашними пирожками, до коих был превеликий охотник.

— Слушаюсь, — Дмитрий Васильевич опять щёлкнул каблуками, опустился в кресло, взял кофейную чашку, но прежде чем приступить к трапезе, почтительно сообщил:

— Осмелюсь сообщить, Ваше Высокоблагородие, сегодня ночью был убит Бобров Кирилл Владимирович.

"Да и слава богу", — мелькнуло в голове полковника Варфоломеева, но сия непочтительная мысль исчезла ранее, чем была толком осознана:

— Как это убит?! У него же вчера свадьба была!

— Так точно, Ваше Высокоблагородие, — Дмитрий Васильевич вскочил, опять щёлкнув каблуками, — вчера Кирилл Владимирович венчался с некоей Тихомировой Аглаей Ивановной, а нынче утром горничная нашла его в спальне с пробитой головой.

— А жена молодая что говорит? Али они в разных спальнях были?

— Никак нет, в одной. Только супруга ничего не говорит и ни на что не реагирует, доктор говорит у неё этот, — Дмитрий Васильевич пошевелил пальцами, вспоминая мудрёное слово, — каталепсус.

— Чегопсус? — переспросил полковник Варфоломеев, из всех недугов признававший только огнестрельные и ножевые раны да ещё отравления.

— Каталепсус, — терпеливо повторил помощник, — она жива, но ни на что не реагирует, никого не видит и ни с кем не говорит.

Матвей Васильевич досадливо крикнул. Экая, право слово, напасть! Сама по себе кончина Боброва не такая уж и беда, старого сладострастника едва терпели все, кто его знал, но это был не последний человек в городе. Купец первой гильдии, вхожий во дворец, опять-таки с военными поставками связанный, его смерть просто так спустить не получится, придётся доскональное расследование проводить, чтобы ни одна тень бледная не ускользнула. А ну, как это происки противников государства, под случайность замаскированные? Вот так не доглядишь, прошляпишь, а потом бед не оберёшься. Мда-с, как это ни печально, а без Якова Платоновича не обойтись, придётся молодого супруга побеспокоить... а заодно и его супругу проверить, так ли она хороша, как о ней говорят.

— Прикажи городовым, чтобы ничего не трогали у Боброва, — велел полковник Варфоломеев, вставая и одёргивая мундир, — да чтобы дом никто не покидал. Головой отвечаешь!

— Будет сделано, Ваше Высокоблагородие, — отрапортовал Дмитрий Васильевич, звучно щёлкнул каблуками и вышел, прикрыв за собой дверь.

Матвей Васильевич вздохнул, покачал головой и не спеша покинул столовую, велел замершему у дверей лакею передать, что уходит по делам служебным, когда вернётся не ведает, и пусть супруга не беспокоится и обед в управление не носит. Последнее говорилось совершенно напрасно, потому как госпожа Варфоломеева весьма трепетно относилась к процессу питания горячо любимого мужа и регулярно снабжала его горячей едой, куда бы ни забрасывали Матвея Васильевича дела служебные.

Полковник Варфоломеев вышел из дома, отметил, что погода чудесная, а значит, вполне можно манкировать коляской и прогуляться, благо Яков Платонович обитает недалеко, пешком можно дойти. Матвей Васильевич и себе не желал признаваться, что страсть как не хочет беспокоить господина Штольмана. И дело не в излишней деликатности, таковой господину полковнику по рангу не полагалось, а в том, что на страже супружеского счастья брата неусыпным оком стоит княгиня Лисовская, ссориться с коей не хотелось совершенно. Милейшая Елизавета Платоновна, в отличие от покойной Нины Аркадьевны Нежинской, не притворялась, а воистину ОБЛАДАЛА властью, коя далеко не всем членам императорской фамилии свойственна. Выросшая с пятью братьями, княгиня отлично стреляла, могла укротить любого норовистого жеребца, неплохо разбиралась в ядах, в совершенстве владела пятью иностранными языками и могла сохранить холодный рассудок в любой нетривиальной ситуации. А уж язычок Елизаветы Платоновны был настолько острым, что попавший на него мог желать лишь одного: смерти, потому как отмыться от позора иначе не получалось. Всё это прикрывалось, словно бесценной китайской ширмой, дивным, почти ангельским обликом, коим Елизавета Платоновна умело пользовалась, ловко изображая то беспомощную барышню, не способную в одиночестве пересечь оживлённый проспект, то глупенькую кокетку, а то изысканную светскую даму.

— Да право слово, не съест же она меня, — проворчал Матвей Васильевич, решительным стуком нарушая покой дома номер пять по Малой Невской, в коем обитал господин Штольман.

Елизавета Платоновна, разумеется, есть визитёра не стала. А зачем, если можно лёгкими, едва ощутимыми намёками дать ему понять, что его визит опасно балансирует на грани приличий? Полковник Варфоломеев, коего подчинённые чтили, а враги опасались и даже уважали, чувствовал себя неосторожным пловцом, оказавшимся рядом с акулой, кружащей неподалёку и примеряющейся, с какого бока лучше начать трапезу.

— Свадьба была просто великолепна, — княгиня Лисовская мечтательно вскинула глаза к потолку, — право слово, очень жаль, что Вас не было.

— Дела служебные, — Матвей Васильевич чуть развёл руками, — покоя они не дают даже в самый сладостный миг.

Елизавета Платоновна улыбнулась, взмахнула ресницами и продолжила непринуждённо щебетать о венчании, пропустив мимо ушей намёк на то, что дела служебные отвлекать станут не только господина полковника. Право слово, лишь вчера Яков наконец-то женился, у него должно быть романтическое путешествие с молодой женой не по трущобам Петербурга, а по самым изысканным салонам Европы! И полковник Варфоломеев должен это понять, ведь не единственный же следователь на всю столицу Яков Платонович! Лизхен решила во что бы то ни стало вытеснить неудобного гостя, пока он не встретился с Яковым, но, увы, фортуна капризница отказалась помогать княгине в её замысле. Дверь в гостиную

открылась, Яков Платонович вместе с Анной Викторовной вошли в комнату, приветствовав неожиданного посетителя вежливым поклоном.

— Благодарю, Лизхен, и не смею более тебя утруждать, — Яков выразительно приоткрыл дверь, давая тем самым понять сестрице, что в её услугах более не нуждаются.

Елизавета Платоновна несколько мгновений побуравила брата тяжёлым взором, но успеха не добилась, закалённый общением с затонскими дамами, а паче того Ниной Аркадьевной Нежинской, Яков Платонович смущаться и отступить не собирался. Лизхен пришлось сдаться:

— Было чрезвычайно приятно встретиться с Вами, Матвей Васильевич, — прошептала дама, даря полковнику Варфоломееву обворожительную улыбку, — передайте мои самые наилучшие пожелания Вашей дражайшей супруге и дочкам.

— Непременно, — Матвей Васильевич поцеловал протянутую ему ручку, — будем рады видеть Вас в нашем доме.

— Обязательно воспользуюсь Вашим предложением, — почти пропела Лизхен, даря ещё одну сладкую улыбку, — непременно.

Яков Платонович кашлянул, Лизхен метнула в него острый, словно отравленный дротик, взор и сухо произнесла:

— Доброго утра, братец. Надеюсь увидеть тебя за завтраком.

Господин Штольман с озорной мальчишеской улыбкой, бесёнком скользнувшей в глазах, покачал головой:

— Увы, семейный завтрак придётся отложить, дела служебные не терпят отлагательств. Мы с Анной Викторовной позавтракаем в кафе.

Если бы взглядом можно было испепелить, Яков Платонович уже рассыпался бы прахом, но к счастью, Елизавета Платоновна огненным взором не обладала, а потому лишь плечиком повела:

— Как пожелаете. С Вашего позволения, я удалюсь.

— Доброго дня, сестрица, — почтительным настолько, что это граничило с насмешкой, тоном пожелал Яков, за что удостоился ещё одного сурового взгляда, кой не причинил следователю ни малейшего вреда.

Всё ещё чуть заметно улыбаясь, Штольман закрыл дверь, предварительно убедившись, что Лизхен действительно удалилась, а не подслушивает. Конечно, сестрица снимет туфли и обязательно вернётся, но по крайней мере самое важное без любопытных ушек княгинюшки обсудить успеют.

Полковник Варфоломеев рассуждал схожим образом, а потому долго ходить вокруг да около не стал, сразу сказав самое главное:

— Ночью убили купца первой гильдии Боброва Кирилла Владимировича.

Яков Платонович подавил недостойную следователя радость по поводу гибели богатого, спору нет, но при этом пользующегося на редкость дурной репутацией господина и сухо спросил:

— Кто обнаружил тело?

Анна Викторовна, отнюдь не уверенная, что ей предложат принять участие в расследовании, насторожилась, стараясь не пропустить ничего важного. Если Яков Платонович по своей давней привычке захочет её подальше от следствия держать, то можно будет своё расследование провести, как обычно. А потом обсуждать произошедшее с Яковым, прогуливаясь с ним под руку по какому-нибудь парку или аллее, можно даже

набережной. Анна тряхнула головой, прогоняя отвлекающие воспоминания и стараясь сдержать рвущуюся с губ улыбку, в свете последнего сообщения отнюдь неуместную.

— Горничная утром зашла в спальню и обнаружила хозяина с пробитой головой, — полковник Варфоломеев поморщился, словно лимон разом проглотил. — Право слово, смерть сего господина не такая уж и большая печаль, не мне Вам, Яков Платонович, рассказывать, что за человек был погибший, но... Тут может быть не просто сведение счётов.

— Вы подозреваете шпионаж? — Яков пристально посмотрел на Матвея Васильевича, времени ходить вокруг да около не было, сестрица могла вернуться в любой момент, приходилось называть вещи своими именами.

Варфоломеев помялся, покачал головой:

— Скажем так: не исключаю.

Штольман поджал губы. Шпионские игры ему изрядно осточертели ещё в Затонске, тогда он едва выкарабкался, спасибо Ермолаю, укрыл его раненого в скиту староверов, о существовании коего мало кто знал. А сейчас Яков несёт ответственность не только за себя, но ещё и за Анну, да что там, всё семейство Штольманов, а оно весьма многочисленно. Конечно, в самом крайнем случае опять можно будет обратиться за помощью к Вильгельму, да и Андриш, муж Лизхен, сможет помочь, но, право слово, он же не маленький, сам справится! Сколько лет жил один, отвечая лишь за себя... Яков Платонович вздохнул и по появившейся в Затонске привычке затеребил манжет. Нет, прежнего одиночества, угрюмости хищного волка, кой в своём логове прозябает лишь о себе заботясь, ему не надо. Анна Викторовна, Анна, Аня, солнечный луч, то озорная непоседа на колёсиках, то мудрая женщина, то обольстительная барышня, способная своими взглядами и улыбками и святого ввести во искушение... Господи, благодарю тебя за столь щедрый дар!

— Яков Платонович? — по лёгкой улыбке и несвойственному ранее мечтательному блеску глаз господина Штольмана полковник Варфоломеев понял, что мысли следователя далеки от дел служебных.

"О, женщины, что же Вы делаете с мужчинами, как велика и безгранична Ваша власть!" — подумал Матвей Васильевич, вспомнив свою супругу, но тут же решительно отодвинул сантименты в сторону, дав место делам служебным. Право слово, любовь как инфлюэнца, весьма заразительна, особенно ежели в обществе молодожёнов находишься!

— Яков Платонович, — голос полковника Варфоломеева прозвучал предельно строго и деловито, — я прошу прощения, что призываю Вас на службу сразу после свадьбы, но Вы сами понимаете, дело весьма деликатное. А Вы признанный специалист по деликатным вопросам.

Анна поняла, что дальше молчать не стоит. Порозовев от смущения, Анна Викторовна сделала шаг вперёд:

— Я тоже могу помочь.

Мужчины разом повернулись к даме, и взгляды их были столь же различны, как и вода с камнем. Полковник Варфоломеев смотрел с отеческим восхищением, полностью одобряя предложение Анны Викторовны, а вот Яков Платонович взирал на супругу с до боли знакомым по прошлым делам желанием защитить и от дел служебных отстранить. Исключительно в целях безопасности.

— Помните, вы ещё в Затонске говорили, что я смогу помогать Вам в расследовании, — Анна повернулась к Матвею Васильевичу, — когда возникнет необходимость в моих

способностях спирита?

— Разумеется, — полковник Варфоломеев покосился на недобро сузившего глаза Штольмана и добавил, — только в пылу расследований не забывайте о собственной безопасности, Анна Викторовна, а то Ваш супруг с меня голову снимет, не взирая на прежнюю дружбу.

Анна Викторовна широко лучисто улыбнулась, разом превратившись из серьёзной дамы в озорную девчонку и, преданно глядя в глаза Якову Платоновичу, истово пообещала:

— Я буду очень осторожна.

"Свежо предание", — хмыкнул Штольман, вспомнив, с каким постоянством вытаскивал непоседу Анну из всевозможных передряг. И это в тихом провинциальном Затонске, где в одном углу города можно было чихнуть, а с другого тебе уже платок несли!

— Я буду очень осторожна, — повторила Аня, глядя на мужа снизу-вверх большими голубыми глазами. Ещё и ресничками похлопала, зная наверняка, что супротив сего манёвра крепость под именем Яков Платонович Штольман устоять не сможет, непременно падёт.

И стратегия, проверенная временем, не подвела. Яков нахмурился, затеребил манжет и строго отчеканил:

— Я лично прослежу за этим.

Подслушивающая за дверью Лизхен оторвалась от щёлки, к коей прижималась ушком, а порой ещё и подглядывала, и удивлённо покачала головой. Упрямство своих братьев она знала не понаслышке, Яков отличался особой крепостью и даже, пусть благородные дамы так и не говорят, упёртостью, а вот поди же, Аннушка смогла его убедить! Вот тебе и провинциальная барышня, цветок невинный, смогла-таки подобрать ключик к сердцу следователя! Умничка, что и говорить!

— Пойду Юленьке обо всём расскажу, — решила Лизхен, покидая свой наблюдательный пост. — Она Аглашу Тихомирову ещё по гимназии знает, сможет помочь Аннушке, коли ей убиенный сразу имя своего убийцы не назовёт. Да и если назовёт, всё одно доказательства нужны будут, слова призрака в суде вряд ли учитывать станут.

Дом купца Боброва более походил на военную крепость или даже тюрьму, чем на жилище состоятельного человека. Узкие окна, понизу покрытые решётками, подозрительно косились на прохожих мутными бельмами стёкол, тёмные от времени и сырости стены кое-где покрылись лишаистыми пятнами плесени, массивная дверь была укреплена проржавевшими толстыми полосами железа.

— Вы можете вернуться домой, Анна Викторовна, — предложил Яков Платонович, заметив, как супруга вздрогнула и плотнее прижалась к нему.

Анна вскинула голову, поправив норвящую съехать на правый глаз шляпку, и тем же светским тоном, кой избрал супруг, ответила:

— Благодарю Вас, Яков Платонович, я в полном порядке.

Штольман покосился на Анну Викторовну, но та смотрела лишь вперёд, всем своим видом демонстрируя готовность приступить к расследованию.

— Аня, — Яков придержал супругу за локоток, повернул к себе, заглянул в глаза, стараясь, чтобы каждое слово достигло цели, проникло в сердце, — послушай меня.

Анна Викторовна с готовностью улыбнулась, только что личико кулачками не подпёрла, как делала всегда, когда ей было что-то чрезвычайно интересно.

Яков Платонович нахмурился, тщательно составляя фразы из так и норвящих

разлететься слов. Ну почему, почему, каждый раз рядом с Аней он становится сущим болваном, не способным и двух слов связать?!

— Купец Бобров был не самым лучшим человеком...

— Я знаю, — кивнула Аня, заботливо стряхивая с плеча мужа редкие снежинки, — Лизонька с Юленькой на свадьбе говорили, да и вы с полковником Варфоломеевым тоже не сильно печалились о его гибели.

Яков поджал губы. Будь его воля, о гибели Кирилла Владимировича рассказывали бы молодым супругам в наставление, дабы мужья как следует думали, прежде чем руки распускать и жён, даже не очень любимых и желанных, изводить. В семье Штольманов женщина была едва ли не земным воплощением Богоматери, матушке и сестрице позволялось почти всё, за очень редким исключением. И если Марта Васильевна старалась быть благоразумной, то Лизхен мягкость отца и терпение братьев испытывала бесконечно. Правду молвить, и сама за любого из своего семейства готова была в бой ринуться, каждому брату верила беспрекословно и помощью своей никогда не попрекала.

Яков Платонович сжал ручку жены, поднёс к губам, согревая дыханием замёрзшие пальчики и давая себе зарок непременно найти для Ани тёплые перчатки либо муфточку, Петербург славен сильными ветрами:

— Кирилл Владимирович был весьма неприятным человеком и вряд ли изменился, став духом. Общение с ним может оказаться весьма неприятным и небезопасным.

Анна Викторовна залихватски тряхнула головой:

— Ничего, мы справимся. В крайнем случае, изгоним его в зеркало, как Ферзя, помнишь?

Яков кашлянул, насупился. Для него дело шулера Ферзя было неприятным не только потому, что подозрение в убийстве пало, но ещё и из-за ссоры с Анной. Он же решил, будто она обманула его, предала, а предательство Яков Платонович воспринимал весьма болезненно с той самой поры, как узнал о тайне своего рождения.

Анна притихла, догадавшись, что неволью причинила мужу боль, виновато заглянула Якову в глаза, робко поглаживая по плечу:

— Прости, я не хотела тебя обидеть...

Голубые глаза Анны Викторовны заблестели от слёз, носик покраснел, барышня горестно хлопнула и прижалась к мужу, пряча личико у него на груди. Яков прижал жену к себе, прекрасно понимая, что и время, и место для проявлений нежности чрезвычайно неуместное, но не имея ни желания, ни сил противиться искушению. Право слово, они лишь вчера обвенчались, пылкость чувств вполне простительна!

— Я люблю тебя, Яков, — прошептала Анна, по-прежнему уткнувшись в грудь мужу, отчего голос прозвучал глуховато.

Горло Штольмана словно невидимая петля перехватила, дыхание сбилось, а слова разлетелись певчими птахами, только и получилось выдавить сухое, совсем к нежности момента не относящееся:

— Нам нужно идти.

Анна Викторовна, вопреки опасениям мужа, на слова сии не оскорбилась, наоборот, ласково пальчиком по губам его провела, улыбнулась, а потом отстранилась, светски кивнула:

— Вы правы, Яков Платонович.

Наблюдающий за следователем из мутного окошечка в коридоре городской Прокофьев

впервые за годы разгульной жизни задумался о том, что, возможно, матушка и права, стоит завести семью. Только по любви, чтобы и у него так же, как у господина Штольмана, глаза счастьем сияли.

Дело Ъ 1. Сладострастникъ. Следствие начинается

Ольга Кирилловна Погодина, обитающая в доме купца Боброва на положении то ли дальней родственницы, то ли приживалки, то ли экономки и являющаяся вот уже несколько лет бессменной любовницей Кирилла Владимировича, свадьбе своего полюбовника не радовалась. Одно утешало: невеста выглядела девицей тихой и угрозы не представляла, такая лишний раз очи на супруга не поднимет, не то, что возражать против его утех наосмелится. Но когда утром зарёванная горничная ворвалась в покои Ольги Кирилловны и заикаясь выпалила о смерти барина, женщина поняла, что, похоже, недооценила волчицу в овечьей шкуре. Вот ведь мышь серая, такой скромницей прикинулась, а сама, змеища подколотная, загубила муженька, став богатой наследницей! У, гадюка, обманула-таки, подлюка!

Ольга Кирилловна направилась было знакомой дорогой в спальню, дабы самолично убедиться в кончине полюбовника и заодно вырвать, если придётся, то и с ключьями волос, у молодой вдовушки свою долю наследства. Чай, не за ради интереса она постель старому развратнику грела! Только даму ждало пренеприятное открытие: кто-то из слуг, стряпуха поди, не иначе, она, ведьма косоглазая, госпожу Погодину всегда терпеть не могла, сбегал за городовыми. И у спальни стоял дюжий мужик, оловянно тарачивший на даму глазу и повторявший точно музыкальный ларец: не положено да не дозволено. Ольга Кирилловна испытала все проверенные средства: и улыбки, и трепетание ресниц, и словно бы случайно отрывшееся более, чем следует, декольте, но всё было напрасно. Городовой даже не смотрел на отрывшиеся ему прелести, статуи проклятый! Госпожа Погодина в сердцах едва под ноги не плюнула, повернулась крутенько, так что подол вокруг ног взметнулся, щиколотки точёные молочной белизны обнажив, и собралась было к себе удалиться, как раздались голоса, и в коридоре появились трое: ещё один городовой, какая-то девица и мужчина в штатском платье, неброском на вид, да пошитом опытным мастером. Вот за этот-то наряд Ольга Кирилловна взглядом и зацепилась, быстро оценив его стоимость, и лишь за тем взгляд на самого мужчину перевела, машинально плечи расправляя да платье одёргивая.

— Чем обязана? — томно протянула госпожа Погодина, приближаясь к визитёрам, кокетливо покачивая бёдрами.

Незнакомая барышня приветливо улыбнулась и ясным звонким голосом произнесла, ещё и руку для знакомства протянув:

— Здравствуйте.

Ольга Кирилловна по-кошачьи глаза сощурила, прикидывая, кем может быть сия особа незнакомому мужчине и чего ради он её с собой притащил. Дочь? Нет, по возрасту не годится, да и какой папаша дочуру туда, где убийство свершилось, притащит?! Полюбовница? А на кой, спрашивается, её с собой волочь? Покойник-то своими амурами не хвастал, потаясь держал. Супруга? Дак ей и вовсе не место тут, жёнки дома сидят, детей растят, да вышивают сутки напролёт али молятся, мужа дожидаячись.

— Я следователь Штольман, Яков Платонович, — мужчина произвольно, даже сам того не осознав, приобнял девицу, обозначив тем самым своё право на неё, — а это моя супруга и помощница Анна Викторовна.

Ольга Кирилловна сердито поджала губы. Вот, значит, как, супружница молодая, не надоела ещё, потому всюду с собой и таскает, как малец сабельку деревянную. Опять же

доблестью да смекалкой со сноровкой перед ней похвастать хочется, дабы прониклась и восхитилась. Ну что ж, наивная дурёха опытной куртизанке не помеха, соблазнение сие Штольмана будет приятной забавой после старика постылого. Да и в любовных утехх следовательно, поди, интереснее старикашки, ему силы свои поддерживать всевозможными декоктами не приходится. Госпожа Пригодина сладострастно вздохнула, обольстительно улыбнулась и, подавшись вперёд, дабы грудь соблазнительнее в декольте выглянула, и талия стройнее стала, промурлыкала:

— Добро пожаловать, Яков Платонович. Не желаете ли чаю?

Господин следовательно вскинул глаза, и Ольгу Кирилловну мороз прохватил, вспомнилось давнее из детства: как в лесочке набрела она на змею, гревшуюся на пенёчке. Гадюка вскинула острую точёную головку и предупредительно зашипела, высунув тонкий раздвоенный язычок, а Оленька, застыв, смотрела в светлые глаза, в коих светилась многовековая мудрость и неумолимая беспощадность самой судьбы.

Госпожа Погодина облизнула разом пересохшие губы и с трудом выдавила севшим, словно застуженным, голосом:

— И чем же я обязана Вашим визитом?

Господин Штольман чуть вздёрнул бровь:

— Мы расследуем убийство Боброва Кирилла Владимировича. А вы сударыня кем покойному приходитесь?

Ольга Кирилловна раздвинула подрагивающие от волнения губы в улыбке, томно выдохнула, успокаиваясь и беря себя в руки:

— Родственница я его давняя. Экономкой числюсь, дармоедок-то Кирилл Владимирович не терпел, прижимист был, не в укор усопшему будь сказано. А зовут меня Ольгой Кирилловной, я из рода Погодиных, при царе Алексее Михайловиче предки мои купцами были, мехами торговали, да разорились, вот и приходится мне, сироте несчастной, по дальним родственникам долю горькую мыкать.

Женщина остановилась, смахнула с глаз несуществующую слезинку, отметив, что городской проникся сочувствием, а вот следовательно по коридору взором шарит, запоры на окнах да дверях изучает, точно тать ночной, прости господи. И в декольте даже не взглянул ни разу, статуи каменный! А может, он просто при жене весь из себя такой сдержанный, а как наедине останутся, так и даст волю рукам жадным? А руки-то у господина Штольмана сильные, в таких сла-а-адко погреться будет. Ольга Кирилловна глаза прикрыла и в мечтаниях своих не заметила, как следовательно опять на неё взглянул, бровью дёрнул да приказал коротко:

— Из дома никуда не уходите, будьте в гостиной. После обыска в спальне и беседы с вдовой мы и с Вами побеседуем. Прокофьев, проводи.

— Будет сделано, Ваше Высокоблагородие, — отрапортовал городской, окинув даму оценивающим взглядом и сочтя её весьма аппетитной и внимания достойной. Нет, конечно, работе следователя не позавидуешь, однако, и приятные моменты в сей службе сыскать можно. Вон, с какими дамочками сладкими общаться приходится!

Ольга Кирилловна нежеланной высылке в гостиную противиться не стала, наоборот, очи долу скромно потупила, присела послушненько и за городовым последовала. Яков дождался, пока дама с городовым скроются из вида и повернулся к Анне, в мрачном доме, холодном и словно бы насупленном, выглядевшей диковинной птичкой, невесть как залетевшей в эту унылую обитель. Анна Викторовна словно только и ждала, когда муж на

неё внимание обратит, улыбнулась ясно и смущаясь, попросила:

— Можно я в спальне одна побуду? Попробую дух Кирилла Владимировича вызвать.

Яков Платонович нахмурился. Старика Боброва он знал весьма неплохо, приходилось несколько раз пересекаться по служебной надобности, а потому оставлять Аню наедине с духом сего сладострастника не хотелось. Но и отказывать тоже не хотелось, ведь уже слово дал, что позволит Анне Викторовне в расследовании участие принять.

Господин Штольман вздохнул, постигая великую мудрость любого супруга: уступать своей дражайшей половине, и коротко кивнул:

— Хорошо, только сначала спальню осмотрим.

Анна Викторовна просияла, как маленькая девочка коей на ярмарке большой пряник купили, и так энергично закивала, что шляпка на правый глаз съехала:

— Да, конечно, обязательно осмотрим!

Штольман усмехнулся, головой покачал, понимая, что готов свод небесный встряхнуть и к ногам этой девочки положить.

"Так, сударь, соберитесь, Вы на службе, — приказал себе Яков Платонович, — дела сердечные должно отодвинуть".

По тому, как построжили черты и стал острее блеск глаз Якова Платоновича, Анна безошибочно поняла: влюблённый мужчина уступил место следователю. Ну что ж, если посудить, оно и к лучшему, сейчас должно преступника изобличать, а не любезностями обмениваться. Анна Викторовна поправила шляпку и грациозно вошла в любезно открытую Яковым Платоновичем дверь.

Спальня была тёмной и так отчётливо пахла сыростью и тленом, что Анна даже по сторонам огляделась, страшась обнаружить где-нибудь в углу прикованный цепями к стене скелет, а то и не один.

— Неприятное место, — Штольман прошёл к окну, резко раздёрнул шторы, впуская в комнату хоть немного света, — темно и пыльно.

— И как он тут спал? — Анна передёрнулась и зябко обхватила себя руками за плечи, стараясь побороть накативший озноб.

— Я думаю, будет лучше, если Вы, Анна Викторовна, побеседуете со вдовой, — Яков Платонович решил, что не стоит терзать супругу пребыванием в этом склепе, а то, оборони господь, кошмары приснятся. Да и добрая солнечная Аня точно сможет разговорить молодую вдову, коя, согласно донесению городского, молчит и ни на что не реагирует.

— Хорошо, Яков Платонович, — Анна Викторовна не стала скрывать благодарного взгляда. Право слово, в такой спальне и при свете дня находиться неприятно, как только покойный тут ночи проводил!

Оставшись один, Яков Платонович осмотрел спальню, но, увы, никаких следов обнаружить не удалось. Горничная Ульяна, утром обнаружившая тело хозяина, плача и мелко крестясь сообщила, что перед венчанием весь дом был самым тщательным образом убран, пол навощён, а мебель отполирована и даже покрывало новое из сундука достано.

"Да неужели?" — хмыкнул следователь, заметив на полке с книгами толстый пушистый слой пыли, видевший ещё сырое лето, случившееся три года назад, а то и изнуряющий весенний зной пятилетней давности.

— Кто приходил вчера к Кириллу Владимировичу во второй половине дня, ближе к вечеру?

Служанка вытерла нос кончиком серого застиранного фартука, нахмурила тонкие светлые брови, вспоминая:

— Да даже и не знаю, барин. Я-то как чистоту навела, домой пошла, ишшо до полудня. Вы лучше у Таньки стряпухи спросите она господам ужин готовила, можа кого и заприметила.

— Есть слуги, которые постоянно находятся в доме?

Ульяна хихикнула, всплеснула руками:

— Да что Вы, барин, покойник-то, не в обиду будь сказано, скуп был до невозможности. Он и сам бы всё делал, кабы умел, да на наше счастье, никто его стряпать да прибираться не учил.

Яков Платонович ещё раз посмотрел на пушистые залежи пыли. Похоже, чистоту в этом доме блюли исключительно в тарелках и то по причине скудости подаваемой пищи. Ну да бог с ними, в конце концов, купец не от болезни, от пыли подхваченной умер, помогли ему на встречу с Создателем отправиться.

— Вы тело обнаружили?

Служанка всхлипнула размашисто перекрестилась:

— Я, господин следователь. С утреча пришла, чую, тихо в доме, но не просто тихо, а тишина такая, знаете, гробовая, у меня аж мурашки по телу пробежали. Не должно так на второй день после венчания быть, сразу-то покойный барин своих девок не зашибал, ему над ними куражиться нравилось. Любил он смотреть, как их от боли корчит.

Яков Платонович зло сжал губы, вспомнив некоего Жоржа из Затонска, при свете дня обычного портного, а ночью измывавшегося над беспомощными девицами из борделя. Как этот Жорж трясся, когда его к ответу привлекли, как бледнел и увиливал, мерзавец! Штольман медленно выдохнул, разжимая непроизвольно стиснувшиеся в кулак пальцы.

— Так я, грю, барин, — опасливо прошептала Ульяна, заприметив, как словно туча чёрная грозовая по лицу господина следователя прошла, — тихо в доме было. Я наверх поднялась, к спальне, к двери ухом прижалась...

— А почему не вошли?

Горничная хекнула:

— Марыська зашла без спроса, так в неё канделяброй бронзовой кинули. Она, горемычная три дня в горячке пролежала, а потом померла, а можа, барин подушкой придавил, грозился, что, мол, дорого к ней лекаря вызывать, проще удавить да в саду прикопать. Никто её, сироту, искать не будет, никому она, дурында, не надобна.

У Якова Платоновича возникло огромное желание воскресить покойного, дабы появилась возможность отправить его в преисподнюю по частям. Не-е-ет, Анну Викторовну наедине с этим... этим оставлять не стоит, даром, что он дух бесплодный. Если есть в мире справедливость, а она вне всякого сомнения существует, то гореть душе Кирилла Владимировича на медленном огне, откупая души замученные! Штольман зло крутанул трость, отчего горничная испуганно шарахнулась в угол и сжалась в комок, прикрывая лицо и живот.

"Болван, — обругал себя Яков, — напугал девчонку, как бы у неё от страха язык не отнялся! Будет тогда в доме вторая безъязыкая".

— Не бойтесь, Ульяна, вас никто более не обидит, — Яков Платонович вежливо приподнял уголки губ в улыбке, успокаивая напуганную девчонку.

Та, пусть и не сразу, вылезла из уголка, отёрла ладонью взмокший от страха лоб,

откашлялась и продолжила, с каждым словом оживая всё больше и больше:

— Так вот, господин следователь, я ухом к двери прижалась, а в спальне тишина могильная. Вот Вам крест, — Ульяна размашисто перекрестилась, — не вру. Обычно-то по утрам шаги хозяйские слышны, коли рано придёшь, так и скулёж девкин, ежели она может скулить, а ежели девицу замертво выносят, то поутру хозяин напевать изволит, а тут на-ко, тишина! Ну я дверку чутка приоткрыла внутрь глянула, а там темь господня, не видно ничего. Барин-то, конечно, на свечах экономил, на ночь завсегда задувал, но на первую-то брачную ночь с молодой супругой цельной пятирожковый канделябр приказал принести. И струмент свой...

— Какой инструмент? — нахмурился Яков Платонович, на собственном сладостном опыте знающий, что никаких "струментов", кроме тех, коими природа человека наградила, в первую брачную ночь не требуется.

Горничная посмотрела на господина следователя едва ли не с жалостью, как на блаженного из храмового приюта:

— Дык, ножички там всякие, иголки, протчее... Я же сказывала, что он страсть любил, как девок от боли корчит.

Штольман медленно втянул носом воздух, стиснув трость так, что она даже затрещала. Ульяна опасливо покосилась на Якова Платоновича, на всякий случай отошла подальше и поспешно закончила:

— Так вот, я в спальню вошла, пару шажочков сделала и о канделябре споткнулась, ногу зашибла...

Следователь внимательно осмотрел пол, но даже следа канделябра не было и в помине. Ах нет, вот небольшая ямка в досках, оставленная брошенным тяжёлым предметом. И капли воска во все стороны от ямки, видимо, разлетелись от свечей, упавших на пол. Нужно будет сказать городовым, чтобы свечи упавшие поискали, наверняка они по всей спальне раскатились. А вот подсвечника нет, видимо, убийца забрал его с собой, возможно, даже зажёг свечи, чтобы спуститься вниз без риска свернуть себе шею на лестнице. Дом пустой, хозяин убит, жена молодая в беспамятстве, кого ему бояться? Если только экономки, но та вполне могла быть и сообщницей, а то и убийцей. Хотя какой ей резон убирать своего благодетеля, да ещё и после венчания, зачем отдавать всё состояние купца в чужие руки?

— Значит, когда Вы зашли в спальню, то споткнулись о канделябр? — Яков Платонович пристально посмотрел на девушку.

Горничная с трудом сглотнула и истово закивала:

— Ага, так и есть, истинно так. Я ажно вскрикнула от боли, но тут же рот себе ладошкой зажала, дабы барин в меня чем-нить не кинул. Но обошлось, слава тебе Господи, — служанка опять размашисто перекрестилась. — Я к кровати-то подошла, а там...

— Вы в темноте разглядели, что на кровати? — Яков Платонович недоверчиво приподнял бровь.

— Та не, у меня же свечечка маленькая в кармашке припасена была, я её и запалила. Правду сказать, свету от неё не шибко много, но на шажок вперёд кое-как освещает, а боле мне и не надобно. Так вот, я до кровати добралась, а тамотки барин лежит пластом и голова у него, вот Вам истинный крест не вру, вдребезги раскурочена!

— А супруга?

Ульяна раздосадованная, что не смогла впечатлить господина следователя, чмыхнула

носом:

— Под ним лежит, глазища распахнуты широко и не видят ничего, словно ослепла она. Я барина с неё стаскиваю, а он тяжеленный, страх, я ажно взмокла вся, а та лежит чисто покойница и не шелохнется. Я уж грешным делом подумала, что и её загубили, рукой-то тронула, а она тёплая, да и сердце бьётся. Потом вздохнула и глаза закрыла, ну я тут и вовсе успокоилась, мертвяки-то они глазами не хлопают.

Горничная почесала щёку и раздумчиво добавила:

— А можа, она ведьма? Али ентот, как его, вупырь? Я об нём на ярмарке о прошлом годе сценку смотрела.

Ну вот, началась опять охота на ведъм, мало было поклёпов, возводимых редактором "Затонского телеграфа" на Анну Викторовну!

— Ваша барыня от произошедшего, — Штольман помолчал, подбирая слова, — захворала.

Ульяна вздохнула:

— Оно и немудрёно, господин следователь, не шибко ей с супругом-то повезло. Богат, спору нет, но у него опыта вдовства поболее будет. Чай, не первую девицу в сыру землю вгоняет.

Яков Платонович задал горничной ещё пару вопросов, но ничего более девица сказать не могла, а потому ей было велено дома не покидать, и разговор на том закончился.

Оставшись один, Штольман кликнул городских, приказал ещё раз обыскать спальню и найти выпавшие из канделябра свечи, после чего уточнил, где можно найти Анну Викторовну, вдову и доктора и отправился в указанные покои. Там господина следователя ждали два неприятных, как говорят англичане, сюрприза. Первый заключался в том, что молодая вдова более походила на статую, чем на живого человека, ни на что не реагировала и только и могла, что глаза закрывать и открывать. Второй же неожиданностью стало присутствие в комнате графини Берестовой, распорядившейся слугами, а пуще того, городскими так, словно они были её рабами. Стоит отметить, что дюжие городские не сильно и роптали против произвола прелестной Юленьки.

— Юлия Романовна, смею напомнить, что посторонним здесь не место, — отчеканил Яков Платонович, приветствовав даму сухим поклоном.

Графиню Берестову, однако, сия эскапада ничуть не смутила:

— Осмелюсь напомнить, Яков Платонович, что Аглаша мне не посторонняя, мы вместе в гимназии учились, с тех пор и дружим. И присутствие близких людей в столь тягостный час будет Аглаше лишь на пользу. Ведь так, доктор?

Застигнутый врасплох Иван Герасимович, атлетического телосложения с пышными седыми гусарскими усами мужчина согласно кивнул и виновато развёл руками:

— Прошу прощения, Яков Платонович, но сие есть истинная правда. Аглая Ивановна находится в глубоком каталепсусе в результате тяжёлого душевного потрясения, а потому...

— А потому, Яков Платонович, ей нужны дружеские забота и участие, а не допросы, — решительно закончила Юленька. — Тем более, что на Ваши вопросы она всё одно отвечать не в состоянии.

Взгляд Штольмана заледенел, но графиня Берестова слишком давно и хорошо знала господина следователя, а потому и бояться его не собиралась. Право слово, в самом худшем случае, яков сорвётся и гадость какую-нибудь скажет, о чём сам же потом и будет сожалеть!

Анна поняла, что пришла пора вмешаться, пока два дорогих её сердцу упряма не

рассорились. Анна Викторовна нежно взяла мужа под руку:

— Если осмотр спальни завершён, то, может, мне стоит побеседовать с духом покойного? А после я попытаюсь позвать дух несчастной Аглаи, она сейчас почти как Элис, помнишь?

Штольман поморщился, сии воспоминания никакой радости не доставляли, но предложение было хорошим, а потому господин следователь согласился. Но только с одним условием: одну в спальне Анну он не оставит и это ни коим образом обсуждаться не будет. Анна Викторовна, коей и самой не хотелось быть одной в похожей на склеп комнате, с радостью согласилась. Конечно, Яков призраков не видит, но одно его присутствие способно ободрить и согреть, словно ясное солнышко.

Дело Ъ 1. Сладострастникъ. Паучья сеть любви

По дороге в уже ставшую знакомой спальню, Яков обстоятельно рассказал Анне всё, что удалось узнать. У самого порога их догнал запыхавшийся городской Прокофьев с сообщением, что в кустах у дома обнаружен канделябр, измазанный кровью. Штольман повернулся было к городскому, но замер, вспомнив о том, что Анна Викторовна собирается дух Боброва призывать, а посему оставлять её одну крайне нежелательно.

— Вы идите, Яков Платонович, — Анна мягко улыбнулась, ласково провела рукой по плечу супруга, — а я здесь немного одна побуду.

— Только не исчезните, как из комнаты господина инженера, — буркнул Яков Платонович, досадуя, что не может быть в двух местах сразу, — мне Вас тогда по всему городу пришлось искать.

— Так уж и по всему, — покраснела Анна Викторовна, — и, между прочим, я вам записку оставила.

— И даже в стихах, — воспоминание об инженере неизбежно повлекло за собой и воспоминания о приступе ревности, обуявшей Якова Платоновича, когда он узнал, что Анна приходила ночью в номер к неженатому мужчине, а потому настроение господина Штольмана резко ухудшилось. — Надеюсь, в этот раз, сударыня, я найду Вас там же, где и оставил. И Вы не отправитесь на поиски приключений в гордом одиночестве.

— Да что он себе позволяет, мальчишка?! — так и взвилась бабушка, для коей суровый тон в отношении обожаемой внучки был словно острый нож в сердце. — Ревнивец несчастный!

— Несчастливым Яков был, когда Анна Викторовна других привечала, — педантично заметил Платон Карлович.

— А нечего было вокруг да около ходить, — огрызнулась тётка Катерина, — да бедную девочку, точно гимназистку провинившуюся, отчитывать почём зря. Аннушка, бедолага, не знала, как к этому статую подойти, кругом одни колючки, да Нежинская эта, змеища!

— Ну зачем Вы так, — мягко укорила разбушевавшуюся женщину Марта Васильевна, — Нина Аркадьевна уже умерла...

— Можно подумать, мы живее всех живых, — фыркнула тётка Катерина.

— Дамы, я надеюсь, Вы помните, что Аннушка сейчас будет духа призывать? — напомнил Платон Карлович. — И ей совершенно точно потребуется наша помощь?

Анна Викторовна, вот уже несколько минут тщетно пытающаяся сосредоточиться и игнорировать гомон призрачных родственников, сердито нахмурилась и выпалила:

— Для начала мне потребуется тишина, иначе в таком гомоне Кирилл Владимирович меня не услышит!

— Милая, так оно и к лучшему, — бабушка ласково провела морщинистой рукой по голове внучки.

Ну вот, так всё хорошо начиналось, Яков в её способности поверил, родители смирились, казалось бы, живи да радуйся, так ведь нет, призрачные родственники воспитывать стали! Анна в сердцах даже ногой притопнула и почти крикнула:

— Я сама решу, что лучше, я уже не ребёнок!

— Ладно, не ребёнок, оставайся одна, раз такая взрослая, — ядовито процедила тётка Катерина, эффектно растворяясь в воздухе, — пойдём мы. Помощь потребуется, зови.

Все призрачные родственники, кто с мягким укором, кто с виноватой улыбкой, а кто и с видимой неохотой, растворились в воздухе. Анна облегчённо выдохнула, сжала виски руками и нараспев произнесла:

— Дух Кирилла Владимировича Боброва, явись! Дух...

Холодный, промораживающий насквозь порыв ветра взлохматил Анне Викторовне волосы, оборвал дыхание. В груди словно острый кусок льда стал проворачиваться, Анна прижалась к стене, тщетно пытаясь вдохнуть.

— Какая сладкая девочка, — проскрипел знакомый до мурашек по коже голос, и прямо перед Анной появился уже знакомый тощий старик с пронзительными, выцветшими от времени, сально поблёскивавшими глазами. — Мы с тобой зна-а-атно порезвимся!

Ледяная высохшая рука скользнула по щеке барышни, больно ущипнула за подбородок. Анна Викторовна попыталась отпрянуть, оттолкнуть руку, но опять, как в кошмаре, ноги приросли к полу, руки повисли безвольными плетями, а горло перехватила невидимая петля. Барышня застонала, силясь вырваться или хотя бы позвать Якова, уж он-то точно спасёт, всегда спасает, но каждая попытка крикнуть заканчивалась лишь болью в груди и всё усиливающимся головокружением.

— Сладкая моя, — бормотал старик, склоняясь над Анной и ежеминутно облизывая тонкие морщинистые губы острым языком, — такая тёплая, такая живая. Не упрямься,пусти меня, уверен, ты не пожалеешь...

Пуговка на груди платья Анны Викторовны отлетела и со стуком ударилась в стену, затем ещё одна и ещё, обнажившейся груди коснулся ледяной ветерок.

— Нет, — прохрипела Анна, из последних сил стараясь не потерять сознание, — Яша... помоги...

Криволапое кресло со скрежетом сдвинулось к двери, блокируя выход. По щеке Анны Викторовны скользнула одинокая слезинка, Кирилл Владимирович с дребезжащим торжествующим смехом ногтем, царапая нежную девичью кожу подцепил слезу и демонстративно глядя на барышню облизал палец. Жадно облизнулся, почмокал губами:

— Сладкая и сильная. Очень хорошо.

Ещё одна пуговица отлетела, впечатавшись в стену, а потом... Потом началось самое настоящее, многократно обещанное, светопреставление. Кресло вместе с дверью с треском и грохотом отлетело прочь, от удара в стену развалившись на куски. Яков влетел в спальню, обхватил Анну, притиснул к себе, делясь теплом, защищая от чего-то невидимого, ощущавшегося тягучей холодной слизью. Анна Викторовна, не сдержавшись, разрыдалась в голос, уткнувшись лицом в грудь мужа.

— Да как посмел?! — взвыл призрак и потянулся к Штольману своими костлявыми руками, но проявившиеся вокруг родственники Якова и Анны окружили Боброва, не давая ему прорваться к Анне и Якову Платоновичу.

— Не смей их трогать, — рывкнул Платон Карлович, хватая Кирилла Владимировича за шиворот и встряхивая словно пыльный коврик. — Не смей даже смотреть на них, мерзавец!

— Я буду жаловаться, — прохрипел Бобров, тщетно пытаясь вырваться.

— А вот это сколько угодно, — огрызнулся Платон Карлович, став в этот миг удивительно похожим на Якова, кой частенько так отвечал на угрозы возможных жалоб начальству. В семействе Штольманов ябедников никогда в чести не держали.

— Пусти, — хрипел Кирилл Владимирович, извиваясь и пытаясь оттолкнуть крепко держащие его руки. — Не смей меня трогать!

— Платон Карлович, — басовито прогудел дальний Аннушкин предок, о коем в семье знали лишь то, что имел какое-то отношение к церкви и был то ли старовером, то ли экзорцистом. От него-то, согласно семейным преданиям, и унаследовала Анна свой дар медиума. — Платон Карлович, голубчик, не сочтите за труд, подержите сего презренного ещё немного, дабы мне за ним гоняться не пришлось. Сейчас мы его отправим туда, где ему самое место.

Бобров взвыл, отчаянно рванулся, но от Штольманов, что призрачных, что телесных, освободиться было не так-то просто:

— Нет, нет, не смейте! Да я...

Экзорцист степенно разгладил густую бороду, спускающуюся до пояса, оправил серую рясу, перепоясанную простой верёвкой:

— Вот что, овца заблудшая, от пастыря отделившаяся, слушай меня внимательно: коли хочешь исчезнуть без лишних мучений, прямо сейчас, обстоятельно и ничего не тая, расскажи Анне Викторовне всё, что твоего убийства касается. И ежели мне покажется, что ты девочку обидел чем, либо же оскорбил, то...

Мужчина выразительно развёл руками, а деревянный крест у него на шее выразительно вспыхнул бледно-жёлтым огоньком.

— Всё, всё расскажу, — Кирилл Владимирович грохнулся на колени, пополз к Анне, глядя на неё взглядом отшвырнутой пинком шавки, — не извольте гневаться, Анна Викторовна, грешен, не сдержался... Да и как устоишь перед этакой-то красотой! Вот и я, слаб человек, грешен, не сдержался... Как же мимо такой прелести-то пройти!

Анна вздрогнула, со смесью презрения и гадливой жалости, словно крысу с перешибленной спиной увидела, глядя на ползущего к ней на коленях призрака.

— Что случилось, Аня? — Яков оглянулся, не видя, но чувствуя нечто, упорно не поддающееся законам логики и, пожалуй, впервые в жизни досадуя, что не может видеть призраков. — Что такое?

— Кирилл Владимирович хочет со мной поговорить, — Анна Викторовна не спешила покидать объятий мужа, да и продолжать общение с покойным бобровым тоже желанием не горела. Ей и одного раза хватило.

— Опять?!

В светлых глазах Якова Платоновича вспыхнул огонёк, чем-то похожий на пламя из крестика экзорциста.

— А ведь мальчик за нашу Аню и призрака убьёт не задумываясь, — задумчиво протянула бабуля, разваливаясь в кресле и прямо из воздуха вытаскивая корзинку сочной спелой малины.

— Фи, тоже мне нашла мальчика, ему почти сорок, — кошкой, облитой водой, фыркнула тётка Катерина.

— Мужчина, как вино, с годами становится только выдержаннее и дороже, — философски заметил Иван Афанасьевич, пристраиваясь поближе к малине.

— По части вин Вы, дражайший родственник, признанный специалист, — не унималась тётка Катерина, кою изрядно напугало нападение господина Боброва на Анну. Хотя женщина и после смерти не желала признаваться, но ей по сердцу пришлась Анна Викторовна, да и супруг её тоже особых нареканий не вызывал.

— Тих-х-ха! — уже привычно прищкнула бабуля, — а то Аннушка ничего не услышит и Якову Платоновичу передать не сможет.

Купец Бобров каяться не рвался, но попробуй утаи что-нибудь, когда тебе спину буравят взглядами многочисленные призраки, только и ждущие момента, чтобы отправить его в преисподнюю, причём желательно по частям. Да и супруг Анны Викторовны тоже не выглядел безопасным невидцем, лишённым способности видеть, а главное, навредить, призраку. Ощущалось в нём что-то такое, с экзорцизмом схожее, добро, что сам Яков Платонович, сих сил у себя пока не признавал. В таком-то окружении любой птичкой певчей запоёт, ничего не утаит, вот и Бобров тяжко вздохнул и, дабы хоть немного девчонку помучить, не словами рассказывать стал, а картинки показывать начал. От видений-то у медиума этой точно голова разболится, как говорится, мелочь, а приятно!

Анна судорожно вздохнула от ледяного холода и увидела тёмную спальню, единственным источником света в коей был пятирожковый канделябр, стоящий на прикроватном столике. В уголке у старой, едва ли плесенью не покрывшейся иконы стояла худенькая светловолосая девушка в белом просвечивающем пеньюаре. Невеста, точнее, молодая жена, как догадалась Анна Викторовна. Время от времени девушка смахивала струящиеся по лицу слёзы, испуганно косилась на дверь, потирая озябшие на холодном каменном полу ноги друг о друга.

Дверь в спальню распахнулась, заставив новобрачную едва ли не подпрыгнуть на месте и ещё жарче зашептать молитвы. Просила девушка не о супружеском счастье, как следовало бы для молодой жены, а терпения да смирения, дабы все испытания выдержать с достоинством. Анна невольно вспомнила свой предсвадебный молебен, коий совершала вместе с матушкой и тётушкой. Дамы советовали невесте молиться о супружеском счастье, а Анна Викторовна вместо слов молитвы лишь шептала восторженно, сияя улыбкой:

— Благодарю тебя, Боже, что ты подарил мне встречу с Яковом, об одном прошу: позволь нам быть вместе долгие годы, поровну делить все радости и горести. Господи, счастье-то какое!!!

Девушка с трудом сдерживалась, чтобы, подобно маленькой девочке, не завизжать от восторга и не начать прыгать на месте, хлопая в ладоши.

Призрак купца Боброва, для коего воспоминания Анны Викторовны тайной не являлись, скривился, точно вместо говядины ему мышь подсунули, воровски покосился на призрачных родственников барышни, коварно глазками блеснул, а после словно бы случайно взмахнул рукой. Жест простой и даже безобидный, никто из наблюдавших за Кириллом Владимировичем ничего даже не заподозрил, только вот Анна из стороннего наблюдателя событий прошлого переместилась на место несчастной невесты. И это уже она сама стояла на каменном полу спальни, переступая с ноги на ногу, дабы согреть замёрзшие ступни, она сама повернула голову на чуть слышный скрип открывшейся двери. И именно она увидела довольного, сально ухмыляющегося купца Боброва, в роскошном атласном халате входящего в спальню на правах хозяина и господина, чьё слово истина и закон в последней инстанции.

— Ну здравствуй, красавица, — хищно оскалился Кирилл Владимирович, — вот мы с тобой наедине и остались, теперь уж никто нам не помешает.

Анна опустила глаза, только сейчас заметив, что облачена своего лишь в пеньюар и прозрачен он просто до неприличия. Так это что же получается, она невестой стала?

— Что такое, красоточка? — продолжал издеваться купец Бобров. — Ты же так хотела узнать, кто меня убил, дух мой и без того не сильно покойный, растревожила, а рази ты не знала, что бывает с теми, кто души убитых тревожит? Али думала, что тебя предки твои несуразные или муженёк упрямый сберечь смогут? Так вот, моя сладкая: не смогут. Духи-то твои благородны прямо до глупости, а про мужа я и вовсе молчу, он же не верит в призраков, практичен до невозможности, дивно, что вообще согласился тебя женой сделать, а не любовницей оставить. Он же даже на Нежинской не женился, а уж та женщина была... — Кирилл Владимирович восхищённо почмокал губами и восторженно закатил глаза.

— Нина Аркадьевна была из тех, на коих не женятся, — выпалила Анна подслушанную случайно у дядюшки фразу.

— Ну да, умна была, — согласился купец, деловито раскладывая на прикроватном столике какие-то ножички, иглы и прочие железки причудливой формы, местами с засохшими бурыми пятнами. — А вот от смерти убежать не получилось, умерла глупо. И с чего, спрашивается, той лошади пугаться, не знаешь? — старик покосился на Анну, но ту больше волновало, как выбраться из этого слишком уж реального видения живой и невредимой, чем смерть госпожи Нежинской. — Да где тебе, у тебя и разума на такое не хватит. И что только господин Штольман в тебе нашёл? — Кирилл Владимирович почмокал губами, придиричиво и бесцеремонно, словно капусту на прилавке, рассматривая Анну Викторовну. — Фигурка, правда, ничего, но я и красивей видел. И он, Яков Платонович, тоже. За ним же такие женщины бегали, о-о-о...

Купец закатил глаза, восхищённо покачал головой, даже губами опять зачмокал, искоса посматривая на Анну. И та не выдержала. Понимала, всей душой чувствовала, что сии разговоры не простые любезности, что Кирилл Владимирович любит терзать не только тело, но и, как князь Разумовский, душу, а вот не утерпела, сдалась под напором извечного женского любопытства и, чего пред собой греха таить, ревности.

— И какие?

Кирилл Владимирович хитро улыбнулся:

— Коли интересно, милая, могу и показать, мне не жалко.

Купец взмахнул рукой, и Анна Викторовна увидела Якова Платоновича в окружении изумительных, на нимф, дриад и прочих сказочных красавиц похожих, дам. Одни кокетливо улыбались, демонстрируя глубины собственного декольте, другие обнимали, прижимаясь всем телом, третьи и вовсе висели на шее, осыпая страстными поцелуями, а четвёртые... Анна покраснела и резко зажмурилась.

— Хватит! Прекрати немедленно, это всё в прошлом!

— Могу и будущее показать, — сладенько пропел старик Бобров, — вот, изволь увидеть, красавица.

Анна ещё крепче зажмурилась, даже ладошками для верности глаза закрыла, как в детстве делала, когда чего-нибудь очень сильно пугалась.

— Ну же, сладкая, неужели тебе совсем неинтересно твоё персональное долго и счастливо, — демоном-искусителем вещал Кирилл Владимирович, — неужто тебе не интересно взглянуть на детишек господина Штольмана?

И Анна Викторовна не выдержала, не утерпела, уж больно хотелось на малышей, на Якова похожих, взглянуть. Барышня открыла глаза, осторожно раздвинула пальчики, да так и охнула. Нет, Кирилл Владимирович не обманул, он действительно показал Якова Платоновича в окружении двух малышей, мальчика и девочки, озорных, как и все дети, только вот любовалась малышами, держа Штольмана под руку, отнюдь не Анна, а встретившая их в доме купца дама.

— Как же так, — пролепетала Анна Викторовна дрожащим от обиды голосом, — почему?

Старик Бобров с наслаждением расхохотался прямо в лицо Анне:

— Потому что бросит он тебя, другую найдёт.

— Мы же венчанные!

Купец передёрнул плечами:

— Так что с того? Государь Император Александр Второй, Освободителем прозванный, вообще любовницу над супружескими покоем поселил...

— А его сын, ныне правящий, верен супруге! — запальчиво возразила Анна, даже ножкой притопнула.

Кирилл Владимирович нахмурился, зло щекой дёрнул:

— Ты, дура, ногами-то на меня не топай, я тебе не Штольман. Сказал, бросит он тебя, значит, так тому и быть. А ты, моя милая, не теряйся, первой ему рога наставь. Уверен, после моих-то ласк тебе на Штольмана и смотреть-то не захочется.

Анна Викторовна гадливо плечами передёрнула и покачала головой, резко выдохнув:

— Нет!

— Стану я тебя слушать, — пробурчал старик, хватая Анну за руку и волоча к постели. — Не рвись, душа моя, ты сейчас та, из-за коей меня убили, а у нас с ней всё к взаимному удовлетворению сладилось.

Анна Викторовна отчаянно сопротивлялась, даже укунуть попыталась Кирилла Владимировича, но он доволком её до кровати и таким мощным ударом ринул на ложе, что едва не оглушил. Анна сдавленно застонала, понимая, что нужно бороться, но не в силах ничего сделать.

— Не рвись, сладкая, — бормотал купец Бобров, сбрасывая халат, — не поможет. Той птахе не помогло, хоть она и сильная была. Полтора года прожила, подушкой додушить пришлось, сама всё не помирала.

Анна Викторовна попыталась крикнуть, но язык стал вялым и не послушным, губы спеклись так, что даже не открывались.

— Яша, прости, — простонала барышня, чувствуя, как тоненькими ручейками стекают по щекам слёзы.

Поток холодной воды, выплеснутый прямо в лицо, заставил Анну сначала непроизвольно вдохнуть, а потом отчаянно, до слёз и тошноты, раскашляться. Голова болела так, что свет был не мил, в ушах гудело, во рту стоял мерзкий тошнотворный привкус, ноги подгибались, категорически не желая стоять твёрдо, перед глазами всё плыло. Родные сильные руки крепко обхватили Анну Викторовну за плечи, сквозь гул в ушах пробился встревоженный знакомый голос:

— Аня, Анечка, что с тобой?

Анна зажмурилась, сбрасывая воду с ресниц, медленно открыла глаза и слабо улыбнулась, её крепко держал самый лучший мужчина на свете: Штольман Яков

Платонович.

— Яша, — хриплым до неузнаваемости голосом прошептала Анна, вяло приподнимая руку, чтобы погладить мужа, и потеряла сознание.

Анна Викторовна лишь много позже узнала, какая суматоха поднялась в доме из-за её обморока, а о том, что предок экзорцист выполнил своё обещание и Боброва Кирилла Владимировича в ад изгнал прямохёнько в геенну огненную, и вовсе лишь догадывалась. Призраки на все её расспросы лишь пожимали плечами и скупно роняли, что боле купец Бобров никого уже не потревожит.

Когда Анна пришла в себя, то обнаружила, что лежит на узкой софе, рядом на стуле сидит Яков и крепко держит её за руку, при этом взгляд у господина Штольмана такой, что способен насквозь пронзить.

— Ну вот и всё, теперь Анна Викторовна скоро оправится, — спешно вызванный, из гостей выдернутый, доктор с видимым облегчением стал собирать в саквояж всевозможные медицинские приспособления. — Это всё нервное напряжение, у барышни просто много потрясений выдалось. Отдохнёт день-другой, и всё будет хорошо, не беспокойтесь, Яков Платонович. Организм крепкий, выдюжит. Барышне сейчас нужен покой и ничего более.

— Благодарю, Олег Петрович, — Штольман коротко кивнул, погладил холодные пальчики супруги и крикнул, — Прокофьев!

— Я здесь, ваше Выс-родие, — моментально откликнулся городской, словно только и ждал зова начальства.

— Проводи Анну Викторовну домой, да передай Елизавете... нет, та не поймёт. Михаилу Платоновичу, что доктор Трауберг прописал моей супруге полный покой.

— Будет сделано, Ваше Выс-родие, — отрапортовал Прокофьев, с обожанием глядя на следователя.

— Ступай к коляске, Анну Викторовну я сам принесу, — коротко кивнул Штольман.

Анна благоразумно подождала, пока Прокофьев скроется за дверью и попыталась было возразить:

— Не надо меня носить, я сама дойду. Не волнуйся, Яша, доктор же сказал, что всё в порядке, я просто перенервничала. Зато я узнала, почему убили Боброва...

Яков Платонович навис над Анной, припечатав ладони по обе стороны от её лица, и медленно, чеканя каждое слово, произнёс:

— Слушайте меня внимательно, Анна Викторовна. Хватит с меня Ваших призраков, духов и прочих мистификаций. Вы моя супруга и я Вам запрещаю, слышите, запрещаю принимать участие в каких бы то ни было расследованиях. Это слишком небезопасно!

— Но...

Анна попыталась было объяснить мужу, что бояться нечего, вместе они справятся с чем и кем угодно, но Штольман властно оборвал жену:

— Довольно, Анна Викторовна. Вы отправляетесь домой.

— А Вы остаётесь здесь в компании той пышногрудой прелестницы? — обиделась Анна, некстати вспомнив показанную купцом Бобровым картинку из якобы будущего Штольмана.

Якову Платоновичу следовало бы прислушаться к словам жены, вникнуть в суть вопроса, но уж больно сильно он за неё перепугался, сердце до сих пор несло галопом, а потому следователь лишь зло выпалил:

— Да!

Анне бы тоже следовало хоть чуточку успокоиться, подумать о состоянии супруга, чай, ему не сладко каждый раз ненаглядную из переплётов заковыристых вытаскивать, да, как говорится, ретивое взыграло. Нина Аркадьевна некстати вспомнилась, видения эти с другой супругой, ядовитые слова купца, страх пережитой... всё смешалось, сплелось, вылилось в обиду жгучую, разуму не поддающуюся. Анна Викторовна вскочила на ноги, пошатнулась, но удержалась, сквозь слёзы выпалила мужу:

— Не надо меня провожать, сама доберусь!

После чего из комнаты выскочила и дверь за собой бухнула. Штольман в сердцах подушку в дверь запустил и витиевато по-немецки выругался, а потом по-русски устало выдохнул, как отец всегда делал, когда его доченька особенно сильно допекала и с супругой чего не ладилось:

— Женщ-щины... Вот уж воистину паучья сеть любви, будь она неладна!

Дело ЛЬ 1. Сладострастник. Среди оружия законы молчат

Даже если, как писал поэт, ум с сердцем не в ладу, дел служебных никто не отменял, а потому загнав чувства как можно глубже и надев привычную маску холодной невозмутимости, Яков Платонович отправился к терпеливо ожидающей его в гостиной госпоже Погодиной. Господин Штольман для себя уже давно решил, что положение сей дамы в доме купца Боброва скромной должностью экономки не ограничивалось, уж больно смело она себя держит, не сравнить с тихоней Машенькой в доме купца Куницына. А ведь та барышня контрабандистами командовала, с опиумом дело имела и при этом такой кроткой овечкой казалась, что любой мужчина готов был ей всенепременно помощь и содействие оказывать. Яков Платонович досадливо головой покрутил. Беда с этими Затонскими барышнями, уж больно они самостоятельны, сами в любую ловушку лезут, а потом ещё и гневаются, как тот петух из сказки, коего злой пёс не пустил к лисе на ужин. Анна вот тоже... Штольман сердито мотнул головой. Он же раз сто, не меньше, просил её держаться от дел следственных подальше, в доме убиенного купца Куницына в Затонске вообще предложил нейтралитет поддерживать, и что? Правильно, ничего. Сам предложил, сам же о своём предложении, едва его озвучив, и пожалел. Вот уж воистину, хозяин своего слова! И сейчас опять то же самое повторяется, нужно на делах служебных концентрироваться, а вместо этого все помысли лишь об Анне, как она да что с ней, да всё ли ладно, да сильно ли обиделась.

Яков Платонович в сердцах хлопнул тростью по руке, так что даже ладонь заныла, и рывком распахнул дверь в гостиную. Ольга Кирилловна с томной улыбкой моментально поднялась из уютного кресла, в коем терпеливо дожидалась господина следователя коротая время за вышивкой, но господин Штольман был не в духе и развеять его раздражение могла улыбка лишь одной дамы, о коей господин следователь себе наистрожайшим образом думать запретил.

— Яков Платонович, — почти пропела Ольга Кирилловна, элегантно протягивая следователю обе руки, — признаться, я вас даже заждалась.

Штольман холодно посмотрел на даму, положил на столик трость и саквояж и коротко бросил:

— Присаживайтесь, сударыня.

"Ах ты ж, статуя каменный, — осердилась госпожа Погодина, — опять волком смотришь! Ну да ничего, у меня и не такие, как ты, певчими птахами заливались, псами верными у ног стелились!"

Госпожа Погодина кротко опустила ресницы и беспрекословно села в кресло. Нежная рука метнулась было к пальцам, да нерешительно застыла в воздухе, дама вскинула влажно блестящие глаза и волнующим грудным голосом, коий поклонники гласом сирены величали, спросила:

— Вы позволите мне продолжить рукоделие? Оно помогает мне успокоиться после столь тяжкой утраты, — пухлые губки задрожали, по щеке поползла одинокая слезинка.

"Врёт, — безошибочно определил Яков Платонович, наученный всевозможным дамским штучкам своей неугомонной сестрицей, а потом ещё и госпожой Нежинской. — А Аня никогда не играет, у неё что на сердце, то и на языке... Да что же это такое, право слово, никакой работы, Анна Викторовна ни на единый миг из головы не выходит!"

Штольман досадливо сжал губы.

"Перестаралась, — отметила для себя наблюдающая за господином следователем из-под длинных ресниц Ольга Кирилловна, — не поверил. Ладно, сей манёвр не сработал, перейдём к следующему".

Дама чопорно выпрямилась в кресле, гордо вскинула красивую голову и величественным, тщательно перед зеркалом отработанным жестом облокотилась на краешек стола:

— Я Вас слушаю, господин следователь.

— Когда Вы узнали о смерти господина Боброва?

Госпожа Погодина чуть сдвинула ровные дуги бровей, не столько вспоминая, сколько демонстрируя, что она не глупышка какая-нибудь, а особа серьёзная:

— Мне горничная сообщила, утром... На часы я не смотрела, прошу прощения за сей досадный недочёт.

Штольман кивнул, то ли принимая извинения, то ли настаивая на продолжении рассказа.

Ольга Кирилловна мягка принялась массировать себе висок, опять-таки не столько помогая себе вспомнить, сколько подчёркивая плавность движений и округлость форм:

— Так вот, узнав о смерти Кирилла Владимировича, я... — дама виновато улыбнулась, беспомощно взмахнув ресницами, — я так растерялась, что даже не помню толком, что говорила и что делала. Мне так страшно было, ведь могли убить и меня!

Яков Платонович выразительно приподнял левую бровь:

— А есть причина опасаться за Вашу жизнь?

"Дура, чуть не проболталась, — ругнулась Ольга Кирилловна, — а этот следователь не так прост, как кажется. Пожалуй, пришло время перейти к более серьёзным способам обольщения".

— Кстати, а когда Вы приказали горничной позвать городских? — Штольман верил сидящей напротив него особе всё меньше и меньше.

Брови госпожи Погодиной удивлённо взмыли вверх, на хорошеньком личике проступило сначала недоумение, затем отголосок смутного воспоминания и... неприкрытая досада, которую, впрочем, дама довольно быстро постаралась замаскировать виноватой улыбкой:

— Я не помню... мне так страшно было... Я ничего толком не помню... Прошу прощения, господин следователь, не желаете ли чаю?

"Дура, самая глупая из всех самых глупых дур, — Ольга Кирилловна готова была волосы у себя на голове рвать от бессильной ярости, — ну как, как я могла не услышать эту глупую

курицу горничную?! Она же у меня спросила, мол, может, городских вызвать, а я, самая глупая женщина на свете, вместо того, чтобы к её словам прислушаться, кивнула машинально! Мол, да-да, конечно! Ой, дура, прости господи, своими собственными руками всю эту полицейскую свору в дом приволокла! Теперь-то уж поздно каяться, нужно выкручиваться. Следователь этот, статуя каменный, в глаза смотрит, кивает, а ведь ни словечку не верит, шавка сыскная! Ну да ничего, на любую шавку своя цепь найдётся, он у меня ещё в ногах валяться будет, по первому свисту ко мне приползёт, уж это-то я точно знаю!"

Ольга Кирилловна немного успокоилась и снова обворожительно улыбнулась, возвращая себя маску радушной хозяйки:

— Так не желаете ли чаю, господин Штольман?

— Нет, благодарю Вас, — Яков Платонович вежливо приподнял уголки губ, красочно вспоминая все дела об отравлениях за время своей службы.

"Вот статуя", — ругнулась госпожа Погодина, но вслух, разумеется, сказала иное:

— А я, с Вашего позволения, выпью чашечку.

Штольман коротко согласно кивнул и спросил, точно выстрелил:

— Кто мог желать смерти Кириллу Владимировичу?

Госпожа Погодина непринуждённо подхватила самыми кончиками пальцев серебряный подносик, на коем красовались две чашки, заварочный чайник и молочник с сахарницей и плечиками повела неопределённо, грацию свою подчёркивая:

— Честно говоря, не знаю, меня Кирилл Владимирович в свои дела не посвящал. Полагаю, супруга, хотя мне Аглаюшка такой милой барышней представлялась, но недаром ведь говорят, чужая душа потёмки.

Ольга Кирилловна поставила поднос на стол, разделяющий их со Штольманом, налила в обе чашки горячего чаю и одну с лёгкой непринуждённой улыбкой придвинула следователю, умоляюще попросив:

— Пусть хоть рядом с Вами постоит, я не могу так, один ест-пьёт, а другой присматривает.

Яков Платонович равнодушно пожал плечами, чашка ему ничуть не мешала, без неё забот хватало.

"Вот и пусть она парком на тебя исходит, — мстительно возликовала Ольга Кирилловна, пряча торжествующую улыбку за собственной чашкой, — конечно, надёжнее было бы, если бы ты приворот выпил, ну да ладно, так тоже можно. Дольше, зато результат ещё крепче. К завтрашнему утру ты, милый мой, рабом моим станешь".

— Кто ещё мог желать смерти Кириллу Владимировичу?

Госпожа Погодина отставила чашку, задумчиво побарабанила пальчиками по столу:

— Право слово, мне трудно ответить на Ваш вопрос... Кирилл Владимирович был, не в укор покойному будь сказано, весьма своеобразным, полагаю, врагов у него немало.

— А Вы сами где были примерно с четырёх до шести часов утра?

Ольга Кирилловна непритворно удивилась:

— А где в это время может быть дама? Разумеется, дома, в своей постели.

— И кто это может подтвердить?

"Покойный, — мысленно огрызнулась госпожа Погодина, — он меня перед этим так умучал, я глаза закрыть и то не сразу смогла! Только тебе об этом, сокол ясный, знать не следует, а впрочем... Чего я теряю, чай, не мальчик, сам всё прекрасно понимает. Опять же

жалость поможет страсти быстрее пробудиться, надоело мне, право слово, разговоры-то разговаривать, хотелось бы господина Штольмана в кроватных баталиях проверить".

Ольга Кирилловна потупилась, голос снизила:

— Яков Платонович, я надеюсь на Ваше благородство и молю, чтобы всё, что я вам расскажу, осталось сугубо между нами. Стало нашим маленьким, если можно так выразиться, секретом.

Бровь Штольмана опять выразительно взмыла вверх.

"Нет, статуй, как есть статуй, — коброй с прищемленным хвостом шипела госпожа Погодина, — ничего-то на него, статуя, не действует! Ладно, коли так, смотри!"

Ольга Кирилловна медленно закатала рукава платья, явив взору следователя омерзительного вида синяки, затем повернула голову, приподнимая волосы и обнажая шею, на коей сзади отчётливо виднелись следы пальцев, приспустила платье с плеча, явив уродливый засос.

— Полагаю, что-либо объяснять бессмысленно, — сдержанно произнесла госпожа Погодина, отводя взгляд и медленно поправляя одежду. — Скажу лишь, что Кирилл Владимирович приходил ко мне каждую ночь, уходил часа в три, четыре... и супружество ничего не изменило.

"А то, что я его сама к себе в спальню залучала, чтобы чрез его сладострастие управлять им было легче, тебе, сокол, знать не следует", — мысленно закончила Ольга Кирилловна, промокая платочком уголки глаз.

Яков Платонович на миг опустил глаза, старясь не думать о том, что Аннушка тоже успела побывать в лапах этого мерзкого старикашки. Неудивительно, что она так дрожала, солнышко голубоглазое, призрак опаснее живого человека, противостоять ему гораздо труднее. Аня-Аннушка, драгоценная, что же ты никак себя не бережешь...

Штольман качнул головой, прогоняя неуместную в данный момент нежность, а заодно унимая лёгкое покалывание в виске. Право слово, он же не барышня, чтобы головными болями маяться!

— Прошу прощения, сударыня, что заставил Вас вспомнить столь неприятные события, — Яков Платонович коротко поклонился, направился было к выходу к тихой радости Ольги Кирилловны, коей надоело уже постоянно за каждым своим жестом и взглядом следить, да на пороге остановился, оглянулся, — а что Вы можете о покойной жене господина Боброва рассказать? Вы знали её?

Хрупкая фарфоровая чашка выпала из ослабевших тонких пальцев, чай волной выплеснулся на светлый ковёр, губя его безвозвратно, но госпожа Погодина этого даже не заметила. Дама побледнела как смерть, глаза её широко распахнулись, рука неверными движениями нашаривала спинку стула, единственную опору для ставших слабыми ног, кои так и норовили подогнуться.

— Н-н-нет, — вяло пролепетала Ольга Кирилловна, отчаянно отгоняя призраков прошлого, — я её не знала...

"И опять врёт", — вздохнул Яков Платонович, подхватил трость и саквояж, коротко поклонился и приказал:

— Из города только не уезжайте, Вы можете понадобится.

На улице Якову Платоновичу стало ещё хуже, головная боль усилилась, но господин следователь приказал отвезти его в управление. В родном, знакомом до последней царапины на столе, кабинете боль немного стихла, Штольман приказал принести ему дело о гибели

первой жены купца Боброва, но едва он взглянул на фотографию в тонкой синей папке, пол ощущимо дрогнул под ногами. Яков Платонович медленно опустился за стол, широко распахнутыми глазами глядя на фото и категорически отказываясь верить в происходящее, ведь на него с карточки смотрела с чуть застенчивой улыбкой Анна!

— Не может быть, — прошептал Штольман, крепко зажмурился, с силой потёр глаза, снова их открыл и не сдержал облегчённого вздоха. Девушка была похожа, да даже не так уж и сильно схожа, чтобы их можно было перепутать. Видимо, досада о размолвке злую шутку сыграла.

Яков Платонович передёрнул плечами, погрузился в изучение кратких отчётов городских, ещё более краткого опроса горничной и самого безутешного вдовца, три раза перевернул все бумаги, но заключения доктора так и не нашёл. Вместо него была какая-то невразумительная отписка, вроде той, что лежала в деле убитого городского головы Матвея Кулагина в Затонске. А значит, смерть Авдотьи Петровны Бобровой, в девичестве Кубышкиной, была какой угодно, только не случайной.

Штольман поднялся из-за стола, разминая плечи, крикнул городского, приказал отыскать родственников первой и второй супруги покойного Боброва, и тут пол опять неприятно дёрнулся под ногами.

"Да что это со мной, право слово", — досадливо подумало следствие и тут же со стоном схватился за простреленное на давней дуэли с князем Разумовским плечо, кое словно огнём жгло.

— Ваше Выс-родие, — бросился к Штольману городской, привыкший считать Якова Платоновича несокрушимым воином, живым воплощением медного всадника, не меньше. — Ваше Выс-родие, что с Вами?

Штольман потряс головой, потёр глаза, но лучше не становилось, наоборот, накатила липкая дурнота.

— Домой, — коротко приказал следствие, из последних сил стараясь не показывать городскому собственной слабости, — прикажи, чтобы коляску подавали, я домой поеду.

— Может, доктора? — робко спросил Прокофьев, чувствуя себя заплутавшим в тёмном лесу мальцом.

— У меня брат доктор, — отмахнулся Яков и даже не слукавил. Михаил Платонович действительно посвятил свою жизнь врачеванию людей, а его супруга Суфья помогала мужу, служа сестрой милосердия.

Прокофьев кашлянул, пулей вылетел за дверь приказал срочно подать коляску, господину Штольману недужится. Этим сообщением бравый городской переполошил всех в управлении, один городской спешно отправился к полковнику Варфоломееву, другой метнулся к коляске, третий, держащий наконец-то пойманного с поличным карманника Тимоху, метнулся к Штольману в кабинет, дабы, если понадобится, помочь ему дойти до коляски. Тимоха, хоть и его тоже не оставило равнодушным известие о хворости господина Штольмана, теряться не стал, из управления выскочил, зайцем пропетлял по улочкам и тупичкам, огляделся, убедившись, что его никто не преследует и свистнул сквозь зубы. На свист из тёмной подворотни моментально вынырнул ничем не примечательный паренёк лет тринадцати, вопросительно голову к плечу склонил.

— Мухой лети к дому следователя Штольмана да разведай, как он, помирает али нет. Да по пути шепни Машке, чтобы она к следователю тётку Клавдею привела, та знатно травами лечит, может, поможет чем. И ещё Игнату с Кирюхой скажи, пусть узнают, кто Якова

Платоновича извести вознамерился. Да сами пусть расправу не чинят, сперва мне доложат. Всё понял, али вопросы есть?

Паренёк сперва утвердительно кивнул, а потом отрицательно мотнул лохматой башкой. Мол, да, всё понял, нет, вопросов нет.

— Тогда лети, да шибче ветра чтоб, — приказал Тимоха и, засунув руки в карманы, походкой делового человека направился в торговые ряды.

Вот и представился ему, наконец-то, случай отплатить следователю Штольману за давнее избавление от смерти неминуемой. Что ж, никто и никогда не упрекнёт Тимофея, что он по долгам не платит, он человек деловой, на добро памятливей.

Меж тем коляска с Яковом Платоновичем домчалась до дома. Штольман нашёл в себе силы самостоятельно выйти, вежливой улыбкой и кивком поблагодарить сидящего на козлах городского и зайти в дом почти твёрдым шагом, но на этом силы иссякли. Трость и саквояж выпали из ослабших рук, на шум оглянулся собиравшийся на прогулку Платон да так и охнул:

— Яков...

Дальше слова приличные штатские закончились, остались лишь едкие, словно водка, словечки из армейского лексикона, но даже они не могли в полной мере отразить всё, что Платон подумал и почувствовал глядя на бледного едва держащегося на ногах брата.

Яков Платонович с трудом сфокусировался на лице Платона и хрипло выдохнул, с трудом удерживая равновесие:

— Помоги... до комнаты... добраться...

— Где ж ты так набраться успел, друг милый, — ахнул Платон, решивший, что брат мертвецки пьян, но тут же понял, что вином не пахнет совсем, — ой ты ж, лышенько...

Яков пошатнулся и рухнул лицом вниз, Платон едва успел его подхватить и витиевато выругался, пёрышком старший братец не был.

— Что случилось? — по лестнице спускался Вильгельм, как обычно, держа в руках какие-то документы. — Что... Дьявол, что случилось?!

Бумаги белокрылыми птицами разлетелись по всей лестнице, Вильгельм сбежал вниз, перепрыгивая через две ступеньки сразу и склонился над Яковом. Убедился, что тут пусть и с трудом, но дышит, коротко выдохнул и рявкнул так, что стёкла испуганно задребезжали:

— Мишка, живо сюда!

Михаил Платонович, коего Мишкой около десятка лет никто не называл, появился в коридоре так стремительно, словно из воздуха соткался. Быстро посмотрел на Якова, приказал его в комнату отнести, после чего разразился такой бранью, что Вильгельм смущённо покраснел, а Платон восхищённо присвистнул. Выпустив пар, Михаил Платонович спокойным размеренным тоном позвал супругу, вошёл к Якову в комнату, приказал под страхом касторки никого не впускать и решительно захлопнул дверь прямо перед носом у братьев.

— Виль, чего там? — Платон покосился на дверь, но входить не решился, с Михаила станется нарушившего его запрет касторовым маслом угостить, потом из уборной не вылезешь.

— А я знаю?! — огрызнулся Вильгельм.

— А давай, мы туда дам наших запустим? — предложил Платон, опять косясь на дверь. — Их-то он слабительным угощать не станет.

— Хочешь, чтобы о произошедшем Лизхен узнала? — сладеньким голосом пропел

Вильгельм и выразительно постукал костяшками пальцев брату по лбу.

— Да чёрт с ней, пусть узнает, главное, чтобы Яков жив был, — взвыл Платон, для коего не было пытки хуже, чем ожиданием и неизвестностью.

— О чём узнает? — подкралась к братьям со спины супруга Вильгельма. — Вы что-то скрываете, милый?

Платон Платонович поспешно ретировался к окну, а Вильгельм повернулся к жене, ласково поцеловал её ручки и мягким убаюкивающим тоном заворковал:

— Всё в порядке дорогая, Яков немного заболел, только и всего.

Мария Юрьевна сладко супругу улыбнулась, по щеке его погладила и, перчаточки поправляя, спросила:

— Коли поводов для волнений нет, может, прогуляемся? Ты обещал.

— Чуть позже, дорогая, — Вильгельм виновато улыбнулся. — Мне нужно закончить с делами.

— Хорошо, дорогой, — моментально, словно только того и ждала, протянула Мария, — я тогда с сестрицами, братьев твоих супругами, прогуляюсь. Мы по магазинам пройдемся.

Будь Вильгельм менее встревожен неожиданным недугом Якова, он непременно обратил бы внимание на необычайную покладистость жены, но сейчас лишь кивнул рассеянно. Мария Юрьевна вежливо улыбнулась Платону, мужа в щеку поцеловала и спустилась вниз, приказав горничной позвать Августу, супругу Карла Платоновича, и запрячь коляску. Женщина точно знала, что пытать мужа бесполезно, ей, супруге, он ничего не скажет, да и другие господа молчать станут, а посему стоило объединить усилия, дабы не только разобраться в происходящем, но ещё и, при необходимости, покарать обидчика. А для этого нужно ехать к Юленьке Берестовой, именно туда направилась заплаканная Аннушка и рассерженная Лизхен. Сообща-то дамы быстро смогут решить, что делать, а самое главное, обидчику Якова спуску не дадут, а то господин следователь, да и остальные, наверняка станут утверждать, что действовать нужно сугубо в рамках закона. А ведь всем известно, что *inter arma leges silent*, среди оружия законы молчат. А тот, кто пытался навредить Якову, развязал самую настоящую войну.

Дело Л 1. Сладострастник. В дело вступают дамы

До дома графини Берестовой дамы доехали в считанные минуты, поскольку кучер Игнат прекрасно знал, что приказ гнать, исходящий из уст всегда благоразумной и рассудительной Марии Юрьевны, означает, что дело весьма серьёзное и спешное.

— Спасибо, милейший, — Августа Германовна следом за Марией выбралась из коляски, улыбнулась кучеру и положила ему в ладонь блестящую серебряную монету. — Отдохни пока, а если получится узнать, о чём в городе говорят, получишь ещё за труды. Ты меня понял?

— Как не понять, барыня, — кучер стянул картуз, низко поклонился, — всё самым обстоятельным образом изведу и Вам всенепременно доложу, не извольте сомневаться.

Дама милостиво улыбнулась и направилась следом за подругой к дому, кой так и хотелось назвать пряничным за счёт нежной и блестящей отделки стен и воздушности форм. Лакей в строгом чёрном костюме и белоснежных перчатках, низко кланяясь, проводил дам в гостиную, где за самоваром с плюшками сидели Юленька, Лизхен и всё ещё грустная, переживающая разлад с мужем, Аннушка.

— Мадамочки, — расплылась Юленька в улыбке, увидев входящих, поспешно вскакивая и бросаясь к гостям так, словно не видела их по меньшей мере года три, — как я рада Вас

видеть!

— Юленька, — Мария трижды расцеловалась с хозяйкой, стянула шляпку и перчатки и передала их горничной, — беда у нас.

— С Яшей что-то случилось? — вскочила Анна, терзаемая смутным предчувствием беды.

Мария покачала головой, взгляд отвела, не желая быть скорбной вестницей, а вот Августа, всегда считавшая, что горькая правда лучше всевозможных дипломатических искушений, тиранящих душу пострашее палача, покачала головой и хрипло выдохнула:

— Лукавить не станем. С ним.

Анна Викторовна вскрикнула и метнулась к двери, но Юленька и Лизхен решительно перекрыли ей дорогу.

— Ты подожди, не горячись, — мягко заворковала графиня Берестова, обнимая подругу за плечи.

— Тем более, что Якова наверняка Михаил осматривает, а он страсть не любит, когда во время осмотра у него над душой сопят да причитают, — горячо поддержала Лизхен, прекрасно осведомлённая о привычках своих братьев. Родные как-никак.

Анна вскинула блестящие от навернувшихся слёз голубые глаза:

— Но Яша...

Мария растроганно всхлипнула, а Августа печально вздохнула:

— Помочь ты ему всё одно ничем не сможешь, нам же даже не говорят, что произошло.

— Как это не говорят?! — взвилась Лизхен, поворачиваясь так стремительно, что юбки взметнулись вокруг ножек, обнажив стройные щиколотки и кокетливые туфельки на высоком каблучке.

— А вот так, — сердито выпалила Мария и даже ножкой пристукнула, — меня муж любимый на прогулку выставил, словно собачку безродную, лишь бы не объяснять ничего. Михаил с Соней у Яши закрылись, под страхом касторки никого к нему не пуская.

— Они даже Карлу при мне ничего не рассказывали, — поддержала Августа, на бледных щеках коей проступили красные пятна сдерживаемого негодования. — А это верный признак того... — барышня задохнулась от возмущения и тревоги, всплеснула руками.

— А это верный признак того, что дело совсем худо, — закончила Лизхен.

На миг в комнате повисла гнетущая тишина, каждая их дам пыталась понять, как же быстро счастье сменяется скорбью, во что такое мог влипнуть ещё утром бодрый и полный сил Яков и, самое главное, что теперь делать, если мужья будут молчать до последнего, словно попавшие в плен врага лазутчики?

— Дамы, — Юленька на правах хозяйки первой разрушила гнетущую тишину, — предлагаю для начала всем выпить по чашечке чая. Он поможет успокоиться и собраться с мыслями.

Анна отрицательно покачала головой:

— Мне нужно домой.

— Да пойми же ты, — Лизхен обняла подругу за плечи, — не пустят тебя к Якову. Когда Карла ранили, это ещё до встречи с тобой, Августочка, было, к нему тоже никого не пускали. И нам, дамам, ничего не говорили.

— И? — приподняла брови Августа. — Что же Вы делали?

Лизхен смущённо прикусила губу, Юленька спряталась за самоваром, а Машенька

хохотнула и махнула ручкой:

— Вы не поверите, мадамочки, целую шпионскую сеть пришлось организовать, дабы узнать о произошедшем.

— Сейчас эта сеть существует? — Августа Германовна была чистокровной немкой и славилась особой практичностью.

Машенька задумчиво пощипала кончик носа:

— Полагаю, да... Только мы ей с тех пор ни разу не пользовались...

Лизхен вскочила, сверкнула глазами, став в этот миг удивительно похожей на Орлеанскую Деву, ведущей воинство на приступ:

— Дамы, мы просто обязаны взять происходящее в свои руки! Мужчины без нас не справятся!

Юленька, непринуждённо держа двумя пальчиками чашку горячего чая, с интересом покосила на подругу и чуть приподняла брови:

— И с чего ты предлагаешь начать?

Лизхен прикусила губу, раздумывая. В памяти всплыла случайно услышанная от кого-то из братьев фраза: "Кто владеет информацией, тот владеет миром". Разумное замечание, впрочем, мужчины рода Штольман славятся своей разумностью, а ещё умением находить приключения на свои буйные головы, мда-с.

— Аня, — Елизавета Платоновна повернулась к Анне, — узнай у духов, что случилось. Раз живые нам ничего рассказывать не хотят, обратимся за помощью к мёртвым.

Анна Викторовна согласно кивнула и закрыла глаза. Разумное предложение, а самое главное, оно помогает хоть немного отвлечься от тревоги за Якова. Господи, что с ним? Он ранен?! Умирает?!!

— Я, конечно, не Господь, — призрачный силуэт мужчины, чем-то похожий на князя Разумовского, почтительно снял шляпу и поклонился, — но сочту за честь помочь Вам и Вашему супругу.

— Что с ним? — Анна с тревогой смотрела на призрака. — Он жив?

Мужчина чуть отвёл глаза, рука непроизвольно дёрнулась ослабить узел старомодного шейного платка:

— Да, сударыня, ваш супруг жив...

— Ну не тяни kota за то место, кое он так вылизывать любит, — не выдержала тётка Катерина и глядя на смутившихся родственников фыркнула и скорчила гримасу. — Господи, какие все нежные да деликатные, прямо спасу нет! Слушай меня внимательно, девочка: твоего мужа пытались приворожить...

— Приворожить, — ахнула Анна, моментально вспомнив показанное купцом Бобровым будущее Якова Платоновича.

— Прекрати вести себя как глазурированная барышня из кондитерской, — тётка сердито нахмурилась, — меня это раздражает.

— Проще сказать, сударыня, что вас не раздражает, — вмешался Иван Афанасьевич, с видимым наслаждением отпивая чай из тонкой фарфоровой чашечки. — Кстати, приворот весьма недурён, на вкус почти не различим от розовых лепестков, кои в чай добавляют.

— А Вам он не повредит? — испугалась за родственника сердобольная Марта Васильевна.

— Да что ему сделается, — отмахнулась тётка Катерина и положила руку на плечо Анны Викторовны. — Так вот, слушай дальше, девочка, пока этот призрачный балаган опять

не вмешался. Твоего ненаглядного, хоть я и убей не понимаю, что ты в нём нашла, пытались приворожить. К счастью, для него самого в первую очередь, у твоего мужа хватило ума предложенного чаю не пить, но приворот, повторюсь, мудрёный, через пар он тоже действует. Яков Платонович чай-то не пил, но чашку от себя он не отодвинул, вот его горячим паром, а вместе с ним и приворотом, во время всей беседы и окуривало, словно божество в языческом храме, прости меня господи. На то и расчёт был, умна она, змеища.

— Кто такая? — спросила Марта Васильевна, и Анна невольно отметила, что в мягком нежном голосе женщины скользнули непривычно жёсткие нотки. — Я отвлеклась немного, за другими присматривала.

— Погодина, Ольга Кирилловна, — Иван Афанасьевич со свистом втянул в себя последние капли чая и восторженно поцокал языком, — роскошная дама, она даже Боброва на крючок поймала, тот буквально изнывал от страсти к ней. Вот что хороший приворот-то делает!

— И Яшу она тоже приворожила? — Анна с тревогой смотрела на призрачную родню. — Ну же, не молчите!

— Нет, что Вы, Анна Викторовна, — призрачный мужчина, коий первым откликнулся на зов медиума, опять почтительно поклонился, — Ваш муж очень сильно вас любит, его сердце безраздельно принадлежит Вам, а потому приворот на него не подействовал...

— Слава богу, — выдохнула Анна, нашаривая дрожащей рукой спинку стула, на кою можно было бы опереться.

Мужчина виновато кашлянул, опять затеребил шейный платок:

— Мда-с, как приворот зелье не сработало...

— Да говори уже, чего ты опять мямлишь? — не выдержала тётка Катерина. — Али хочешь, чтобы Аннушка составила нам компанию? Так тут и без неё многолюдно.

Мужчина откашлялся, на миг задержал дыхание, словно перед прыжком в ледяную воду, а потом выдохнул:

— Сие зелье весьма коварно, а потому, если оно не срабатывает как приворот, то становится сильным ядом и медленно убивает свою жертву.

— Ах!

Спинка стула вывернулась из ослабевших рук, Анна упала на пол. К ней тут же подскочили подружки, защебетали, помогая подняться, но от волнения сталкиваясь и лишь мешая друг другу.

Тётка Катерина посмотрела на красного словно варёный рак мужчину, скептически заломила бровь и изрекла:

— Это было весьма осторожно, все дипломаты мира рукоплещут, обливаясь слезами самой чёрной зависти. Bravo, сударь, продолжайте в том же духе, и тогда Анна Викторовна и Яков Платонович пополнят плеяду влюблённых, умерших в один день.

— Да типун Вам на язык, — всплеснула руками Марта Васильевна, присела перед Анной на корточки, погладила по щеке и заворковала:

— Милая, поверь мне, ничего страшного и непоправимого пока не произошло, Яшу ещё можно спасти. Сейчас Кирилл Владимирович продиктует тебе рецепт противоядия...

Под умоляющим взглядом блестящих голубых глаз мужчина поёжился и растерянно развёл руками:

— Конечно, я сделаю всё, что в моих силах, я же доктор, только... Прежде, чем диктовать противоядие, мне нужно знать состав приворота, понять, что в него входит...

— А это я Вам сейчас наилучшим образом обскажу, — Иван Афанасьевич почмокал губами, а потом выдал длинный перечень трав, о некоторых из коих Анна никогда и не слышала.

Доктор просиял и даже пару раз в ладоши хлопнул:

— Отлично! Просто великолепно! Мы имеем дело с очень сильным зельем под названием "Огонь любви", он буквально испепеляет того, кто им опоен!

Тётка Катерина дугой выгнула бровь:

— Я страшно извиняюсь, нам, женщинам, быть глупыми простительно, но что хорошего в том, что Яков Платонович медленно умирает от жара?

— "Огонь любви" не убивает сразу, в этом его неоспоримое достоинство по сравнению с "Вспышкой сладострастия", там жертва сразу погибает от апоплексического удара и не имеет ни малейшей возможности спастись!

Катерина огляделась по сторонам:

— Дамы и господа, если я сейчас придушу этого призрачного коновала, кто из Вас будет его оплакивать? И вообще, по чьей линии сей восторженный субъект, у нас я таких не припомню?

— Я Разумовский, — доктор выпрямился, чинно раскланялся на все три стороны, — Кирилл Владимирович Разумовский, дед теперь покойного князя Разумовского. У нас в роду принято называть сыновей или Владимир, или Кирилл, это наши родовые имена.

— Вы не поверите, есть и другие, — фыркнула тётка Катерина. — А к нам, уж простите за назойливость, Вы чего прибились? Пеклись бы о своих предках, чай есть ещё на земле Разумовские.

Кирилл Владимирович с видимым сожалением развёл руками:

— Увы, наша ветвь со смертью моего тёзки оказалась оборвана, мой внук не оставил после себя наследников, но... — мужчина выразительно поднял палец, — поскольку Яков Платонович является, пусть и незаконным, с точки зрения общества, продолжателем...

— Якоб мой сын, — резко отрубил Платон Карлович, лишь сейчас появившийся на семейном совете, — и сейчас ему очень и очень плохо. А потому предлагаю отложить разговоры и перейти непосредственно к действиям по его исцелению.

Кирилл Владимирович досадливо поджал губы:

— Я всего лишь хотел сказать, что опекаю Якова Платоновича на правах его родственника, только и всего. А "Огонь любви" утишается вот так...

Доктор разразился длинной речью, из коей даже самые внимательные слушатели разобрали лишь крапиву и чертополох.

— И всё-таки я его убью, — Катерина выразительно закатала рукава платья, — мне Разумовские никогда не нравились.

— Стоп, — Платон Карлович повелительно вскинул руку, кивнул по прежнему сидящей на полу Анне Викторовне. — Аннушка, возьмите перо и бумагу, записывайте рецепт. Кирилл Владимирович, Вы не торопитесь и говорите медленно, тщательно произнося каждое растение. Марта, душа моя, побудь пока с Якобом и мальчиками, им нужна твоя помощь. Иван Афанасьевич, успокойте дам, они могут случайно помешать Аннушке, а времени у нас в обрез, Михаэль сказал, что жар нарастает и сбить его не получается. Катерина, а Вас я попрошу собрать остальных наших почтенных родственников и устроить отравительнице маленький концерт. Надеюсь, Вы понимаете о чём я.

Призраки засуетились точь-в-точь как живые люди, наконец-то понявшие, что нужно

делать и спешащие выполнить поручения. Анна, не замечая удивлённых взглядов подруг, вскочила, подхватила со стола лист и перо и застрочила так, что даже брызги чернил во все стороны полетели. Машенька хотела было спросить, что это Анна Викторевна столь лихорадочно записывает, да по телу такая томность разлилась, даже думать ни о чём не хотелось. Право слово, о чём печалиться? Всё же непременно будет хорошо, иначе нельзя! Другие дамы тоже притихли, наслаждаясь воцарившимся в душе покоем и умиротворением.

— Ну вот и всё, — Кирилл Владимирович откашлялся и поправил платок, — а зелье приготовить Вам Елизавета Платоновна поможет, она умеет.

— Отлично господа и дамы, — тоном полководца, только что одержавшего решающую победу, провозгласил Платон Карлович, — исчезаем.

Призраки исчезли, оставив после себя прохладу и тонкий, едва уловимый запах цветов, как напоминание о том, что нужно спешить с приготовлением противоядия.

Анна устало вздохнула, убрала с лица выпавшие из причёски пряди и протянула листок Лизхен:

— Вот, это противоядие, его нужно срочно приготовить.

Елизавета Платоновна на листок мельком глянула, отметила про себя, что почерк Анны Викторевны вполне читаем, но лучше будет, если Аннушка во время приготовления рядом побудет, с кресла поднялась и звучно в ладоши хлопнула:

— Дамы, мы берём дело в свои нежные ручки! Машенька, ты восстанавливаешь нашу шпионскую сеть, Августа, на тебе финансовые пакости для обидчицы Якова...

— А кто это? — деловито спросила Августа Германовна, надевая шляпку, перчатки и поправляя платье.

— Погодина, Ольга Кирилловна, — подсказала Анна, — она в доме покойного купца Боброва экономкой была... и не только.

Августа кивнула, давая понять, что всё услышала и поняла, и вместе с Машей вышла из комнаты.

— Юля, у тебя лаборатория наша цела? — Лизхен повернулась к подруге.

— Обижаешь, — Юлия Романовна хищно сверкнула глазками, — у меня никогда и ничего не исчезает, ты же знаешь.

Елизавета Платоновна потёрла ручки:

— Отлично, в таком случае, отправляемся туда.

Через полчаса Юлия Романовна вышла из дома, пряча в недрах своей кокетливой шубки шесть флакончиков с разноцветной жидкостью. Задача у дамы была проста: дать отравительнице на собственном опыте ощутить какво это, когда тебя опаивают и окуривают разной гадостью. Елизавета Платоновна с Анной Викторевной задерживаться в доме графини Берестовой также не стали, Анна поехала домой, а сама Лизхен туманно заявила, что хочет прогуляться. Если бы сие высказывание услышали братья Елизаветы Платоновны, им бы сия фраза чрезвычайно не понравилась, но Анна возражать не стала. Жалеть Ольгу Кирилловну она не собиралась, сия особа сама навлекла на себя все кары.

Пробиться в комнату к Якову оказалось непросто, стоящие на страже братья и слышать ничего не желали, благо, что флакон с противоядием приняли и Михаилу передали. Тот буркнул, что сделает всё возможное и дверь опять захлопнул, ещё и на замок запер.

— Вот видите, Анна Викторевна, — Вильгельм развёл руками, — даже нас не пускают. К Якову пока никому нельзя, при всём моём к Вам уважении.

Анна вежливо улыбнулась и ушла, но сдаваться отнюдь не собиралась. Права Лизхен, раз живые помочь не хотят, к мёртвым обратимся, благо, их и просить долго не нужно, они на любую шалость согласны. Тётка Катерина с помощью других родственников без лишних слов и возражений отвела братьям Якова глаза, каждого озадачив срочными и важными делами, а Иван Афанасьевич споро открыл замок, напомнив в сей момент Якова Платоновича, кой же тоже мастерски отмычками владеет, и склонился в почтительном поклоне:

— Прошу, сударыня.

Анна впорхнула в комнату, готовая к тому, что опять придётся отстаивать своё право пребывания рядом с мужем. Но право слово, должны же Миша с Соней понять, что она не из пустого любопытства к Якову рвётся! Он же ей не чужой человек, у них лишь вчера свадьба была!

Михаил Платонович барышню не заметил, он стоял у кровати, полностью перекрывая обзор, а тщательно отчитывающая в хрустальный бокал тёмно-синие капли Софья возражать против появления Анны Викторовны не стала. Она прекрасно понимала стремление Анны быть рядом с мужем, а потому нашла в себе силы улыбнуться и чуть слышно шепнуть одними губами:

— Пока всё без изменений, но это и неплохо. Он жив.

Как не тих был голос жены, а Михаил всё же его услышал. Он повернулся, поморщился устало, хотел было попросить Анну уйти, да передумал, рукой устало махнул:

— Можете подойти, хуже точно не будет.

Лишь теперь, когда доктор чуть отодвинулся, Анна Викторовна заметила сухую, словно ветка зимой, старуху, чёрной неподвижной тенью стоящую у изголовья.

— Это Клавдия Иванихина, знахарка, — представил женщину Михаил и неохотно добавил, — я подумал, она может помочь.

Клавдия поклонилась, шепнула Михаилу Платоновичу:

— Я думаю, нам лучше оставить супругов наедине.

— Идём, Миша, — Софья с тихим стоном потёрла спину, — нам нужно хотя бы чаю выпить, иначе мы упадём от усталости.

— Но... — Михаил Платонович растерянно оглянулся на неподвижно распростёртого на кровати Якова.

— Идём, — Софья потянула мужа за рукав, — мы сделали всё, что было в наших силах. Теперь остаётся только ждать и молиться.

От этих слов надежда, распахнувшая было крылья после того, как Лизхен протянула Анне пузырьёк с противоядием, рухнула, разлетевшись на острые, рвущую душу на кровавые куски, обломки.

— Яша, — охнула Анна Викторовна, бросаясь к мужу, протягивая к нему руку и не решаясь прикоснуться, дабы не ощутить под ладонью неподвижную хладность мертвеца, — Яша, Яшенька, нет...

Дрожащей рукой Анна всё же погладила Якова по щеке и вскрикнула от опалившего её зноя. Жар не унимался, а значит, противоядие не помогло.

— Противоядие должна дать ты, — вздохнула Марта Васильевна, замирая рядом с сыном и глядя на него с пронзительной нежностью, — кто любит, тот и исцеляет.

Анна вскочила, набив синяк обо что-то твёрдое, чуть не смахнула заветный флакон со стола, с трудом выдрала из узкого горлышка тугую пробку и расплескала мало ли не

половину графина, прежде чем наполнила едва ли на одну треть бокал водой.

Так, что же дальше? Барышня зажмурилась, вспоминая слова призрака, медленно выдохнула и принялась, шевеля губами отсчитывать падающие в бокал капли.

— Тринадцать, — Анна поставила флакон и бережно, словно в её руках находился весь мир, коих готов был в любой миг исчезнуть, поднесла бокал мужу, прижала к потрескавшимся от жара губам. — Выпей, Яша, это поможет... Милый мой, родной... Я люблю тебя...

Влага в бокале вспыхнула золотисто-розоватым светом, первая капля упала в истомлённый жаждой рот, Яков вздрогнул, сглотнул и с трудом открыл глаза.

— Ожил, — расцвела улыбкой Анна и от облегчения едва не уронила бокал, расплескав лекарство. — Ой, прости, Яша. Это нужно выпить всё до конца.

По губам Якова Платоновича скользнула чуть заметная улыбка.

— Выпить... или... вылить... на меня? — с трудом прошептал Штольман, пытаюсь приподняться, но не имея сил даже голову повернуть.

— Невозможный ты человек, — Анна Викторовна в сердцах шлёпнула мужа по груди, тут же охнула и заворковала, — Ну, Яшенька, ну не упрячься, будь умничкой...

— Довольно, Анна Викторовна, право слово, это уже переходит все границы. Я не ребёнок, — Яков строго посмотрел на жену.

— А капризничаете ну в точности, как ребёнок, — выпалила Анна и расплылась в проказливой улыбке. — А ты сейчас скажешь, что я слишком молода, чтобы давать оценки твоим поступкам, да?

Яков Платонович вспомнил, что похожий разговор с Анной у него уже был. Ещё в Затонске, когда во время расследования гибели кулачного бойца и его невесты, следователь получил удар по голове, и госпожа Миронова боялась, что удар сей окажется мифическим сметнем.

— Нет, — Штольман сделал ещё одну попытку подняться и опять потерпел поражение, — сейчас я выпью это лекарство, чтобы ты успокоилась и больше не плакала. Прости, я... маятно тебе со мной, опять огорчил тебя.

Анна дождалась пока бокал опустеет, поцеловала мужа в щёку и прошептала, смахивая слезинку:

— Ты меня порадовал. Я очень боялась, что...

Анна Викторовна резко отвернулась, борясь с подступающими рыданиями. Яков, пусть и с трудом, дотянулся до супруги, слабо улыбнулся:

— Я никуда не уйду, даже не надейся, что бы ни случилось, я всегда буду рядом с тобой. Я люблю тебя, Аня.

Когда через полчаса Михаил вошёл в комнату, Яков и Анна сладко спали, крепко обнявшись. Жар исчез, дыхание Якова Платоновича было ровным и глубоким.

— Слава тебе господи, жив, — выдохнул Михаил, истово перекрестившись и чувствуя, как у него от волнения ноги подкашиваются.

— Ну, как он? — налетели на Михаила Платоновича братья. — Жив?!

Доктор устало кивнул, Платон звучно хлопнул себя ладонью по колену:

— Такое дело надо коньячком отметить!

— Лучше водки, — хрипло выдохнул Михаил, — полный стакан.

Софья опять потёрла спину и бледно улыбнулась:

— Если не возражаете, господа, мы с Клавдией составим вам компанию. Стыдно

признаться, но у меня до сих пор руки дрожат и сердце заходится.

Старушка мелко перекрестилась:

— С Вашего позволения, я лучше пойду. Скрывать не стану: ждут меня с известиями о здоровье Якова Платоновича.

— Это кто же такой заботливый? — насторожился Вильгельм.

Клавдия хитро улыбнулась, развела руками:

— Яков Платонович многим людям помог, потому и о нём есть кому печалиться. Добро всегда добром оборачивается, так-то.

Ольга Кирилловна Погодина всегда считала себя дамой практичной, ни в духов, ни в угрызения совести, ни в прочие столь же неубедительные мистификации никогда не верила, хотя при желании и личной выгоде могла изобразить невинную девицу, доверчивую и даже наивную. Только вот во второй половине суматошного дня, начавшегося с сообщения служанки о смерти господина Боброва, а продолжившегося беседой со следователем, госпожа Погодина стала испытывать какой-то странный страх. Тишина в доме, ранее такая желанная и успокаивающая, стала давящей, точно в церкви перед отпеванием. Стены, такие просторные, словно сузились, потолок угрожающе навис над дамой, грозя при малейшем неосторожном движении рухнуть и похоронить её под обломками.

"А меня ведь даже найдут не сразу", — подумала госпожа Погодина и нервически рассмеялась, но тут же притихла, прижав пальцы к губам. Уж больно жутковато, почти безумно прозвучал смех в этом пустом доме, хранящем множество тайн.

— Так, хватит, — звонко выкрикнула Ольга Кирилловна и решительно подошла к зеркалу, — с меня хватит! Я просто устала, вот мне и мерещится всякая чепуха! Я одна, это мой дом и мне плевать, что по документам я, вполне возможно, даже на рваную бумажку из камина прав не имею. Я найду способ избавиться от этой малохольной курицы, ставшей богатой вдовой. Эта мышь серая мне преградой не станет, я слишком долго ждала!

Успокоив себя самыми желанными размышлениями, о деньгах, дама облегчённо выдохнула, вскинула руки к голове, вынимая сдерживающие волосы шпильки.

— Я ещё молода, — продолжила рассуждать вслух госпожа Погодина, любуясь собой в зеркале, — соблазнительна. Я умею и люблю нравиться мужчинам, я хороша, да что там, я чертовски хороша и желанна!

Ольга Кирилловна откинула голову, лукаво прищурилась, кокетливо стянула с плеча платье, обнажив нежную белую кожу, покрутилась, позволяя платью то раздуваться, то лхнуть к ногам, подчёркивая все прелести фигуры. Госпожа Погодина прикусила губу, быстро огляделась по сторонам, а потом ловким привычным движением сбросила платье, оставшись в одной тонкой ночной рубашке, шагнула к зеркалу, чтобы лучше себя рассмотреть и тут же с визгом отскочила прочь. Из гладкого блестящего стекла на неё смотрело размытое смутно-серое пятно неопределённой формы. Глаз у этого пятна, разумеется, не было, но женщина готова была поклясться, что оно именно смотрит на неё.

— К-к-кто здесь? — голос предательски дрожал и срывался. — Кто тут?

Лёгкий холодный ветерок скользнул по щеке, раздув прядь волос. Ничего необычного, сквозняки в доме не такая уж и большая редкость, но тут ветерок ощутимо толкнул Ольгу Кирилловну в грудь. Госпожа Погодина пошатнулась и опять закричала, ощутив на своём плече ледяную руку. Холодные пальцы с плеча поползли вверх, на шею и весьма выразительно застыли у бешено пульсирующей жилки.

— Нет, — прохрипела Ольга Кирилловна, с трудом шевеля языком, — этого не может быть... Это всё кажется, так не бывает...

Женщина лепетала что-то невразумительное, медленно, шаг за шагом, спиной вперёд отступая от зеркала. Под ноги подвернулось что-то холодное и склизкое, обвилось вокруг щиколотки. Ольга Кирилловна заорала, срывая голос и опрометью бросилась к себе, сметая по пути стулья, канделябры, свернув столик и вдребезги расколотив напольную вазу.

В своей комнате госпожа Погодина немного успокоилась, переоделась, вздрагивая от любого подозрительного шума, и попыталась понять, что вообще произошло. Разумного объяснения не было, а значит, волей-неволей пришлось признать, что призраки, по крайней мере один дух, скорее всего, убитого Боброва, действительно существует. А значит, срочно нужна помощь специалиста в столь мифической области.

— Мне нужен медиум, — выдохнула Ольга Кирилловна и криво усмехнулась, — господи, до чего же я дошла, в призраков поверила! Ещё немного и отрекусь от всего земного, уйду в монастырь и стану грехи замаливать, проповедуя любовь ко всему живому.

Женщина помолчала, представляя, как сама, по доброй воле, отказывается от денег, украшений, красивых нарядом и горячих ночей с мужчинами. Особенно жаль было денег, ведь они, подобно ключу, открывали все двери, давали почёт, уважение, дружбу и любовь. Единственное, не могли вернуть красоту и молодость, но кто, скажите, кто, станет разглядывать лицо под золотой маской?!

— Да я скорее сдохну, — с ненавистью прошипела Ольга Кирилловна. — Слышишь, ты пень трухлявый, тебе меня не запугать! Не для того я стелилась под тебя, чтобы лишиться всего!

Распалив себя, госпожа Погодина выскочила из комнаты, вихрем пронеслась по дому, стараясь не задерживаться и в попадающиеся по пути зеркала не заглядывать. У выхода Ольга Кирилловна остановилась, перевела дыхание, элегантно поправила причёску и выплыла из дома степенным шагом отправляющейся на прогулку добропорядочной дамы. Правда, дверь захлопнулась слишком резко, прищемив и надорвав край подола, но это же ерунда, внимания не стоящая, верно?

Дело Ъ 1. Сладострастникъ. Изящное жало мести

Вопросы мести и воздаяния за свершённое волнуют людей с незапамятных времён, а если быть точнее, то с момента совершения первого преступления. Августа Германовна, в девичестве фрейлейн Вайс, а в супружестве ставшая госпожой Штольман, дама практичная, философскими размышлениями голову трудить не любила. Какой, спрашивается, толк длинно и нудно что-то обсуждать, если и так понятно: коли обидели тебя либо же кого-то из твоей семьи, то сие оправданий не имеет и должно всенепременно быть наказано. Потом, воздав кару, можно обидчика и понять, и милосердно простить, но именно потом, дабы другие, зло замышляющие, могли остановиться и подумать, что с ними будет.

Искушение на Якова Платоновича, посягательство на его сердце, свободную волю и жизнь Августа Германовна восприняла как оскорбление личное. Она очень хорошо знала, что её супруг, Карл Платонович, именно к этому брату испытывал особое доверие и тёплую дружбу, они были близки своей привычкой скрывать мысли, а паче того, чувства под маской невозмутимости и холодности. Страшно представить, что будет, если Яков Платонович не выздоровеет!

Августа Германовна поспешно перекрестилась и коротко молитву шепнула, прося Деву Марию оградить её мужа от столь тяжкого душевного потрясения, а его брату подарить

исцеление.

— О воздаянии не прошу, — шептала дама, молитвенно сложив ладони, — мы с дамами возьмём грех на душу, сами совладаем.

Успокоив себя молитвой, Августа Германовна глубоко вздохнула, привычным жестом поправила шляпку и решительно шагнула к блестящим дверям государственного банка, вольготно расположившегося на просторах Екатерининского канала в тридцатом доме. Бдительно подрёмывающий у входа швейцар, издали за приметив даму в сдержанном тёмного кроя платье, безошибочно определил в неё особу состоятельную, а потому дверь распахнул незамедлительно и поклон отвесил самый что ни на есть почтительный.

Августа Германовна чуть приметно кивнула и вошла в холл, наполненный посетителями и рыскающими в разные стороны, словно мыши у нерадивой хозяйки, служащими. Решительно перегородив путь одному рябому малому с кошачьи-жёлтыми глазами, дама повелительно произнесла, пристально глянув в глаза:

— Любезный, сообщите Генриху Егоровичу о том, что с ним желает побеседовать Августа Германовна Штольман.

Служащий шустро поклонился, прошелестел: "слушаю-с" и поспешно убежал, от великого волнения даже не предложив посетительнице присесть. Августа Германовна бровь заломила, но смолчала, посетителей было много, а ронять честь банка в их присутствии было неприлично. Как-никак, не чужие люди во главе оною стоят, а репутация семьи свята, пусть речь и идёт о родне дальней, с коей лишь по праздникам, на похоронах да делах служебных и пересекаешься.

Дама успела лишь бегло осмотреться, как к ней подошёл седоволосый с солидным брюшком, кой уже не мог скрыть модный покрой сюртука, служащий и, с низким поклоном, провозгласил:

— Августа Германовна, Генрих Егорович Вас ждёт.

— Благодарю, — дама чуть приметно улыбнулась, оценила стоимость золотых часов, виднеющихся из кармана и любезно добавила, — приятно весьма, что банк Ваш процветает и пользуется популярностью у публики.

Мужчина поклонился почтительно и пустился в пространный рассказ о банке, особо выделяя заслуги его директора, господина Тауберга. Августа Германовна кивала, ахала, иногда, не очень часто, восторженно прижимала ладонь к груди, качала головой. За такой светской беседой до кабинета господина директора и добрались. Служащий, отрекомендовавшийся Игнатом Прокопьевичем, сменившим безвременно скончавшегося от сердечного приступа Илью Евграфовича, почтительно в дверь постучал, в кабинет заглянул и о прибытии дамы сообщил.

— Приси, — приказал Генрих Егорович, откладывая бумаги и гадая, какое дело могло привести Августу Германовну в его владения. Коли были бы дела служебные, так она с супругом бы пришла, а по родственной надобности они совсем недавно виделись. Впрочем, чего гадать, гостя уже на пороге, сейчас сама всё и расскажет.

— Чаю прикажи подать. И халвы всенепременно!

Августа Германовна пальчиком погрозила:

— Ай-яй-яй, дядюшка, не Вы ли не позднее, как три дни назад на боли в боку правом жаловались и говорили, что халва есть лакомство для Вас жирное, потребление коего ограничить следует?

Генрих Егорович лишь рукой махнул:

— Как люди говорят: двум смертям не бывать, а одной не миновать. Что привело тебя в мои владения, родственница?

Августа изящно голову на плетённые пальчики положила и выдохнула, прямо в глаза дядюшке глядя:

— По миру сударыню одну пустить хочу.

— Да ты что?! — даже задохнулся господин директор банка.

Госпожа Штольман серебристо рассмеялась:

— Ой, вот только не говорите, что никогда подобного не совершали, не поверю, дражайший дядюшка!

— Да тише ты, — прищипнул на не в меру расшалившуюся родственницу Генрих Егорович, — кто в молодости не ошибался...

— Тому в старости вспомнить нечего, — закончила Августа Германовна и властно пришлёпнула ладошкой по столу. — Так я могу рассчитывать на Вашу помощь?

— Чем она тебе хоть не угодила-то так? — поморщился господин директор, меж тем уже прикидывая, что можно сделать, дабы и честь соблюсти и каприз родственник исполнить.

— Якова Платоновича приворожить пыталась, — дама оскорблённо поджала губы, гневно полыхнула глазами.

За долгую жизнь и годы службы в полном бесконечных соблазном море капиталов, стекающих в банк, Генрих Егорович видел многое, узнал ещё больше, а уж количество тайн, коих он скрывал, и вовсе не поддавалось исчислению, но ТАКОГО ещё не было.

— На кой он ей, прости господи, сдался-то? — выдохнул господин директор и пытливо взглянул на племянницу, уж не шутит ли?

Августа Германовна чопорно выпрямилась, отчеканила звонко:

— Штольман Яков Платонович мужчина во всех смыслах человек положительный и благопристойный...

Генрих Егорович кашлянул, вспомнив гулявшую одно время по Петербургу историйку о том, как этот положительный и благопристойный карточному шулеру под честное слово крупную сумму проиграл. Сколько же тогда называли, десять тысяч? Двадцать? А потом, кажется, человека, кой деньги должен был забрать, убитым нашли... Или нет? Одно слово, историйка была пренеприятная, потом ещё дуэль эта с князем Разумовским, ссылка в богом забытый Затонск, в коем, если слухам верить, господин Штольман даже под арестом посидеть успел, бежал и от следствия скрывался... Да, что и говорить, Яков Платонович человек во всех смыслах благопристойный и положительный!

— А дурным слухам, особенно в Вашем, дядюшка, деле, верить не следует, — сурово продолжила Августа. — Вы же знаете, в нашем семействе всё всегда чинно и пристойно, мы друг за друга горой стоим...

Господин директор вскинул руки, понимая, что сейчас будет пространная речь на тему семьи и семейных ценностей, коя ему, убеждённому холостяку, ещё в отчем дому оскомину набила:

— Хорошо, хорошо, что ты хочешь, я понял. Осталось узнать самое главное: имя огневавшей тебя сударыни.

— Погодина Ольга Кирилловна, — буквально выплюнула Августа Германовна и тут же, поскольку в кабинет внесли истекающую сладостью халву, узорные пряники и пышущий жаром чайничек тонкого фарфора, сладко пропела. — Надеюсь, Генрих Егорович, Вы

удовлетворите мою маленькую просьбу. Я же в свою очередь обещаю побеседовать с супругом по поводу акций господина Перова, с коими у Вас возникли некоторого рода затруднения. А от чая вынуждена отказаться, я ещё к портнихе должна зайти, платье буду шить к весне.

Дама с очаровательной улыбкой вышла из кабинета, подарив на прощание дядюшке воздушный поцелуй. Генрих Егорович вздохнул, сжевал ломтик халвы и приказал составить рапорт о финансовых делах некой госпожи Погодиной, Ольги Кирилловны.

— Сведения поступили, что неблагонадёжна весьма сия особа, — туманно бросил господин директор.

Уже через час все в банке, включая десятилетнего парнишку рассыльного знали, что Ольга Кирилловна Погодина революсьионерка, мошенница, а её полюбовник векселя и акции фальшивые печатал, за что и был в Шлиссельбурге повешен.

Когда же выше названная особа пришла в банк, ей не открыли, заявив, что происходит проверка и посетителей не пускают.

— Как же не пускают, когда я сама видела, как господин в бобровой шубе зашёл, — возмутилась Ольга Кирилловна.

— Приличным, — особенно выделяя это слово ответил швейцар, — господам и дамам мы всегда рады. А Вы, сударыня, завтра приходите.

Госпожа Погодина вспыхнула, потом побелела словно свежесыпавший снег, потом опять побагровела, но пререкаться со слугой сочла ниже своего достоинства, а потому лишь ножкой топнула и приказала:

— Проводите меня к господину директору!

Швейцар насмешливо усмехнулся, покачал головой:

— А может, сразу к самому Государю Императору? Ступайте, сударыня, банк наш и завтра на этом же самом месте стоять будет, нынче вам тут делать нечего.

— Я городских позову, — пригрозила Ольга Кирилловна.

Швейцар опять усмехнулся, наклонился, глянул даме в глаза:

— А не испужаетесь, городских-то звать? Нешто у Вас за душой никакого греха нет, а?

Дама хотела было запальчиво заявить, что грехов у неё нет, да вспомнила о следователе и язычок прикусила. Нынче, пожалуй, стоит смириться, а вот завтра, когда господин Штольман в её полную власть попадёт, она им всем покажет. Она добьётся, чтобы этого мерзкого старикашку швейцара взашей из банка вытолкали, она им всем устроит!

Елизавету Платоновну, княгиню Лисовскую, в Петербургском обществе знали как фрейлину Государыни Императрицы, коя после свадьбы оставила исполнение обязанностей и уехала с мужем в Польшу. Некоторые дамы искренне жалели Лизхен, считая её едва ли не последовательницей декабристок, а Варшаву такой же далёкой и дремучей как и Сибирь, другие же полагали, что ничего предосудительного княгиня не сделала, долг жены везде и всюду следовать за мужем, рожать детей и хранить семейный очаг. Елизавета Платоновна о мнениях дам была самым обстоятельным образом, через подругу Юленьку, осведомлена, а потому при встречах со знакомыми изящно изображала то самоотверженную героиню, то рачительную хозяйку и достопочтенную мать семейства, самой главной заботой коей является лишь супруг и сын Васенька двух лет от роду, оставленный на попечение мужа и его любящих родственников.

В этот приезд в Петербург Лизхен надеялась, что ничего, требующего её обширных

знакомств и приобретённых за время службы фрейлиной навыков плетения интриг и совершения изящных пакостей не понадобится, она в сём и Андриша заверила, но... Не даром ведь говорят, что, если ты хочешь рассмешить бога, нужно рассказать ему о своих планах. Да, Яков наконец-то обрёл свою единственную и ненаглядную, остепенился и женился, стал теплее к родным, только вот умение находить неприятности никуда не делось. Его, уже женатого, сумели приворотом опоить! И тот факт, что не опоить, а окурить, словно идола какого-то, дела ничуть не меняет! Конечно, Яков не всевидящ, столь изощрённого коварства предусмотреть не мог, он не повинен в произошедшем... Лизхен хищно глазки сузила и кулачки сжала. Он-то, без сомнения, не повинен, а вот госпожа Погодина, сие совершившая, наказания достойна. И каждая из дам семейства Штольман свою особую кару приготовит, такую, чтобы и закон не нарушить ни коим образом (Яков такого точно не простит), и эту отравительницу погубить.

Лизхен хихикнула, ручки потёрла и отправилась навестить самую известную в Петербурге сплетницу Аглаю Михайловну Арбузову, проживавшую в частном доме близ Английской набережной. Госпожа Арбузова княгиню Лисовскую встретила едва ли не с распростёртыми объятиями, мигом приказав горничным приготовить самовар и подать вишнёвой наливочки, до коей была превеликая охотница. За первой чашкой душистого чаю, на меду и липовом цвете, бережно хранимом в берестяных резных туюсках, разговор шёл обо всём и ни о чём конкретном. Платон Платонович такие беседы называл на армейский манёвр пристрелочными, мол, дамская артиллерия лишь готовится к бою, а уж как первый залп произведут, так спасения никому от длинных и острых язычков не станет. Елизавета Платоновна пространно рассказывала о Польше, вскользь заметила, что погода в Петербурге успокоилась, даже снежок выпал, и мороз не сильно лютует. Аглая Михайловна согласно головой покивала, на колени между прочим посетовала, мол совсем задеревенели, потому и на прогулки редко ходит, хотя мимо церкви, в день венчания Якова Платоновича проходила и счастливых новобрачных видела. Сам господин Штольман безупречен, супруга его молодая хороша беспримерно, одним словом, шарман, сплошной шарман!

Тут как раз вторую чашку чая налили, Лизхен сделала первый глоток и с тоской, во взгляде притаившейся, заметила, что дела служебные Якова Платоновича и в столь счастливый момент жизни не оставляют.

— Как же, как же, — китайским болванчиком закивала госпожа Арбузова, — мне Дарьюшка Волошина рассказывала, а той по большому секрету сообщила Липочка Угрюмова, а той самолично супруга полковника Варфоломеева вскользь обронила, что братец-то Ваш убийство самого купца Боброва расследует. Ой, Елизавета Платоновна, голубка, как же страшно нам, старикам, не свете-то жить! Ить, сказывают, в собственной постели его, бедолагу, нашли, в ночь супружескую. Конечно, Кирилл-то Владимирович учудил, прости господи, так учудил, женился на девице, коя ему в дочери, а то и внуки годится...

— И это при живущей прямо в доме любовнице, — словно бы между прочим заметила Лизхен, делая крошечный глоток чая.

Аглая Михайловна застыла, словно Лотова жена, лишь глаза горели от возбуждения, да кончики ушей налились ярким пунцовым цветом, выдававшим крайнюю степень ажитации.

"Клюнула, — отметила про себя Елизавета Платоновна, пряча улыбку за чашечкой с чаем, — ну, теперь пойдёт писать губерния, как Платон частенько приговаривает!"

— А Вы что, не знали? — княгиня Лисовская элегантно плечиками передёрнула. —

Мне уже давно рассказали, я даже не помню кто, что девица Погодина не только экономка, а самая настоящая поллюбовница Кирилла Владимировича, упокой господь его грешную душу.

Лизхен благочестиво перекрестилась, госпожа Арбузова тоже осенила себя крестом, вздохнула печально:

— Да кто мне что старухе расскажет, Елизавета Платоновна, совсем меня все позабыли и позабросили, родственники лишь затем и приезжают, чтобы проверить, скоро ли в наследство вступать.

— Хотя бы отравить не пытаются, и то слава богу, — опять-таки невинно заметила Елизавета Платоновна, отставляя опустевшую чашку. — Экономка-то, эта, Погодина, она регулярно опаивала Кирилла Владимировича, подтравливала, чтобы его смерть ни у кого вопросов не вызвала. Ещё вроде как приворовывала, но это уж я утверждать не берусь.

— А где сейчас честную служанку-то найти? — горестно всплеснула сухонькими ручками Аглая Михайловна. — Все сейчас норовят на нас, стариках беспомощных, да ещё дамах молодых доверчивых, нажиться.

— Вот и я говорю, главное, чтобы болезни дурной заразной не было, — княгиня Лисовская с невинной улыбкой поднялась из-за столика, — благодарствую за угощение, милейшая Аглая Михайловна, ещё бы посидела с Вами, да пора мне. Хочу себе платье заказать, пока лавки не закрыли. А то, я слышала, Погодина на этой улице себе наряды шьёт.

Госпожа Арбузова охнула и прижала пальчики к губам:

— А она что же... Ой, господи, у неё что же, хворость какая?

Лизхен плечиками повела:

— Чему и удивляться, при её-то положении да поведении. Всего самого наилучшего, Аглая Михайловна, ещё раз благодарствую за угощение.

Едва дверь за гостьей захлопнулась, госпожа Арбузова приказала коляску запрягать и помчалась наносить визиты своим подругам, сродственницам и просто хорошим знакомым, дабы всех предупредить о том, какую змею пригрел на своей груди покойный Кирилл Владимирович Бобров. Видимо, именно поэтому, из-за козней дурной девицы со срамной болезнью, и ставший покойным.

Когда не допущенная в банк Ольга Кирилловна решила найти утешение в магазинке милых сердцу любой дамы безделушек, молодой сладкого вида приказчик каменным истуканом замер на пороге, не пуская даму внутрь.

— Что такое, милейший? — холодно спросила госпожа Погодина, надменно вскидывая голову. — Али ты меня не узнал?

— Признал, сударыня, потому и не пускаю, — ответил приказчик, виновато улыбаясь и разводя руками. — Приказ у меня: Вас, сударыня, и на порог нашего магазинка не допускать.

— Да ты никак белены объелся?! — вызверилась дама, которую вот уже во втором приличном месте едва не взащей выталкивают, точно побирушку бездомную или воровку, за руку пойманную.

— Никак нет-с, белены я не употреблял, поскольку сия трава зело ядовита, да и не сезон сейчас, — хохотнул молодец. — Только дамы знатные, покупательницы наши постоянные, в один голос заявили, что и сами нашим магазинком манкировать станут, и другим то же самое заповедают, ежели мы Вас обслуживать станем.

Ольга Кирилловна крутенько на каблучках развернулась и широким шагом, с трудом удерживаясь, чтобы на бег не перейти, пошла в кондитерскую, решив по исконной дамской привычке найти спасение от горечи обид в сладости конфет. В кондитерской плотающую

злые слёзы даму приняли, хоть и посадили за самый тёмный и неудобный столик, а прежде, чем пирожное с какао принести сообщили, что правила изменились и теперь деньги нужно вперёд платить. Госпожа Погодина устало рукой махнула, за кошельком, бисером расшитым, потянулась, да так и обмерла: сумочка была раскрыта, а вместо денег неведомый воришка подложил ей конский катышек. И так ловко, мерзавец эдакий, подложил, что Ольга Кирилловна сие лишь тогда заметила, когда всей рукой вляпалась. По кондитерской поплыл милый сердцу каждого селянина запах навоза, посетители брезгливо носами завертели и заворчали, что, мол, они не на конюшне решили кофию испить. И публике приличной со всякими горжетками в одном заведении находиться конфузливо. Приказчик выразительно покосился на госпожу Погодину, та надменно голову вскинула и к выходу величественно направилась. Да не заметила порожек, споткнулась, упала на корточки, больно расшибив колени и ладони, ещё и в спину полетело оскорбительное весьма:

— До чего же эти гулящие в вине удержу не знают! Гнать их надо за пределы города, дабы они облик столицы на марали.

Злая, голодная, грязная и ненавидящая всё и всех вокруг, Ольга Кирилловна добралась до дома, яростно зашарила в сумочке в поисках ключа, но его нигде не было. Заорав от обиды и чёрным туманом застившей глаза ярости, госпожа Погодина принялась пинать дверь, весьма чувствительно ударившись ногой, что сделало крик ещё более истощенным, а проклятия изошрёнными. Горничная Ульяна, открывшая дверь и увидевшая Ольгу Кирилловну в совершенно неуправляемом состоянии, завизжала что-то невразумительное про демонов и бросилась на улицу, где пала в ноги первому встреченному городовому и рыдая умоляла его забрать госпожу Погодину, пока она, в очередном приступе безумия, и ей, грешной, голову канделябром не проломила, как покойному купцу. По случайности или нет, но городовым оказался Прокофьев, направлявшийся после службы домой весьма огорчённым из-за непонятого недуга, сразившего Якова Платоновича. Вопли девицы сперва здорово рассердили бравого вояку, но потом он разобрал имя Ольга Кирилловна и моментально насторожился.

— Тише, милая, не вой, — Прокофьев приобнял Ульяну за плечи, помогая ей подняться, — толком говори, что приключилось?

— Ольга Кирилловна опять обезумела, — шмыгнула носом горничная, грязным кулаком растирая слёзы, — ночью барина пришибла, днём следователя потравила, а сейчас и меня извести хочет, потому как я наиглавнейший свидетель.

Городовой медленно втянул носом воздух, нахмурился:

— Ах, во-о-от оно что... А ты точно знаешь, что именно госпожа Погодина повинна в этих преступлениях?

— А то кто же? — всплеснула руками Ульяна. — Их в доме-то оставалось всего трое: Кирилл Владимирович, жёнка его молодая, да она. Да и была бы неповинная, чай, следователя травить бы не стала...

— А почему ты решила, что следователь отравлен? — Прокофьев вспомнил строгий наказ Штольмана людей без разбору не хватать и огульным обвинениям не верить.

Горничная опять чмыкнула носом, пожалала плечом:

— Дык, я сама видела, как она в чай чё-т сыпала. Сперва в ум не взяла, потом спужалась, да барин, умница, чаю-то не стал, ну, я и успокоилась. А потом услышала, что захворал он, ну и поняла, что она, змея, его потравила.

Для городского всё окончательно встало на свои места, он покровительственно шлёпнул

пискнувшую от неожиданности девку по спине, провозгласил зычно:

— Правильно поняла. От лица всего управления выражаю тебе благодарность. В барский дом не возвращайся, а завтра с утра приходи в управление, будем у тебя показания снимать.

— Чего снимать? — переспросила Ульяна, на всякий случай отодвигаясь.

— Ещё раз всё расскажешь, в бумаге со своими показаниями распишешься и от меня лично рубль премии получишь, — довольный тем, что изболочена отравительница Якова Платоновича, Прокофьев готов был пообещать девице и больше, да оклад был невелик, а на содержании находилась старушка мать и десятилетняя сестрёнка. Им-то тоже, чай, каждый день пить-есть охота.

Не прошло и получаса, как охрипшую от ругани и проклятий Ольгу Кирилловну оказавшую яростное сопротивление, скрутили и доставили в участок, где посадили в камеру для дальнейшего следствия.

Дело ЛЬ 1. Сладострастникъ. Мне отмщение и аз воздамъ

Местом сбора для обсуждения дальнейших действий операции под кодовым названием "Воздаяние" Елизавета Платоновна предложила своим подругам кондитерскую братьев Егоровых ту, что с видом на Английский канал. Первой на место сбора пришла Августа Германовна, заказала чашку горячего чаю с баранками, облокотилась на край стола и не успела даже первого глотка сделать, как прибежала сияющая от восторга Мария.

— Августа, ты не поверишь, я такое узнала, — затараторила Мари, но Августа решительно подняла ладонь:

— Подожди, не спеши. Все придут, тогда и расскажешь

Мария кивнула, попросила принести ещё одну чашку, да мёда липового и чинно уселась за стол, даже ручки привычно на коленях сложила, как того аглицкий этикет требует. Августа опять чашку к губам поднесла, и опять глоточка сделать не успела, лучащаяся довольной улыбкой Лизхен вплыла в кондитерскую, а следом за ней и Юленька вошла.

— Смею предположить, что твоя миссия оказалась неуспешной, — Августа Германовна посмотрела на понурую побледневшую графиню Берестову.

— Задержали её, змею подколодную, — вспыхнула Юленька, в сердцах даже пристукнув кулачком по столу. — И даже навестить не позволили!

— И хорошо, что не позволили, — Мария успокаивающе обняла подругу за плечи, — иначе ты бы себя лишь рассекретила.

— А приворот...

— Ничего страшного, — Лизхен с другой стороны обняла Юлию, — ей и так досталось, полагаю, надолго запомнит.

Августа задумчиво покачала баранку в руках:

— Думаете, она поймёт и раскается?

— Главное, чтобы Якова больше не трогала, — окаченной водой кошкой фыркнула Мария, видевшая, как обеспокоился супруг болезнью брата.

— В городе ей теперь оставаться глупо, у неё тут ни денег, ни друзей, а репутация такая, что даже на паперть и в публичный дом не пустят, — рассудительно заметила Юленька, а Лизхен мечтательно добавила:

— А если правда, что это она купца убила...

— Не правда, — покачала головой Мария, — неприятно Вас разочаровывать, дамы, но это совершенно точно не она. Другую даму рядом с домом видели в ночь убийства, мне

Глашка рябая сказала, а у неё глаза как у кошки, она иголку впотьмах без труда отыщет.

Елизавета Платоновна приуныла, очень уж ей хотелось отравительницу брата к ответу по всей строгости закона призвать, а сам-то Яков против неё ничего затевать не станет, он же благородный. По совести если рассуждать, так он и дамской самодеятельности тоже не рад будет, но, с другой стороны, спускать подобное ни в коем случае нельзя! Княгиня Лисовская так огорчилась известием о том, что на каторгу за душегубство Ольгу Кирилловну отправить не получится, что даже не спросила, кого там глазастая Глашка увидела, а вот Августа за сии слова зацепилась, заинтересованно обернулась к Марии:

— А кого это Глафира увидела?

Мария смущённо губу прикусила, виновато взгляд отвела:

— Вы меня простите, мадамочки, но я её сильно не расспрашивала, сразу к Якову направила, он же следствие ведёт. И страсть не любит, как в его дела вмешиваются, Аннушка говорила, они из-за этого часто ругались.

— А потом он ей предложил нейтралитет соблюдать, — вздохнула Юленька и выразительно глазки закатила, — это любимой-то девушке!

— Сам предложил, сам тут же и пожалел, — хихикнула Елизавета Платоновна. — И сам же первым и нарушил этот нейтралитет. Что и говорить, самостоятельный у меня братец!

Дамы звонко рассмеялись, но тут же загрустили, вспомнив, что возле Якова Платоновича сейчас хлопочет Михаил с Софьей и Анна. А вдруг, спаси господи, Анна Викторовна не успела, и яд подействовал? А вдруг, Михаил отказался противоядие принимать, он же лишь в официальную медицину верит. А вдруг, противоядие не сработало?

— Ой, мадамочки, давайте вернёмся домой, — Мария прижала ручку к горлу, бледно улыбнулась, — маетно мне что-то. Тревога сердце точит.

— И мне страшно, — призналась Августа, — а ну, как что-то пошло вопреки нашим мечтаниям и ожиданиям?

— Тьфу-тьфу-тьфу, — суеверно поплевала Юленька, а Лизхен широко перекрестилась сначала по православному, а потом и католическому обряду, горячо шепнув:

— Спаси господи и святая Дева Мария.

Разноцветной стайкой вспугнутых неосторожным ловцом бабочек, дамы покинули кондитерскую и даже извозчика кликнули, дабы скорее до дома добраться и развеять тягостное неведение. Уж лучше скорбный конец, чем метание между страхом и надеждой!

Тот же, о ком так трепетали дамы, чувствовал себя не просто хорошо, а просто превосходно, да и разве может быть иначе у молодого супруга, пробудившегося ото сна в объятиях желанной и дорогой сердцу жены? Яков чуть приподнялся на локте любуясь лёгкой улыбкой на губах Анны, разметавшимися по подушке кудряшка, а особенно тем завитком, кой так часто хотелось приласкать губами.

— Анна, — выдохнул Яков Платонович, поглаживая подбородок жены кончиками пальцев, — драгоценная моя...

Длинные ресницы дрогнули, открылись нежно-голубые, точно колокольчики на лугу, глаза, улыбка вспыхнула ярче, озарив сонное личико и тихим ветерком пролетело:

— Яша...

— Аня, — Яков широко улыбнулся, но тут же вспомнил о размолвке, нахмурился, произнёс строго, — тебе не стоит больше рисковать собой.

— Тебе тоже, — не стала спорить Анна.

— В моей службе бывает разное... — попытался объяснить очевидные, с его точки зрения, вещи Штольман.

— И именно поэтому я буду рядом, чтобы помогать, — закончила Анна и видя, что муж готов возразить, поспешно прижала пальчик к его губам. — И не спорьте, Яков Платонович, а то мы опять поссоримся, а мне бы очень этого не хотелось... Как ты себя чувствуешь?

— Прекрасно, — прошептал Яков, целуя ладошку супруги, — лучше всех.

Анна потянулась к мужу за поцелуем, но тут в коридоре раздался какой-то шум, возня, сдавленные возмущённые возгласы Софии, а потом дверь распахнулась, едва не слетев с петель.

— Братишка, нам в прямом смысле слова пришлось прорываться к тебе с боем, — провозгласил взлохмаченный и не очень твёрдо стоящий на ногах Платон и только тут вспомнил, что вообще-то, когда он с братьями заглядывал в комнату в прошлый раз, Яков Платонович был не один. — ой, прошу прощения, Анна Викторовна...

— Я же говорила, что вам сюда нельзя, — чуть не плача восклицала София, крепко прижатая к груди мужа и не имеющая ни единого шанса помешать вторжению.

— Софьюшка, я же должен исполнить свой врачебный долг и пр... — запнулся Михаил, тоже не являющийся в данный момент образцом трезвости, — прврить пациента.

Яков Платонович молча переводил взгляд с одного брата на другого, пытаясь понять, кому пришла в голову светлая мысль попытаться их утопить и почему именно в вине, а не по всем правилам в воде. Разум отказывался давать хоть какие-то внятные объяснения происходящему, а потому пришлось допрашивать пошатывающихся и держащихся друг за друга родственничков.

— Можно узнать, по какому поводу столь разгульное веселье? — холодно осведомился господин Штольман, задвигая Анну себе за спину и для надёжности ещё одеялом укрывая.

Вильгельм потёр лоб, икнул, виновато посмотрел на дам, шепнул чуть слышно извинения и опять икнул, ещё громче прежнего.

— Переволновались они за Вас, Яков Платонович, — устало ответила Софья, коя всех братьев мужа величала исключительно по имени отчеству, — вот и позволили себе... лишнего.

— Я?! — искренне оскорбился на слова родственницы Михаил. — Первлновался?! Не-е-ет, просто устал сильно, жар-то никак не спадал, а ведь я что только не пробовал, какими микстурами и декоктами тебя не потчевал, даже знахарке над тобой поколдовать позволил.

Яков насторожился, опасаясь, как бы у него от всех микстур и прочих снадобий хвост не вырос.

— Хорошо, Анна Викторовна пришла, у тебя с её появлением весь жар как рукой сняло, — педантично дополнил рассказ брата Карл, коего нетрезвым до этих пор никто и никогда не видел.

— Вот это и есть настоящая любовь, — растроганно хлюпнул Платон, — я тоже так хочу, только как эту настоящую найти, когда вокруг так много красавиц? Тоже что ли в Затонск податься?

— Не надо, — выпалил Яков, вспомнив, как тихий провинциальный город буквально залихорадило после его приезда, — в Затонске ещё после нашего с Анной Викторовной отъезда разговоры не утихли.

Анна не выдержала, хихикнула, вспомнив как матушка рассказывала, какие слухи, сплетни и домыслы поползли по городу после её отъезда. А Якова Платоновича вообще

шпионом называли, только вот никак не могли определиться, какой державе он служит, господин Изюмов с Городцевым даже подрались, каждый своё мнение отстаивая.

— Так, господа, полагаю, Якову Платоновичу нужно отдохнуть, а потому, — Софья выразительным взмахом руки указала братьям на дверь.

— Яков, но ты же больше умирать не станешь? — Карл посмотрел на брата взглядом комнатной собачонки, путавшейся под ногами и получившей увесистого пинка.

— Не стану, — сухо пообещал Штольман, не привычный к столь трогательным проявлениям заботы и нежности, а потому привычно пытающийся совладать с выходящими из-под контроля чувствами.

— Господа, — повысила голос Софья, что было для неё совершенно нехарактерно, — Якову Платоновичу должно отдохнуть, а Вам всем непременно удалиться.

— Удавиться? — переспросил Платон Платонович и головой покачал, опасливо от супруги брата отодвигаясь. — Да за что же с нами так сурово?

Софья вспыхнула, растерянно на мужа посмотрела, кой пустился с Вильгельмом в научный диспут о наилучшем с точки зрения медицины способе удушения, и тут в коридоре появились запыхавшиеся и покрасневшие дамы, возглавляемые Лизхен.

— Ну, как он?! — пропыхтела, сдувая прядь с лица Елизавета Платоновна, и Яков не сдержался, застонав от досады, красочно представив, какой хоровод сейчас вокруг него завертится.

— Всё хорошо, — Анна ободряюще положила руку мужу на плечо, — Яше нужно отдохнуть, и он будет в полном порядке.

— Совершенно верно, — Софья решительно вытеснила замерших на пороге комнаты братьев, ободряюще подмигнула Анне Викторовне и закрыла дверь, игнорируя возмущённый писк подруг и недовольный гул мужчин, решительно повторив:

— Якову Платоновичу нужен полный покой.

Полный покой господину Штольману был неинтересен, дела служебные расслабиться не давали, а потому, убедившись, что родные не разбили лагерь за дверью, Яков Платонович осторожно перебрался в кабинет. Анна Викторовна, сначала настаивавшая на том, что нужно непременно хотя бы день отлежаться, сдалась, купившись на клятвенное обещание больше жизнь риску не подвергать, не переутомляться и все мелкие поручения ей доверять, а свидетелей, если таковые будут, прямо в кабинете принимать.

В родном, выдержанном в держанных тёмных тонах кабинете, Штольман окончательно взбодрился, опустил на край стола и, привычно вращая в руках карточную колоду, рассказал Анне всё, что успел узнать о прошлой супруге купца Боброва.

— Вполне возможно, что смерть Кирилла Владимировича и Авдотьи Петровны связаны, — Яков с досадой покачал головой, — но пока у нас слишком мало данных по обеим смертям и предполагать можно, что угодно.

— Я могу вызвать дух Авдотьи, — с готовностью предложила Анна.

Яков нахмурился, вспомнив, как Анне было плохо в доме купца.

— Уверена, она не сделает мне ничего плохого, — взгляд голубых глаз стал умоляющим, пред коим устоять господин следователь не имел никакой возможности. — Мы же не из пустого любопытства дух барышни потревожим, а сугубо по делам следственным.

— А ежели она только подумает, что худое, мы её в кукиш скрутим, — мрачно пообещала всегда довольно миролюбивая бабуля, а остальные родственники согласно кивнули.

— Хорошо, — согласился Яков, — а я пока до управления за документами схожу, — Анна возмущённо встrepенулась, и следователь поспешно исправился, — пошлю кого-нибудь.

Гонца искать долго не пришлось, Якову Платоновичу достаточно было в окно выглянуть, чтобы увидеть знакомую долговязую фигуру Игната, официально числящего на складах грузчиком, но больше промышляющего контрабандой и мелким воровством. Пару раз в ходе дел служебных господин Штольман пересекался с Игнатом, а также с его приятелями, неизменно получая от оных бесценные для службы сведения и пару раз спасая бедовые головы от лихих разбойных, считающих благородство дуростью и не гнушающихся убийствами.

Игнат, заметив следователя, расплылся в широкой улыбке и даже вскинул руку в приветственном жесте, но помахать не на смелился, заробел, поклонился неуклюже, стянув выцветший картуз, коий неизменно носил в любое время года.

Штольман открыл окно, крикнул:

— Здравствуй, Игнат. Подходи к чёрному ходу, дело есть.

Игнат кивнул, перемахнул через зелёные кусты, высаженные дворником Никодимом "для виду и духу" и глубоко засунув руки в карманы, вальяжной походкой, старательно скопированной у матросов, двинулся к знакомой дверце, коей и сам господин следователь пользовался чаще, чем парадным крыльцом. Штольман встретил его на крыльце, кивком головы пригласил в дом, прислушался, убедившись, что неугомонная сестрица и её не менее активные подруженьки наверху и не появятся в самый неподходящий момент, удовлетворённо улыбнулся. Игнат солидно шмыгнул носом, спросил деловито, как человек, точно знающий, о чём речь идёт:

— Лекари воли не дают?

Яков Платонович поджал губы, глазами сверкнул, бросил коротко:

— Пошли в кабинет.

— Как скажете, барин.

Путь до кабинета Якова Платоновича Игнат знал, чем гордился безмерно. Такой чести даже Тимоха ни разу не удостоивался, а он, Игнашка, уже третий раз приглашён! Надо будет всё внимательно рассмотреть и Ваське малому рассказать, он страсть как любит байки про следователя Штольмана, даже снимок из газеты позапрошлого года под подушкой держит, дурилка мелкая.

В кабинете Игната ждала очень даже приятная неожиданность в виде симпатичной барышни в простом домашнем светлом платье. На звук открывшейся двери девица не отреагировала, глядя в пустоту широко распахнутыми голубыми глазами и чуть шевеля губами.

"Духовидица, — ахнул Игнат, во всех глаза глядя на барышню и стараясь запомнить каждую чёрточку лица и даже складочку на платье, — та самая, супружница Якова Платоновича. Вот это мне свезло так свезло!"

Девушка вздрогнула, резко вздохнула, словно просыпаясь, руку к груди прижала. По тому, как быстро Штольман шагнул к девице, как заботливо за плечи приобнял, какой полный нежности взгляд в ответ получил, Игнашка окончательно утвердился в своих предположениях и расплылся в довольной улыбке. Ещё бы, как говорится, шёл по грибы, а нашёл котёл золота! Теперь он вторым человеком после Тимохи станет, из их компании ещё никто супружницу следователя не видел, а он, Игнат, с ней в одной комнате оказался. А если

повезёт, то ещё и парой слов обмолвится!

— Ты в порядке? — Яков внимательно смотрел в глаза жене.

— Всё хорошо, — Анна благодарно улыбнулась, потянулась погладить мужа по щеке и тут заметила, что в кабинете они не одни, смутилась и руку опустила, потупилась.

— Это Игнат, смышлёный парень, хоть и не всегда с законом в ладу, — Яков Платонович кивнул Игнату, предлагая ему подойти поближе.

Под сияющими ясными и чистыми голубыми глазами парню стало неловко, как-то разом приметились все заплатки на одежде, грязь на сапогах и рубцы на руках, памятки многочисленных драк за место под солнцем.

— Здравствуйте, Игнат, — звонко произнесла барышня и приветливо протянула руку, — а я Анна Викторовна, жена Якова Платоновича.

Прежде, чем пожать тонкие пальчики, Игнат старательно потёр ладонь о штаны, коснулся нежной девичьей кожи и спешно руку отдернул, даже за спину спрятал. Ну всё, теперь парни все вообще с зависти передохнут, он не просто познакомился с женой Штольмана, а даже поручкался с ней! Воодушевившись осознанием собственной важности, Игнат выпятил грудь парусом, хотел даже живот выпятить, как купцы солидные делают, да вовремя вспомнил, что пузо ещё не нарастил. Ну да ничего, Штольман, вон, человек известный, а тоже не шибко жирен, добро хоть, костями на ветру не брякает, как Тимоха говорит.

— Я распоряжусь, чтобы нам чаю принесли, — Анна Викторовна одарила Игната ещё одной улыбкой и чинно выплыла из кабинета.

Мужчины проводили даму внимательными задумчивыми взглядами, вздохнули, каждый о своём. Яков Платонович в который уже раз зарок себе дал оберегать Анну от всевозможных бед и напастей, до коих его супруга превеликая охотница, а Игнашка подумал, что, может, стоит и приженихаться к подавальщице Машке из трактира. Девка она справная, опять же при еде, да и на него с похожей нежностью во взоре взирает.

— Итак, чего ради ты за мной наблюдение вёл? — Яков Платонович все нежные помыслы в глубине сердца запер, дабы в делах служебных голову не кружили и разум не застили.

Игнат нос почесал, прикидывая, как отвечать стоит: по правде, али по совести. Конечно, господин следователь не зверь, жилы из живого тянуть не станет, даже по роже не даст, но тем досаднее огневать его.

— Ну, не молчи, не просто же так воздухом подышать под мои окна ты пришёл, — усмехнулся Штольман, присаживаясь на край стола и беря в руки колоду карт. — Раньше за тобой такой привычки не водилось.

— Тимоха просил приглядеть, да узнать, всё ли у Вас ладно, — решил Игнашка озвучить правду, а потом ещё и по совести добавил, — да и сам решил убедиться, что Вы живы.

Бровь Якова Платоновича иронически приподнялась.

— Ну и как, убедился?

— Аха, — Игнат помолчал, дожидаясь реакции, но следователь продолжал задумчиво крутить карты, которые словно живые порхали в его руках.

— И ещё это, сказать хочу... по поводу Боброва... ну, купца, которого того-этого, зашибли прямо на молодой жене.

Штольман пристально посмотрел на Игнашку, карты выразительно замерли, прекратив свой полёт. Парень ободрился вниманием следователя, поддернул штаны, глубоко засунул

руки в карманы и медленно, как и подобает человеку деловому, а не шушере какой, стал рассказывать:

— Нюська рябая, что за три копейки бельё стирает, сказывала, барыня к ней приходила, платье отдавала.

— В стирку?

— Да не, просто отдала, в милостыню. Нюська девка не гордая, одежей с барского плеча не брезгует, приняла с благодарностию, ещё и в ножки поклонилась, барыня её двумя перстами перекрестила и ушла.

— Двумя перстами? — нахмурился Яков Платонович, который на собственном опыте убедился, что староверы страсть не любят чужаков в свои дела пускать и друг за друга стеной нерушимой стоят.

— Угу, — Игнашка для убедительности головой кивнул, — двумя. А как только барыня ушла, Нюська платье-то развернула, а на ём кровь. По подолу пятна, да на рукавах.

Штольман поднялся со стола:

— Поехали. Покажешь, где эта Нюська живёт.

Игнашка мысленно взвыл и чуть язык с досады не откусил. Ведь самолично слышал, что следователю нужно отдыхать, что он едва с постели встать, ну куда он, спрашивается, часу не отдохнув после хворости, поедет? И ведь не переспоришь, упёрт, словно валун гранитный, койй даже стальной киркой не прошибёшь. К счастью, в кабинет вернулась Анна Викторовна, а с ней две горничные, несущие на подносах всевозможные вкусности, при виде коих у Игната живот разразился совершенно немзыкальной трелью.

— Чай готов, — провозгласила Анна, непринуждённо, как матушка учила, разливая ароматный напиток по чашкам и протягивая одну гостью, а другую мужу. — Прошу.

— Благодарствую.

Игнат знал, что по правилам их общества уличного от угощений следует отказываться, потому как прикормленный волк становится собакой, но, чёрт побери, Тимоха бы и сам не устоял против обаяния Анны Викторовны! А тут ещё и запахи голову кружат...

— Присаживайся, — Яков Платонович кивнул парню на стул, сам опустился на подоконник, — думаю, время у нас ещё есть.

Игнат чинно опустился на стул, спрятав ноги в грязных сапогах под сиденье, осторожно взял чашку, такую тонкую и лёгкую, словно она из первого ледка на луже сделана и поднёс к губам, стараясь громко не хлюпать и не швыркать. Чай, в приличном обществе чаёвничает, а не в трактире каком!

Чтобы не смущать гостя, Анна завела непринуждённый разговор, но не стерпела, сама не заметила, как на купца Боброва и его несчастную первую супругу соскользнула.

— Расследования смерти Авдотьи Петровны не проводилось, — Штольман досадливо поморщился, — в деле ни одного толкового документа, сплошные отписки да предположения, ни на чём не основанные.

— Ещё бы, — фыркнул Игнат, перекатывая во рту кусок фруктового сахара, — купец следователю Егорову, тому, которого за месяц до Вашего отъезда за мздоимство арестовали, пятьсот в зубы сунул, тот дело и замаял. А уж мамка её шибко убивалась, в голос выла да на голову Боброва кары небесные призывала.

— Чья мамка? — спросил Яков Платонович, а Анна сочувственно улыбнулась, вспомнив, что призрачная Авдотья толком ничего не рассказывала, лишь повторяла, что убивца своего простила, а за матушку молится непрестанно.

— Дык супружницы его, Авдотьи, — Игнашка отставил опустевшую чашку, поклонился низко, — благодарствую за угощение.

— Может, ещё чайку? — Анна Викторовна потянулась к пузатому чайничку, сердито попыхивающему паром.

— Нет-с, весьма благодарен, — Игнат опять поклонился.

— Значит, мать Авдотьи Петровны купца Боброва проклинала? — задумчиво повторил Яков, глядя в сумерки за окном.

— Ещё как, — Игнашка усмехнулся. — Такие кары сулила, у меня ажно мураши по спине забегали. А Кирилл Владимирович только усмехнулся, мол, глупая баба, что с неё взять.

— А где она сейчас?

Игнат нахмурился, вспоминая, потом плечами пожал:

— Точно не знаю, но вроде как Васятка сказывал, что барыня тут, в городе. В тупичке, где староверы живут, вроде как там он её видел. Шибко она ему в прошлый раз, как в городе была, приглянулась, он даже, дурилка мелкая, возмечтал, что она его мамкой станет, — Игнат смущённо кашлянул, пояснил для Анны Викторовны. — Малой он у меня, ему шестой год всего. Как мамка от глотошной померла, батька новую жену привёл, а она в тот же день нас на улицу вышвырнула.

— А отец что же? — ахнула Анна.

— А батька ничего, она ему новых детей родила, лучше прежних, — Игнашка покачал головой, — да мы не в обиде. Я вот в складах грузчиком, а за Васяткой Машка из трактира приглядывает, ну, или из парней кто, кого Тимоха назначит. Так что, всё у нас славно. Не печальтесь.

— Лучше всех, — буркнул Штольман, который вспомнил сироту, изображавшего призрака сына госпожи Бенциановой. К счастью для мальчонки, старуха Бенцианова, когда узнала, что на самом деле призрак — вполне себе живой и материальный, не огневалась, а наоборот, усыновила его. Только вот сколько ещё таких Ванечек по свету сиротство мыкают, сколько таких Васяток о матерях мечтают?

— Поедем, покажешь, где прачка живёт, коей платье окровавленное подарили, — Яков Платонович пустым сожалениям предпочитал действие, поэтому решительно поднялся, вытащил из ящика револьвер, проверил патроны и убрал в потайной карман. — Да ещё нужно узнать, где живёт мать Авдотьи Петровны, если она действительно в городе.

— Сделаем, — протянул Игнат, — я Макару, сударику Нюскиному шепну. Он Вам, если надо будет, хоть самую Государыню Императрицу раздобудет.

— Императрицу не надо, — поспешил откреститься от почётной гостьи Яков Платонович, — мне и сестрицы с иными родственницами хватает.

— Не так с ними надо, — протянул Игнат тоном человека, успевшего познать мир и даже притомиться от него немного.

Штольман улыбнулся насмешливо, бровь выгнул:

— А как? За косу и на спину? Так мне воспитание не позволяет, у нас в семье иначе было.

Игнашка вздохнул, головой покачал. Беда с этим приличным воспитанием, хуже цепей человека связывает.

— Ладно уж, поедемте к Нюське.

— Сейчас, — Анна Викторовна вскочила на ноги, — пять минут подождите!

— Анна, — Яков хотел сказать, что супруга остаётся дома, но она уже дверью бухнула, даже слушать ничего не стала.

— За косу и на спину, — повторил Игнат, солидно покачав головой, — средство верное, на других испытанное.

— Я обдумаю, — буркнул следователь, сердито глазами сверкнув.

К счастью, Анна Викторовна ждать себя не заставила, скоренько вернулась с пухлой корзинкой, которую протянула Игнату:

— Вот, это Вашему братишке гостинец. Берите, не отказывайтесь.

Игнашка шмыгнул носом, посмотрел на корзинку, на Анну, опять на корзинку, потом на Штольмана.

— Берите и едем, — следователь поправил перчатки, взял неизменную трость, — не будем терять время.

— Благодарствую, Анна Викторовна, — просипел Игнат, с трудом выдавливая слова из словно бы опухшего горла. Парню хотелось сказать, что Васятка будет просто счастлив, но слова разбежались, в носу засвербело, а глаза защипало так, словно в них едкого мыльного раствора, кожу сдирающего налили. А слезинка по щеке побежала всего одна, никто её и не заметил, ведь Анна Викторовна шубку накидывала, а Яков Платонович ей в этом помогал. И на Игната они не смотрели.

Нюська оказалась дома, более того, платье подаренное не стирала и показала его без единого возражения. Яков Платонович осмотрел заметные даже на чёрной ткани пятна, хмыкнул выразительно.

— А живёт та барыня на Каменке, в шестом доме, — протараторила Нюська, — я её нынче там видела, когда стирку забирала. Сама бледная, глаза потухшие, чисто мертвяк, прости господи. Я ей поклонилась, за подарочек отблагодарила, а она посмотрела на меня пустыми глазами, развернулась и в дом пошла, едва ноги переставляя.

— В шестом доме, значит, — Штольман бросил быстрый взгляд на темноту за крохотным подслеповатым окном, на Анну, кою домой только в куле да под охраной отправить можно было и вздохнул. — Значит, едем туда.

— Я с т... — Анна смутилась, исправилась поспешно, на тон служебный переходя, — я с Вами, Яков Платонович.

Штольман улыбнулся так тепло, что у Нюськи, непривычной к ласке, даже слёзы на глазах заблестели:

— А у меня есть выбор?

Анна посмотрела на Якова, тот на неё. Анна улыбнулась, Яков пожал плечами, протянул супруге руку:

— Едем, сударыня. Нас хоть и не ждут, а всё равно мешкать не стоит.

Дама гостей, да ещё в столь поздний час, действительно, не ждала, но дверь открыла без вопросов, да и в дом их пустила сразу же, на пороге держать не стала, даже не спросив, кто такие.

— Следователь Штольман, — коротко отрекомендовался Яков Платонович, стараясь держаться так, чтобы всегда прикрывать Анну Викторовну.

Женщина посмотрела на следователя тусклыми чёрными глазами, устало пожала плечами, ответила глухо:

— Кубышкина я, Анна Ивановна. Замученной зверем Бобровым Авдотьюшки мать.

Анна... Милое имя, ставшее для Якова Платоновича самым дорогим на свете, почти священным.

— Вы убили Кирилла Владимировича из-за дочери? — Штольман не спрашивал, он уточнял.

Кубышкина помолчала, то ли собираясь с силами, то ли решая, стоит ли признаваться, а потом выдохнула, не скрывая торжества:

— Да! Да, я убила этого зверя лютого, антихриста в человеческом облике, я его убила и видит бог, не жалею! Другим господь даёт по трое, а случается, по шестеро — семеро детишек, у меня же Авдотьюшка дочка поздняя, намоленная, долгожданная. Сколько я на коленях перед иконами простояла, сколько по монастырям да святым источникам поездила, чтобы смилостивился господь, подарил мне радость материнства. Наконец, услышали мои молитвы, понесла я. Через год дочку родила, да за счастье горькой ценой заплатить пришлось: мужа моего на стройке бревном задавило. Остались мы с Авдотьюшкой одни, горе мыкать. А дочка у меня пригожая, умничка, только вот здоровьем слабенькая, в детстве болела часто. И опять я молилась, по знахаркам да водам целебным её возила, а когда удавалось, то и докторам известным показывала. Ночей не спала, куска не доедала, лишь бы сыта была кровиночка моя, одета не хуже других, да ленту могла новую в косу заплести.

Анна Ивановна всхлипнула судорожно, передник закомкала:

— Красавицей у меня дочка выросла, глаз не отвести. Хоть и бесприданница, а женихи находились, не шибко много, но были. И как-то после ярмарки присмотрел мою Авдотьюшку купец этот, будь он проклят во веки вечные. Ухаживал красиво, подарки дарил, цветы носил, мороженым угощал, на лодке катал. Вскружил девочке моей голову, влюбилась она в него без памяти, да и я, дура старая, поверила ему. Помстилось, мол, сама счастливо не жила, так дочка богатство узнает, из нужды выберется, проживёт счастливо. После свадьбы муж новоиспечённый дочку мою в Петембурх увёз, а я в деревушке нашей осталась, мол, так будет лучше, быстрее Авдотьюшка к новой жизни привыкнет. Сначала дочка мне каждую неделю писала, потом письма стали приходить всё реже и реже, а самое страшное, из них жизнь ушла, понимаете?

Яков Платонович кивнул. За годы службы он много писем видел и без труда мог отличить послания, написанные с душой, от писем, продиктованных разумом. Материнское сердце сухими короткими строчками коротких, тщательно обдуманых посланий обмануть не получилось, женщина без труда поняла, что дочь не так счастлива, как пишет, да и сама ли сочиняет послания? Возможно, муж диктовал, что нужно записать, а Авдотья беспрекословно писала, не смея даже строку от себя добавить?

— Я не вытерпела, приехала, — Анна Ивановна смахнула слезу со щеки, — замаялась неизвестностью, а пуще того снами кошмарными, в коих видела раз за разом, как муж-изувер доченьку мою убивает. Приехала я в Петембурх, нашла дом их, а меня даже на порог не пустили. Да что там, мне даже ворота не открыли! Так и стояла, точно побирушка, прости господи, барин ко мне и не вышел. Потом я немножко опомнилась, за городовым бросилась, а ему Кирилл Владимирович денюгу сунул, и тот меня в камере запер. За бродяжничество и нарушение общественного порядка.

Женщина криво усмехнулась:

— Лихо, верно? А когда я из тюрьмы-то вышла, оказалось, что померла моя Авдотьюшка. Якобы с лестницы упала и шею свернула, а какое там, упала, когда я каждую ночь во сне видела, как он её истязает, а потом подушкой душит! Я ведь даже на похороны

не поспела, без меня дочку мою зарыли, дай бог, чтобы хоть с отпеванием, а не как блудницу какую, без молебна да за церковной оградой.

Анна Ивановна судорожно втянула носом воздух:

— Долго я тогда справедливости добивалась, да, видать, сия птица не для столицы. Меня никто и слушать не стал, где дверь не отворяли, где взашей выталкивали, где судом да карой грозили. Поняла я тогда, что никто, кроме меня, за дочку мою убиенную не вступится, стала себя к отмщению готовить. Как сказано: мне отмщение и аз воздам.

— Руку тренировали? — уточнил Штольман, вспомнив, что удар подсвечником был нанесён очень сильный, с точки зрения доктора, даже профессиональный, специально поставленный.

— Да! — вскинулась безутешная мать. — Да, тренировала! Одного бывшего кулачного бойца умолила научить, а имя я его Вам не скажу и не пытайте, я за этого человека и по сей день молюсь. Как подготовилась, в Петербург приехала, всё про купца узнала, как и с кем живёт, как можно в дом неприметно попасть, потом дождалась, когда все суетиться перед свадьбой станут, в дом прошмыгнула под видом служанки и затаилась в каморке какой-то. Там часа намеченного дождалась, в спальню купца прошла, он меня и не слышал, над девочкой несчастной измываться начал на ложе своём адовом. Я подсвечник взяла, хороший такой, тяжёлый, и зверя этого по голове и шваркнула от всей своей материнской души. Потом канделябру эту на пол бросила, а тут служанка вошла. Я затаилась в углу, она меня и не заметила. Когда служаночка с визгом из спальни выбежала, я канделябру прихватила да с его помощью по лестнице и спустилась, после чего вышвырнула его в сад, на кой он мне сдался? Вот так вот я супостата и сгубила, отомстила за дочку. Так что давайте, казните меня, я на плаху с радостью пойду, всё одно мне теперь жить незачем.

Анна Ивановна замолчала и незряче уставилась в стену. Анна Викторовна мягко коснулась рукой руки женщины, в тщетной попытке хоть немного ободрить, да разве легко затушить боль материнскую? Штольман задумчиво прикусил костяшки пальцев, раздумывая, как лучше поступить: по справедливости или закону. По закону убийцу следует арестовать и отправить на каторгу, где она и зачахнет от тоски и печали. Получится, что купец Бобров не только дочь, но и мать изведёт, даже после смерти продолжит людей убивать. И он, Яков Платонович, его соучастником станет. А по справедливости...

— Вам есть, куда уехать, сударыня?

Вопрос прозвучал так неожиданно, что не только Анна Ивановна, Анна Викторовна и то вздрогнула. Женщина растерянно посмотрела на следователя, плечами повела:

— Меня в село приглашали уединённое, оно далеко от этих мест, только...

— Вот туда и отправляйтесь, — Яков Платонович прихлопнул тростью по ладони, — даю Вам время до завтрашнего... полудня, более тянуть не стану, так что, не мешкайте.

— А дабы снова вкус к жизни обрести, можете взять с собой двух славных мальчуганов, — добавила Анна, ни на миг не забывавшая печальной истории Игната и его братишки. — Старшего зовут Игнат, а младшего — Вася. Вы их даже видели, помните?

По лицу женщины скользнуло бледное подобие улыбки:

— Помню. Васятка меня даже мамой называл... Только как же... Вы же меня арестовать должны, по закону-то...

— Помимо закона есть ещё и совесть, — вздохнул Штольман и коротко поклонился. — Всего хорошего, Анна Ивановна, не мешкайте с отъездом.

На следующий день Яков Платонович Штольман доложил полковнику Варфоломееву,

что никаких шпионских следов убийство купца Боброва не несло, а была это лишь месть матери, потерявшей единственную и желанную дочь. Присланные по сказанному адресу городовые вернулись ни с чем, сказав, что дом пуст, а соседи заявили, дескать видели, как женщина с двумя пареньками, одним старшим, а вторым совсем дитятей, уехала куда-то рано утром. Искать Анну Ивановну Кубышкину никто не стал, сославшись на то, что женщина из староверов, а они своих не выдают и прячут основательно.

Когда Штольман вернулся с доклада, Лизхен прямо с порога заявила ему, что они еду в Польшу.

— Если ты не забыл, братец, то супругам молодым положено путешествовать не по трущобам Петербурга, а по Европе, — решительно выпалила Елизавета Платоновна. — И я сильно обижусь, коли Вы манкируете моим предложением погостить немного у нас с Андришем.

— Я никогда не была в Варшаве, — мечтательно добавила Анна, что и решило исход спора. Впрочем, в успехе кампании они и не сомневались, прекрасно зная своего любимого брата и супруга.

— И в Варшаве Вы будете только отдыхать, никаких расследований, — строго повторила Лизхен брату.

— Как получится, — отозвался Яков Платонович, не спешащий строить никаких радужных иллюзий и воздушных замков. Жизнь штука причудливая, у неё на каждый завиток по сто поворотов, так стоит ли наперёд загадывать?

Дело ЛЬ 2. Карты Судьбы

Господин Уваков Илья Петрович раздражённо раздавил сигару в пепельнице и широким шагом прошёлся по тесной комнатке, которая всё чаще напоминала ему крысоловку, причём захлопнувшуюся. Опять накатила бессильная ярость, заставлявшая скрипеть зубами и стискивать кулаки так, что ногти синели, до крови впиваясь в ладони. Как же всё тщательно задумано было, какими влиятельными покровителями удалось обзавестись, какие прожекты были построены, а чем всё закончилось? Даже не пшиком, полным крахом, с коим едва ли сможет сравниться и обещанный неоднократно конец света. А всё из-за Штольмана и его голубоглазой ведьмы, будь они прокляты! Только вот Якову Платоновичу от проклятий бывшего знакомого ни тепло, ни холодно, он обвенчался со своей Анной Викторовной, в делах служебных, под крылом полковника Варфоломеева, процветает, газеты, почитай, только о нём и пишут! Уваков схватил брошенную на стол газету, изодрал в клочки и швырнул в камин, жадно глядя на то, как бумагу пожирают языки пламени. Вот только это и остаётся: прятаться в этом вонючем логове да планы мести строить, коим никогда не суждено исполниться, потому как сил не хватит бодаться с многочисленными покровителями Штольмана, гори он в аду!

— Грустишь, мой котик? — томно прошептала скользнувшая в комнату смуглокожая девица в пёстром, восточного кроя платье и, завлекательно покачивая бёдрами, подошла к Увакову, обняла его сзади, прижавшись большой упругой грудью.

— Уйди, — рыкнул мужчина, грубо вырываясь, — не до тебя сейчас.

Девица звучно хмыкнула, закатила глаза и отошла, вольготно расположившись на диванчике. Помолчала, созерцая ноготки, а потом равнодушно, словно речь шла о вещах обыденных, таким, как погода за окном, произнесла, плечиками передёрнув:

— Не понимаю, чего ради ты так нервничаешь.

— Дура потому что, — рявкнул Илья Петрович. — Правильно про таких говорят: волос

долог, да ум короток! Будь у меня хоть малюсенький призрачный шанс всё исправить, уж я бы...

— Так в чём дело? — девица в притворном удивлении приподняла бровки.

— Время вспять не повернуть, а удача отвернулась от меня, — огрызнулся мужчина и опять нервно закружил по комнате, бурча себе под нос что-то нечленораздельное и сжимая кулаки.

Девица встала с диванчика, скользнула к Увакову, опять прижалась к нему, жаркодохнула в ухо:

— Удача — дама капризная, переменчивая. Сегодня отвернулась, завтра опять приголубит. Мне бабка сказывала, есть такие карты, Карты Судьбы, они своему хозяину богатство приносят. А золотые-то доспехи никакой Штольман пробить не сможет, тем более, что с большими-то деньгами тебе никто и не велит в России сидеть, можно в каком угодно уголке Европы обосноваться али вообще Новый Свет для себя открыть.

— Чушь это всё, — уже не так сердито отмахнулся Илья Петрович, — бабьи сказки для малых детей да глупых девок вроде тебя.

Девица плечами пожала:

— А что ты теряешь? Коли повезёт Карты найти, так станешь в богатстве купаться, а не повезёт — так всё одно пропадать.

Уваков круто повернулся, сгрёб девку за косу, притянул к себе, прошипел в самое лицо:

— Рисковая ты, Катерина.

— А мы, цыганки, другими не бываем, — выдохнула Катерина и припала к губам Ильи Петровича жадным поцелуем.

Уваков скромничать не стал, на поцелуй ответил, но едва девка с полустоном ослабила хватку, отшвырнул её от себя, словно грязную тряпку, заложил руки за спину и отошёл к небольшому мутному окошку. Несколько минут бездумно поизучал пустой квадрат двора, в самом центре коего самозабвенно вычёсывался здоровенный лохматый пёс, а потом медленно, раздумчиво протянул:

— Карты Судьбы, дающие богатство... Звучит, спору нет, заманчиво, только где их искать? Что молчишь, Катерина, тебя спрашиваю?

Девица сладко потянулась, тонкая ткань платья натянулась, соблазнительно очертив пышную грудь и тонкий гибкий стан:

— Так знамо дело, где, в Польше. В Варшаве, точнее. Пан Зворовский, коий их создал, оттуда родом, там и припрятал заветные Карты.

Уваков нахмурился, в памяти мелькнуло что-то, связанное с именем Зворовского, но что, чёрт его знает. Столько дел за время службы было и громких, и пустяшных, и блестящих, и закончившихся горькими провалами, поди упомни каждого, с кем судьба на узких тропинках свела. Он не Штольман, про коего сказывали, что каждого хоть один раз встреченного не только по фамилии, а ещё и по имени-отчеству запоминает. Эх, Яков Платонович, если бы не Ваша принципиальность и честность, такие дела можно было бы свершить! В золоте бы купались, королям в долг давали... Хотя нет, это, пожалуй, лишнее. Вон, тамплиеры, прости господи, до того королю французскому до одалживали, что он вместо возврата долга на костёр их отправил и весь орден разрушил. Спору нет, поступил правильно, Илья Петрович и сам бы так сделал, да что пред собой греха таить, и делал, причём неоднократно, только вот самому в огне гореть не хочется.

Уваков сердито дёрнул щекой, потянул себя за усы, более не воинственно

топорщащиеся, а уныло обвисшие и опять, в который уже раз, задумчиво повторил:

— Карты Судьбы...

— Карты Судьбы, — выдохнула Анна и открыла глаза. Вокруг царила темнота и тишина, прерываемая стуком колёс по рельсам да чуть слышным дребезжанием забытой в стакане чайной ложечки.

Анна Викторовна осторожно, чтобы не разбудить мирно спящего Якова потянулась, вынула ложечку из стакана и задумчиво уставилась в серую мглу за окном. Ей нравилось наблюдать, как ночная мгла медленно и неохотно, словно одолжение людям делает, светлеет, уступая напору наступающему новому дню. Пред мысленным взором мелькали какие-то невнятные картины, чьи-то силуэты, как было ещё в Затонске в то навеки памятное утро, когда Анна проснулась, увидев себя утопленницей и шепча: "смерть неизбежна". А немногим позже Анна Викторовна чуть не сбила Якова Платоновича, выехав на подаренном дядюшкой велосипеде из ворот дома на по-утреннему хлопотливые улицы. Анна улыбнулась, перевела взгляд на крепко спящего мужа. Якову снилось что-то хорошее, даже чуть приметная улыбка на губах подрагивала. Это хорошо, что сны хорошие, пусть отдохнёт, кто-то знает, что в Варшаве ждёт... Конечно, Лизхен клятвенно пообещала, что не допустит, чтобы её братец и Аннушка опять вместо отдыха в какое-нибудь расследование впутались, но, как любит повторять дядюшка: "хочешь рассмешить небеса, расскажи им о своих планах". И сон этот странный, давно таких не было...

— Карты Судьбы, — задумчиво повторила Анна, глядя в окно на ставший прозрачней для глаз сумрак и то тут, то там проступающие сквозь него очертания деревьев.

— Анна Викторовна помимо бесед с духами решила ещё и предсказаниями заняться?

От этого мужественного чуть бархатистого голоса, в коем звучала то холодная насмешка, то согревающая до самых глубин улыбка, у Анны как и в первые дни знакомства сладко замирало сердце, а за спиной словно распахивались незримые крылья, на коих душа устремлялась ввысь.

Анна Викторовна резво повернулась к мужу, осияла его детским восторгом, коий не смогла, да и не старалась скрывать:

— Уже проснулся?

Яков Платонович ответить ничего не успел, а Анна уже виновато губу прикусила и голову приопустила:

— Я тебя разбудила, да?

— Нет, — Яков обнял жену, притянул к себе, зарылся лицом в пушистые волосы, пахнущие фиалками, — не разбудила, я сам проснулся.

Право слово, не говорить же, что даже сквозь сон почувствовал, как супруга встрепенулась птичкой, коей во сне ястреб привиделся! Аня ещё, не дай бог, начнёт себя укорять за то, что его, пусть и нечаянно, но разбудила. Как же это Анне Викторовне удаётся быть то беспечной озорной девчушкой, то мудрой женщиной, то отважной воительницей, готовой сражаться с ним плечом к плечу с любым полчищем врагов, а то ранимой и впечатлительной барышней, едва ли не рыдающей над какой-нибудь сентиментальной историей?

— Аня, — выдохнул Яков Платонович, — я люблю тебя...

Такие признания из уст господина Штольманы были редкостью, Яков Платонович по-прежнему сдерживал проявления чувств, старательно укрывая их за маской невозмутимости.

Лизхен от такого фыркала и глазки закатывала, сетуя на, как она называла, нордическую сухость брата, а вот Анна Викторовна уже научилась примечать улыбку в самых уголках губ любимого, да что там, обожаемого супруга, нежность в глубине его глаз и волнение в чуть приметном дрожании голоса. И да, разумеется, Анна ни на миг не забывала о том, что коли Яков тянется к манжете, то означает сие смятение и полный душевный сумбур.

Анна Викторовна чуть слышно рассмеялась, провела пальчиками по щеке мужа, задержавшись там, где во время улыбки чуть приметная ямочка появляется.

— Так о каких картах ты, душа моя, речь вела? — Яков Платонович приподнял бровь, заинтересованно глядя на жену.

Анна Викторовна плечиками пожала:

— Карты Судьбы. Не знаю, что это, во сне приснилось.

— Карты Судьбы, — задумчиво повторил Штольман и слегка нахмурился, — во сне, говоришь, увидела? Забавно...

— А что это за Карты такие? — Анна, не скрывая любопытства, воззрилась на мужа. — Ты их видел?

Яков Платонович усмехнулся, головой покачал:

— Это всего лишь легенда вроде сметня или Затонского оборотня. Или клада разбойника Кудияра.

— Клад был на самом деле, — живо напомнила Анна Викторовна, — да и в легенде об оборотне не всё вымыслом оказалось.

— Ещё скажи: сметень на самом деле существует, — приглушённо рассмеялся Яков и озорно потянул жену за задорный завиток на виске.

— Между прочим, я была у двух врачей, и никто из них толком мне ничего не смог сказать, — напомнила Анна.

Штольман с нарочито серьёзным видом покивал:

— Ещё спроси, как я себя чувствую и посоветуй эту ночь непременно в больнице провести.

Анна Викторовна смутилась, на щеках румянец заалел предательский, голос дрогнул, выдавая смятение:

— Я за тебя волновалась. Ты мне очень нравился...

— А ты мне, — Яков Платонович усмехнулся, головой покачал, — сколько же мы времени упустили, ведь гораздо раньше могли объясниться!

Анна Викторовна прикусила язычок, благородно не напоминая, что она-то, как раз, свои чувства не сильно и скрывала, матушка быстро поняла, что интерес к прибывшему из столицы следователю это нечто большее, чем простое девичье любопытство. А дядюшка, хитрый лис, ещё и способствовал сближению племянницы со следователем.

— Я люблю тебя, Анна.

— А я тебя, — Анна прижалась к мужу, потёрлась щекой о его грудь, — сильно-сильно.

Господин Штольман смутился, чувствуя себя чрезвычайно неуверенно в деликатной сфере нежных чувств, а потому привычно перевёл беседу на тему более знакомую и понятную, благо, разговор о Картах Судьбы был не завершён. Они его только начали и соскользнули на милые сердцу воспоминания, коих у них превеликое множество.

— Так вот, Карты Судьбы, — Яков Платонович чуть принахмурился, вспоминая всё, что когда-либо слышал о них. — Согласно легенде, подчёркиваю, Анна Викторовна, всего лишь легенде, около пятидесяти, может, более, а может и менее лет назад, точной даты никто не

знает, жил в Варшаве некий пан Зворовский. По одной версии легенды, знатного происхождения, унаследовавший от предков несметные богатства, по другой же версии, происхождения неблагородного, состояние своё создавший на мошенничестве и шулерстве. В любом случае, все сказания о пане Зворовском единогласно утверждают, что обладал сей господин богатством прямо-таки невероятным, а потому нет ничего удивительного, что и врагов у пана было много. И вот, когда господин Зворовский оказался в смертельной ловушке, выбраться живым из коей не чаял, все свои богатства он, тут опять же версии расходятся, то ли заколдовал, то ли отдал чародейке. Но не просто так, а в обмен на чудесные карты, получившие название Карт Судьбы.

— И чем же они чудесны? — выдохнула Анна, заворожённо слушающая мужа, как в детстве слушала рассказываемые отцом сказки.

Яков Платонович пожал плечами:

— Легенда гласит, что эти Карты даруют своему хозяину все богатства, коими владел пан Зворовский. Но тут есть одна крошечная деталь: если карты украсть или же ещё каким-либо дурным способом заполучить, то они принесут своему владельцу мучительную смерть.

— Ой, — Анна вздрогнула, плотнее прижалась к Якову, — и что, их нашли?

Штольман улыбнулся, поцеловал жену в висок:

— Нет конечно, это же просто легенда. Никаких Карт Судьбы не существует, хотя многие господа потратили годы и целые состояния на их поиски, некоторые даже с ума сходили и стрелялись от отчаяния.

Анна Викторовна помолчала, обдумывая рассказанную мужем историю, а потом спросила:

— А что стало с паном Зворовским?

Яков покачал головой:

— Не знаю, легенды об этом не рассказывают. Если он и был, то, наверное, убили.

Господин Штольман не придавал легенде о Картах Судьбы никакого значения, а потому и не стал рассказывать Анне о том, что однажды принимал участие в судьбе одного господина, носившего имя Адама Вацлавовича Зворовского. Сего пана обвиняли в мошенничестве и вымогательстве, дело вёл господин Уваков, коему, по до сих пор непонятным для Якова Платоновича причинам, страшно не хотелось признавать очевидную вещь: Адам Вацлавович в возводимых на него преступлениях не повинен. К сожалению, оправдание пришло к господину Зворовскому слишком поздно, во время допросов и пребывания в сырой холодной камере здоровье его оказалось подорванным, и единственное, что мужчина успел сделать, вернувшись домой — это оформить свою последнюю волю. В документе сём, составленном по всем правилам, Адам Вацлавович дотошно и обстоятельно расписал, кому и что оставляет. Упомянул он в своём завещании и Якова Платоновича Штольмана, коему в благодарность за восстановление своего доброго имени и на память, завещал хранившуюся в доме колоду карт. Эти карты Штольман, после крупного проигрыша зарёкшийся садиться за карточный стол, всюду возил с собой, заведя привычку простыми фокусами или пасьянсами способствовать обдумыванию служебных сведений.

Дело ЛЬ 2. Карты Судьбы. Жертва во имя красоты

Варшавский перрон встретил путешественников оглушительным свистом паровозных гудков, поднимающимися в небо клубами дыма из чёрных труб, а также суетящимися пассажирами, среди коих можно было с лёгкостью встретить и элегантную даму в кокетливой шляпке с вуалью, надменно покрикивающую на нагруженного вещами

носильщика с блестящим номерным знаком на груди, и робкую гимназистку, ещё совсем птенчика, выпавшую из родительского гнезда и растерянно озирающуюся по сторонам, совершенно потерявшуюся в этой шумной многоголосой толпе, и красавца военного, галантно раздвигающего людей перед хорошенькой барышней в простенькой, уже сезона два как вышедшей из моды беличьей шубке.

— Не люблю толпу, — недовольно наморщила носик Лизхен, с высоты подножки вагона осматриваясь в поисках супруга.

Андриш Станиславич, немного опоздавший, а потому запыхавшийся и покрасневшийся, выбежал на перрон, увернулся от носильщика с таким массивным сундуком, что в нём с лёгкостью можно было спрятать человека, а то и не одного, не сбавляя шага передал суетящейся мамаше малышку, уже приноровившуюся нырнуть под вагон и больно ушиб ногу о грудку металла рядом с тощим парёнком в инженерной форме. Паренёк рассыпался в извинениях, честно попытавшись сдвинуть хоть одну железную конструкцию в сторону, дабы освободить путь, но князь Лисовский ждать не стал, перемахнул прямо через железки, под восторженный свист покуривающих невдалеке разухабистых студентов.

— Ну наконец-то, — Лизхен всплеснула руками, заметив-таки мужа, и покинула свой наблюдательный пост к вящему удовольствию Якова, Анны и проводника, не смеяшего перечить княгине.

— Прошу прощения, я опоздал, — Андриш Станиславич приветливо кивнул Якову Платоновичу, вежливо улыбнулся Анне Викторовне и обнял жену, собой закрывая её от вокзальной суеты. — Добро пожаловать в Варшаву, искренне рад Вашему приезду. Прошу за мной, экипаж ждёт нас.

Елизавета Платоновна, сначала решившая было попенять супругу за опоздание, не смогла скрыть радости от встречи с ним и начисто обо всех укорах позабыла. Всю дорогу до экипажа дама щебетала, выпрашивая Андриша о сынишке, рассказывая о венчании и передавая приветы и поклоны от многочисленных родственников и знакомцев. Князь Лисовский, не большой любитель уличных бесед, коротко угукал или просто кивал, а когда Лизхен решила прямо на вокзале познакомить его с Анной, мягко, но непреклонно отказался:

— Полагаю, в экипаже, без толкотни и посторонних ушей это будет сделать уместнее, дорогая.

Елизавета Платоновна надула губки, но увидев ожидающую их изящную коляску не утерпела, восторженно взвизгнула и повисла у мужа на шее, щебеча:

— Андриш, какая прелесть! Именно о такой я и мечтала!

— Потому и задержался, последний блеск наводили, — Андриш распахнул перед дамами дверь. — Прошу, сударыни!

— Аннушка, проходи, — Лизхен сияла от радости, словно дебютанка на первом балу, — Яков, как же мило, что ты всё-таки согласился приехать! Кстати, Андриш, позволь тебе представить Анну Викторовну, супругу Якова и самого настоящего медиума!

Чёрные чётко прорисованные брови князя выразительно изогнулись, точь-в-точь как у Якова Платоновича, когда Анна рассказывала ему о своих беседах с духами.

— Вы, сударыня, духов видите? — голос Андриша Станиславича звучал мягко и в нём не было ничего оскорбительного, но Анна безошибочно определила, что над ней подшучивают. Что ж, к подобным пикировкам ей не привыкать, Яков тоже далеко не сразу принял её дар.

— Да, князь, — Анна вежливо улыбнулась, являя собой пример благовоспитанности и кротости.

— Можно просто Андриш Станиславич, — князь Лисовский задумчиво посмотрел на барышню, перевёл взгляд на её супруга. — И Яков Платонович... — Андриш замешкался, подбирая слова. Не спросишь же в лоб, верит ли Яков своей жене или просто закрывает глаза на её фантазии.

— Пришлось поверить, Андриш, — Яков вздохнул, вспоминая, сколько раз Анна помогала в расследованиях, — Анна Викторовна неоднократно оказывала помощь следствию.

— Ты позволяешь своей супруге участвовать в расследованиях? — князь честно попытался сдержаться, но в голосе помимо воли проскользнуло изумление и даже восхищение.

Штольман кашлянул, чуть насмешливо посмотрел на супругу:

— Скажем так: у Анны Викторовны своё, особое мнение, по данному вопросу и моё разрешение ей не требуется.

Анна чуть проказливо улыбнулась, Лизхен рассмеялась, а князь задумчиво покачал головой:

— Право слово, во всей нашей Империи едва ли сыщется дюжина девиц, способных дерзнуть совершить нечто подобное.

— Какой у Вас, Андриш Станиславич, по части дам опыт большой, — Лизхен ревниво сузила глаза, — кто бы мог подумать!

— Лихое гусарское прошлое, — Андриш поймал ручку супруги, прижал к губам, — кое сменило тихое семейное счастье с любимой супругой.

— Не жалеешь? — спросил Яков Платонович, благоразумно не уточняя: имеет он в виду минувшее гусарское удалство или же брак с Лизхен.

Князь ответил не раздумывая, для него ответ был очевидным:

— Ни единой минуты. С Елизаветой Платоновной скучать не приходится, ты же это и сам знаешь. Да и у Анны Викторовны, полагаю, было время в сём на личном опыте убедиться.

— Елизавета Платоновна, между прочим, может и обидеться, — проворчала Лизхен, резкими движениями поправляя шляпку и запахивая шубку. — Можно подумать, я чудовище какое, право слово!

— Ну что ты, сестрица, — протянул Штольман, в почтительном тоне коего лишь очень хорошо его знавшие могли уловить насмешку, — ты словно петербургская погода: каким бы солнечным не было утро, а без зонта из дома выходить всё одно не следует.

— И это говорит человек, коего на второй день после венчания приворожить пытались, — сердитым ёжиком фыркнула Елизавета Платоновна. — И это я ещё тактично не упоминаю о Ваших подвигах в Затонске, братец!

Анна прикусила губу, гадая, как далеко может зайти перепалка и не пора ли вмешаться, но князь легко коснулся ладонью её руки:

— Не волнуйтесь, сударыня, если Лизхен по-настоящему гневается, она становится ледяной статуей с безукоризненными манерами. Это у них фамильное, чувства скрывать. Впрочем, что я Вам рассказываю, полагаю, Вы это и сами не хуже меня знаете... Вы родом из Петербурга?

— Нет, я из Затонска, — Анна внимательно посмотрела на Андриша Станиславича,

пытаясь понять, насколько искренен его интерес к ней.

— Затонск, — медленно повторил Лисовский, задумчиво хмурия лоб, — а, вспомнил, туда Якова направили после дуэли с князем Разумовским!

— Да, Яков Платонович служил у нас в городе начальником сыскного отдела полиции, — голубые глаза Анны Викторовны засияли гордостью и нежностью, выдавая трепетные чувства барышни к супругу.

— Полагаю, Вас свели дела служебные? — Андриш Станиславич в общих чертах был осведомлён о жизненных перипетиях господина Штольмана, Лизхен рассказывала, подробности, как всем известно, лишними никогда не бывают. Особенно в делах семейных, кои могут быть весьма запутанны.

Анна потеревила непослушный завиток на виске:

— Да. То есть, сначала я чуть не сбила Якова Платоновича, когда ехала на велосипеде...

Анна Викторовна и сама не заметила, как рассказала князю всё, почти всё, умолчав лишь о делах, связанных с синей папкой и прочими шпионскими хитросплетениями. Князь Лисовский оказался прекрасным собеседником: чуткий, внимательный, чем-то неуловимо похожий на Якова. Тот тоже хоть и не скрывает порой сарказма, всё равно выслушивает и делает выводы, основываясь на полученных сведениях.

Коляска подкатила к белому, украшенному колоннами, придающими воздушность и строгость, поместью, чьи кованые ворота украшали сделанные с особым тщанием розы.

— Добро пожаловать, — слуга в тёплом кожухе, низко поклонился, поспешно распахивая ворота, дабы коляска могла проехать. — С прибытием, панове.

— Комнаты готовы, Тадеуш? — Андриш любезно помог Анне выйти из экипажа, Яков же протянул руку Лизхен, коя ответила на сие проявление внимания милостивым кивком.

— А как же, — Тадеуш ещё раз низко поклонился, — Марыська ещё раз всё перепроверила, камин растопила, знобко с дороги-то.

— Да погода не радует, — Елизавета Платоновна повела плечиками, поправила шляпку, коя скорее служила произведением искусства, нежели спасала от холода. — И не скажешь, что начало весны.

— Прошу в дом, — Андриш радушно указал на гостеприимно распахнутые двери. — Чувствуйте себя дома.

Сразу после свадьбы, Лизхен испросила позволения супруга и переделала внутреннее убранство в доме князей Лисовский на свой вкус, решительно заменив чопорные, выдержанные в тёмных тонах интерьеры на светлые, наполненные воздухом и теплом. Мебель тоже поменяли, убрав тяжёлые, с длинными узкими спинками стулья, массивные, помнящие ещё пору самозвана Гришки Отрепьева шкафы и неудобные столы, кои Лизхен иначе как жертвенными алтарями и не называла. Комнаты наполнили лёгкие пуфики, короткие диванчики, так и манящие присесть, а то и прилечь, дабы в полной мере насладиться шелковистой обивкой, круглые столики под цветы, секретеры для написания бумаг и прочее, прочее, прочее. Елизавета Платоновна всем цветам предпочитала розу, Андриш Станиславич тяготел к лилиям, а потому слуги стали именовать покои господ коротко и ясно: розарий и лилейник.

— А где Васенька? — Лизхен сбросила в руки горничной шубку, огляделась по сторонам.

— Спит, пани, — горничная почтительно присела, как и положено, отвечая на вопрос госпожи, а потом продолжила деловито стряхивать с дымчато-серого меха осевшие капельки

влаги. — Вас ещё со вчерашнего вечера ждать начал, почитай каждый час просыпался, а сейчас вот сморило. Прикажете разбудить?

— Да ты что, — Лизхен отмахнулась, словно нечистого увидела, — даже думать об этом не смей! Пусть спит, я пока Аннушке комнаты покажу.

— Кстати, дамы, — Андриш плеснул в тонкие бокалы из стоящего на столике графина согревающего медового взвара, рецепт коего повар не передавал никому, даже самому князю и его любопытной супруге, — сегодня вечером мы с Вами идёт в театр. Ставят "Ромео и Джульетту", играет сама Стрепетова!

Лизхен восторженно захлопала в ладоши:

— Ах, какая прелесть, Андриш, ты чудо, всегда знаешь, чем мен удивить!

Елизавета Платоновна, ничуть не смущаясь брата с супругой и слуг, подбежала к мужу и звонко поцеловала его в щёку, после чего подскочила к Анне и потащила её к лестнице, непрерывно щебеча:

— Ах, какая прелесть, просто чудо! Аннушка, Стрепетова просто изумительно хороша, она буквально преображается в своих героинь. Ой, что же это я, — Лизхен замерла на лестнице, прижав ладошку к разгорячённой щеке, — нам же подготовиться нужно. Выход в театр — это такое событие, такое событие, с ним только приём во дворце сравниться может, да ещё венчание. Душечка, ты сильно устала с дороги?

Анна пожала плечами:

— Я не устала.

— И отдохнуть тебе не нужно?

— Нет. Если только переодеться.

— Ну и замечательно, — Лизхен обняла Анну, потом отстранилась и звучно хлопнула в ладоши, приказав подскочившей горничной:

— Зося, проводи Анну Викторовну в её комнаты, помоги переодеться и умыться с дороги. А я к себе. Ах, какая же чудесная, просто изумительная новость, сегодня вечером мы будем смотреть на игру самой Стрепетовой!

Прошло не более двух часов, когда Анна Викторовна и Елизавета Платоновна отправились на прогулку в сопровождении одной горничной и лакея, коим вверялось в обязанности нести за барынями покупки. Андриш Станиславич и Яков Платонович от променада отказались, красочно представив себе скуку ожидания в модных магазинах, щебет о тканях, фасонах, веерах и прочих милых сердцу дам безделушках, от коих мужчины начинают киснуть, словно забытое на солнцепёке молоко.

— Аннушка, — вещала Лизхен, не забывая раскланиваться со встречающимися знакомыми и бросая рассеянные взгляды на выставленные в витринах товары, — поход в театр — это целое событие, по правилам хорошего тона к нему следовало бы начать приготовления как минимум за неделю, но... — княгиня горестно вздохнула, — что поделывать, времени у нас совсем не осталось. Ну да ничего, заплатим портнихам за срочность, дабы они все другие заказы отложили и занялись нашими нарядами. Кстати, я веду тебя к самой известной в Варшаве портнихе: мадам Клермон. Скажу по секрету: она самая настоящая волшебница, да-да! Её наряды узнают с первого взгляда, как самые настоящие произведения искусства!

Анна Викторовна заметила было, что привезла из Петербурга полный гардероб, в коем есть наряд и для посещения театра, но Лизхен решительно заявила, что дважды в одном и

том же платье появляться просто неприлично. Конечно, Варшава — это не столица Империи, в Петербурге не все и знают, где она находится, но правила хорошего тона никто не отменял. А потому просто необходимо подготовить новый туалет.

Анна вздохнула. Походы по магазейнам она скорее терпела, чем любила, но Лизхен, как и Мария Тимофеевна, её мнения в данном вопросе не разделяла.

— Этим вечером мы затмим своим блеском звёзды, — воскликнула княгиня Лисовская, когда они вышли от ювелира и направились в магазейн, на чьей вывеске красовалась причудливая надпись, испещрённая всевозможными завитками: "Мадам Логранж. Притирания и снадобья со всего света. Квинтэссенция красоты и шарма".

Мадам Элиза Логранж оказалась смуглой дамой неопределённого возраста в тёмном строгом платье, украшенном по вороту и манжетам тонкими белыми кружевами. Сия особа на была красавицей, но было в ней что-то, что заставляло снова и снова обращать на неё взор, какой-то магнетизм, пред коим не в силах устоять мужчины.

— Добро пожаловать, дамы, — мадам отвесила полный внутреннего достоинства поклон, — чем могу Вам служить?

Елизавета Платоновна вскинула голову, в мгновение ока преобразившись из восторженной девчонки в изысканную княгиню:

— Сегодня вечером мы идём в театр.

— О, — мадам окинула дам быстрым внимательным взглядом, — я Вас понимаю. Вы обе прекрасны и молоды, единственное, что необходимо — это подчеркнуть Вашу природную прелесть. С Вашего позволения...

Элиза поклонилась и скрылась за светло-персиковой драпировкой, откуда вышла с двумя пакетиками и одним глиняным, тщательно запечатанным воском, графинчиком.

— Прошу, сударыни, — мадам выложила товар на прилавок, развязала стягивавшие пакетики ленты, — это лепестки роз, тщательно собранные и засушенные. Их нужно добавить в воду, дабы после омовения кожа приобрела нежность и аромат цветов.

— Какая прелесть, — мечтательно прошептала Лизхен, наслаждаясь любимым ароматом, а Анна с интересом покосилась на графинчик:

— А там что?

— О, — женщина усмехнулась, любовно погладив глиняный бок графина, — это эликсир, я называю его Живой водой. Растворите его в ванне с прохладной водой, и ваша кожа буквально засияет. Вот, извольте посмотреть, сейчас я всё покажу.

Элиза споро вынула небольшой серебряный тазик, плеснула в него из кувшина воды, достала небольшой пузырёк с жемчужно-белой жидкостью и вылила его в воду. Тщательно размешала серебряной ложкой с длинным черенком, после чего с довольной улыбкой провозгласила:

— Всё готово. Прошу, пани, кто из Вас захочет опробовать эликсир?

Дамы переглянулись. Анне Викторовне нехотая вспомнился куафёр Мишель, кой в Затонске чуть не извёл её своими духами. Хорошо, Яков вовремя изобличил мерзавца и заставил его сварить противоядие, пообещав, что не станет его арестовывать за убийства.

— Давайте, я, — Елизавета Платоновна тоже про куафёра вспомнила, а потому замешательство подруги быстро поняла и не осудила. Дивно, что после таких испытаний Аннушка вообще веру в людей не растеряла, право слово, оно и не мудрено было бы!

— Что нужно делать?

— О, ничего особенного, — вежливо улыбнулась мадам Логранж, — просто опустите

свою ручку в таз.

— И всё? — подозрительно уточнила Лизхен.

— Всё. Больше ничего.

Елизавета Платоновна решительно стянула перчатку и опустила ладонь в таз. Прохладная, почти холодная вода остудила разгорячённую от волнения кожу, но ничего более княгиня Лисовская не заметила. Никаких волшебных сияний, хрустальных перезвонов или ещё чего-то такого, волшебного и непонятного не было.

Элиза меж тем достала пушистое полотенце, специально прогреваемое меж двух раскалённых гладких чёрных камней, бережно развернула его на столе и велела:

— Доставайте ручку, пани.

Лизхен пожалала плечами, став в этот миг удивительно похожей на Якова Платоновича, в ту раннюю пору знакомства с Анной Викторовной, когда он все рассказы о призраках за сказку почитал, вынула ладонь и встряхнула её, сбрасывая капли.

— О, нет-нет, — мадам подхватила полотенце, укутала ладошку, бережно разминая, — воду не стоит стряхивать, только вытирать, причём мягким и тёплым. Только так!

— А иначе что, не подействует? — фыркнула чуть слышно Елизавета Платоновна.

Элиза выпрямилась, несколько пафосно воздев руку вверх, к потолку:

— Эффект будет не тот. Прошу, пани, можете снимать полотенце.

Княгиня Лисовская пожалала плечиком, снисходительно хмыкнула и пробурчала чуть слышно:

— Надеюсь, у меня плавник, словно у рыбы не вырос?

— Ни в коем случае, — мадам Логранж покачала головой и бережно раскутала руку, горделиво провозгласив:

— Прошу!

— Ах! — единодушное восторженное восклицание сказало больше, чем тысячи слов.

— Сей эликсир использовала ещё Клеопатра, коя была так прелестна, что мужчины готовы были отдать жизнь за одну ночь с ней, — Элиза благоговейно закатила глаза.

Конечно, Клеопатру она добавила для красного словца, только утром за чашкой кофию прочитав в энциклопедии о сей царице Египта, но, право слово, честность порой бывает крайне неуместна!

Анна Викторовна вспомнила, что в книге, привезённой дядюшкой из Парижа, тоже упоминалась Клеопатра, но красавицей её совершенно точно там не называли, но какая разница, главное, что эликсир подействовал!

— Анна, — Лизхен пришла к сходному выводу, решительно отменяя в сторону все сомнения, — сегодня вечером мы будем блистать!

Как известно, красота требует жертв. Это утверждение напоминала себе Лизхен, стоя пред наполненной прохладной, почти холодной, водой ванной и собираясь с духом, дабы погрузиться в неё.

— Красота требует жертв, — выдохнула Лизхен и, не давая себе более поводов для раздумий прыгнула в воду, оказавшуюся не просто холодной, а ледяной.

В детстве маленькая Лизонька увязалась с братьями покататься на коньках на канале. Была ранняя весна, лёд подтаял, собственно, именно поэтому братья и не хотели брать малышку с собой, но Лизхен всегда умела настоять на своём. Первые десять минут катания не предвещали беды: старшие держались чуть в стороне, присматривая за теми, кто младше,

малыши не спешили озорничать, осторожно проверяя коньками лёд на крепость. Ледок чуть поскрипывал под ногами, мороз, непривычно крепкий для весны, щипал нос и щёки, выглянувшее из-за туч солнце слепило глаза, напоминая, что совсем скоро будет тепло.

— А давайте в салки, — крикнул Платон, делая замысловатый пируэт.

Лизхен заливисто засмеялась, захлопала в ладоши, а когда ей наперерез бросился осаленный Карл завизжала и стрелой бросилась к берегу. И вот тут-то и случилось страшное: лёд треснул, распался на куски, и Лизонька, даже не поняв, что случилось и толком не успев даже испугаться, ухнула в воду, скрывшись сразу с головой. Девочку спасла скорость реакции Якова, койй тоже толком до конца не осознав произошедшее, успел плашмя рухнуть на лёд, ухватить сестрёнку за шубку и держать, постепенно скатываясь всё ближе к проруби, потому что матушка одела дочурку весьма основательно, а пропитанная водой одежда наливалась свинцовой тяжестью. К Яше на помощь бросился Платон, обхватил Лизу с другой стороны, пытаясь вытащить, но сил не хватало.

— Старших звать надо, — Вильгельм повернулся к застывшему, испуганно хлопающего глазами Карлу, — чего стоишь, беги! Миша, а ты жердь принеси, давай быстрее!

Мальчишки, услышавшие громкий и решительный голос старшего брата, коего привыкли считать третьим в семье после бога и отца, опрометью метнулись один к тропинке в сторону дома, а второй сухому дереву, койй градоправитель уж который сезон обещался срубить, да то руки не доходили, то финансирования не было. Знамо дело, на спил сухой одинокой осины, кою при желании и голыми руками выдрать можно, денег требуется мильёна полтора, не меньше!

Лизхен повезло: взрослые успели вовремя, девочку вытащили, завернули в тёплую шубу и унесли в дом, где спешно растёрли горячим вином со специями, укрыли двумя пуховыми одеялами, обложили грелками с горячей водой и послали за доктором. Якова и Платона тоже растёрли, укутали и обложили грелками. Для самой Лизоньки купание в ледяной воде завершилось лишь стойкой неприязнью к холоду, а вот Яков и Платон слегли в горячке. При каждом удобном случае навещающие захворавших братьев Вильгельм, Миша и Карл заразились от них и тоже слегли в жару. Марта Васильевна металась меж разболевшихся сыновей, не имея возможности порой и чашку чаю осушить, Платон Карлович старался подменять жену, но та была непреклонна: ей-то по хозяйству можно и сонной хлопотать, а супругу на службе ясную голову иметь следует. К счастью, мальчишки пошли на поправку, и тогда у матушки появилась новая забота: доктор сказал, что для полного исцеления должно до конца недели отлежаться, а попробуйте-ка удержать пятерых мальчишек в постели! Марта Васильевна и строгостью пыталась, и просила, и хитрости разные использовала, ан всё равно, чуть отвернётся, и то мальчишки подушечные бои устроят, то Платон в окно выскочит утренней зорькой любоваться, то Яков отправится узнавать, что за шепотки да шорохи по вечернему времени из соседского сада доносятся, а то старшие пред меньшими целое представление устроят. Да не сказку какую-нибудь наивную, а нечто из готических романов, от коих у Марты Васильевны при прочтении мурашки по коже проскакивали. Лизхен страсть такие представления любила, всегда в первом ряду сидела, громко в ладоши хлопала, а потом ночью спать одна робела, отчего братья, толком не окрепшие после болезни, по очереди в её комнате на коротком диванчике, у окошка стоящем, ночевали.

С тех пор много воды утекло, но Елизавета Платоновна так и осталась нетерпима к холоду, если вода для умывания прохладной оказывалась, аж сердце заходило, и дыхание

сбивалось. Слуги об этом прекрасно осведомлены были, а потому горничная, когда княгиня приказала ванну водой холодной наполнить, приказание-то выполнила, разве можно перечить пани, а сама опрометью бросилась к Андришу Станиславичу. Князь Лисовский и Яков Платонович Штольман только вернулись с прогулки, ещё даже пальто снять не успели, только-только трости со шляпами передали лакею передали.

— Беда, паны, — горничная вихрем влетела в холл, низко поклонилась князю, — ой, беда, Елизавета-то Платоновна с Анной Викторовой топиться надумали! Ванны приказали ледяной водой наполнить, чтобы уж наверняка захлебнуться, ой, беда-то какая!

Голосила девушка уже собравшимся в холле слугам, мужчины как слышали, что дамы их топиться надумали, так к ним и бросились, даже одежду верхнюю не сняв.

Анна и правда едва не захлебнулась, когда дверь в ванную комнату чуть с петель не слетела.

— Анна, — Яков выдернул супругу из ванны, словно репку из земли, одним мощным резким движением, прижал к себе не замечая, как холодная вода просачивается под одежду холодя тело, — Анна, ты что задумала?! Анна!!!

Дальше Штольман разразился длинной витиеватой фразой на немецком, коего Анна Викторевна не разумела, но по сверкающим гневом глазам мужа безошибочно определила, что её совершенно точно не хвалят.

— Яша, — Анна погладила мужа холодной влажной, словно у русалки, ладонью по щеке, — не сердись. Я ванну принимала, по примеру Клеопатры.

— К Вашему сведению, Анна Викторевна, Клеопатра плохо закончила, — Яков Платонович подхватил нагретую простынь, бережно завернул в неё супругу, ещё и сверху пальто набросил.

Анна откинула упавшие на лицо мокрые пряди:

— Зато она была прекрасна так, что мужчины готовы были жизнь отдать за ночь с ней.

Яков не сдержался, усмехнулся насмешливо:

— Клеопатра была царицей Египта, а наружность правителей, как известно, всегда превозносится. А что касается остального, уж не овдоветь ли Вы, сударыня, решили?

— Нет, — Анна Викторевна резко помотала головой, даже пальто на пол сронила, — мне просто захотелось... — барышня замялась, пол под ногами изучать принялась, — сегодня мы в театр идём, а это событие знаменательное, надо подготовиться, чтобы блистать.

Яков взял руку жены, прижал к губам, согревая дыханием холодные пальчики, прошептал негромко:

— Для меня ты и так солнце ясное.

Дело Л 2. Карты Судьбы. Карта смерти

Хоть дамы, со слов князя и Штольмана своей попыткой самоутопления и заслужили порицание с неодобрением, но во имя крепости семьи и пылкости чувств, мужчины готовы благородно необдуманно действия жён забыть. Правда, не безвозмездно, а за поцелуи, кои и были сразу же подарены, а потом ещё и возвращены, причём с процентами, да такими, что лакей вынужден был трижды сообщать о том, что коляска ждёт у подъезда. Лишь после тревожного известия, что спектакль начнётся через полчаса, князь и Штольман выпустили своих жён из объятий и проводили до экипажа. С точки зрения Андриша Станиславича и Якова Платоновича вечер можно было бы провести и дома, с очаровательными супругами, с коими соскучиться совершенно невозможно, главное — не поседеть окончательно и

бесповоротно, но дамы были непреклонны. Право слово, не зря же они так готовились, портниху торопили, дабы она успела пошить платья в срок. Одна ванна Клеопатры чего стоит!

Кучер Адам не оплошал, князь со спутниками не только не опоздали, но даже приехали чуть раньше, успев без лишней суеты подняться в заказанную ложу и уютно разместиться в обитых зелёным бархатом креслах. Анна с интересом оглядывалась по сторонам, восхищаясь высоким потолком с причудливой белоснежной лепниной, тёмно-вишнёвого бархата занавесом, на коем рука неизвестного мастера (или мастерицы?) вышила изображение лиры и венчавшей её цветочной гирлянды, кою держали два крылатых пухлых купидона. С потолка спускалась на прочных, хоть и воздушных на вид цепях, массивная хрустальная люстра, чьи каплеобразные подвески в электрическом свете переливались всеми цветами радуги. Ложи были украшены цветами и лентами, особое внимание, разумеется, было уделено центральной, предназначенной для особ королевской крови и лиц, особо приближённых к Императору.

Дирижёр в тёмном фраке поклонился публике, несколько картинным жестом отбросил назад густые седые волосы, после чего повернулся к оркестру и взмахнул смычком. Зазвучала музыка, занавес дрогнул и плавно поплыл вверх, открывая сцену, на коей уже ждал актёр, коему предстояло поведать почтенной публике пролог к известной, но оттого не менее драматичной пьесе "Ромео и Джульетта".

Князь Лисовский, супруга коего питала особую страсть к данной пьесе и не пропускала ни одной постановки, в скором времени заскучал. Конечно, судьба Ромео и Джульетты воистину печальна, но, право слово, что ему мешало взять её с собой в Мантую? Или официально просить руки, а не устраивать тайное венчание, о коем кроме священника и кормилицы и не знал никто. Положим, визит Ромео в дом к Капулетти мог завершиться весьма печально, но хотя бы намекнуть, тому же герцогу о том, что у него есть супруга, молодой Монтеки вполне мог! Так нет, уехал, никому и ничего не сказав и не факт, совсем не факт, что, собираясь вернуться. Если отбросить все эти витиеватости и любовные монологи, от коих порой даже зубы сводит, историйка то получается весьма негордая: молодой юнец соблазнил невинную девушку, убил её брата, вполне возможно за то, что тот догадывался о соблазнении и пытался вступить за честь сестры, после чего бежал. Единственное, что вызывает вопрос: чего ради Ромео тогда приехал обратно в Верону и отравился над телом Джульетты? Андриш Станиславич задумчиво побарабанил пальцами по подлокотнику. Возможно, что его замучили угрызения совести. Конечно, в жизни такое случается чрезвычайно редко, но тем не менее, сбрасывать сие предположение со счетов всё-таки не стоит. Возможно, узнав о смерти своей, кхм-кхм, супруги, Ромео испугался мести её родственников и предпочёл уйти из жизни добровольно, не дожидаясь, пока пылающие ненавистью Капулетти разорвут его на ленты. И третий вариант, пожалуй, самый вероятный: родственники несчастной девушки нашли её погубителя и убили, обставив всё как самоубийство, а то и не заморачиваясь сокрытием улик. Один, тот, кто отомстил, отправился на виселицу или каторгу с глубоким чувством удовлетворения от выполненного долга, а остальные создали красивую легенды, прикрыв ей, словно ширмой, всю грязь и пошлость.

Князь Лисовский покосился на Якова Платоновича, койй чаще смотрел на супругу свою нежели на сцену, и усмехнулся. Как оно там было в Вероне, теперь судить сложно, а вот мужчины рода Штольман точно нашли бы обидчика своей сестры и мелким прахом развели

бы его по ветру. Впрочем, Елизавета Платоновна не Джульетта, она и себя в обиду не даст, и за брата любого горой встанет. Андриш взял ручку жены, погладил ласково, прижал к губам. Ну и пусть из других лож смотрят, пусть обсуждают, а порой и осуждают, он своей жене знаки внимания оказывает, не чужой! Хотя в так называемом высшем обществе адюльтер, пусть даже скандальный, прощается подчас гораздо охотнее, чем доверие и нежность меж супругами.

Наконец, пришло время антракта, дамы изъявили желание прогуляться и покинули ложу, мужчины, разумеется, их сопровождали.

— Дивная пьеса, — Лизхен промокнула кружевным платочком выступившие на глазах слёзы, — в который раз пересматриваю и не могу сдержать слёз!

— Да, недалёковидность родственников воистину слёз достойна, — задумчиво кивнул Яков Платонович, изучая купленную ещё днём газету.

Елизавета Платоновна стремительно, точно гадюка, развернулась к брату, прошипела:

— Что?!

Штольман оторвался от чтения короткой заметки, принахмурился, глядя не столько на сестру, сколько свозь неё, чем разгневал Лизхен ещё больше. Княгиня Лисовская прекрасно знала, таким стеклянным взгляд у Якова становился лишь тогда, когда он занимался обдумыванием нового расследования. Анна Викторовна тоже заметила, что муж уделил заметке в газете большое внимание и наклонилась к нему, прижалась плотнее, вчитываясь в мелкие типографские строки. Сообщение было сухим и кратким: "Сегодня утром в своём доме скончался пан Костешский, Франц Адамович. Редакция газеты выражает глубочайшие соболезнования родственникам и компаньону покойного в связи с тяжкой утратой".

— А кто он, этот пан Костешский? Ты знал его? — Анна пытливо посмотрела на Якова, предчувствуя новое расследование.

Штольман помолчал, аккуратно свернул и убрал газету и лишь после этого ответил, тщательно подбирая слова:

— Франц Адамович известный в городе антиквар. Возраст у него, конечно, весьма солидный, но здоровье было крепкое...

— Я был уверен, что пан Костешский ещё до глубокой старости своего внука доживёт, а то и переживёт его, — хмыкнул Андриш Станиславич. — Странно, что старик скончался столь скоростижно, я же видел его позавчера, и он был крепок и полон сил!

Князь Лисовский задумчиво сбил с рукава смокинга невидимую пушинку, добавил раздумчиво, как на сцене говорят, в сторону:

— Правда, ходили слухи, что у Франца Адамовича хранятся легендарные Карты Судьбы, дарующие богатство своему владельцу.

— Или несущие мучительную смерть, — Яков задумчиво приподнял бровь. — Конечно, никаких Карт судьбы не существует, но алчность человеческая не знает границ и глуха к голосу разума.

Анна огляделась по сторонам, убедилась, что их не подслушивают и прошептала чуть слышно:

— Думаешь, его убили?

Штольман пожал плечами:

— Чего зря гадать? Нужно собрать больше фактов.

— Яков, — простонала Лизхен, мученически воздевая очи к потолку, а когда Андриш пожал плечами и сказал, что сбор фактов можно начать прямо сейчас, отбросила личину

невинной мученицы и зашипела разъярённой тигрицей:

— Андрей!

Мужчин, однако, сии гневные призывы не впечатлили, немедленному началу дознания помешал лишь звонок, возвещающий конец антракта.

— Слава тебе Господи, антракт закончился, — Елизавета Платоновна резко взмахнула веером, не столько спасаясь от духоты, сколько выплёскивая накопившееся напряжение, — а там, глядишь, отвлекутся и забудут. Хотя, забудут они, как же, Яков же словно пёс охотничий, раз напав на след будет идти по нему до тех пор, пока дичь не схватить или же от усталости не рухнет замертво.

Лизхен сердито фыркнула, захлопнула веер и попыталась погрузиться в действие на сцене, но мысли постоянно перескакивали на сидящего рядом брата. Яков внимательно смотрел пиесу, но княгиня Лисовская голову была готова отдать на отсечение, что мысли его витали далеко. Хотя нет, пределов Варшавы они, размышления эти, вне всякого сомнения, не покидали, но и к трагедии великого Шекспира отношения не имели!

Яков действительно обдумывал прочитанную заметку и вспоминал пана Костешского. Тогда, четыре года назад, когда они впервые встретились, Франц Адамович был рослым широкоплечим мужчиной, осень уже тронула виски и бороду сединой, наложила лёгкую паутину морщин на лицо, но пан всё равно был полон сил и энергии. А как он костерил мошенника, дерзнувшего подделать алмазы в гарнитуре графине Ростоцкой! А потом, когда ловкач был пойман, господин Костешский так тряхнул этого мошенника, причём одной левой, что у бедолаги зубы клацнули и голова на шее бубенцом мотнулась. И вот теперь в газете написали о смерти Франца Адамовича. Несчастный случай? Вполне возможно, только что же это за недуг, сразивший в один день и сразу наповал? Больше похоже на злой человеческий умысел. Нужно разобраться в этом деле в память о человеке, искреннем любителе старины и гонителе неправды. Пан Костешский достоин покоя после смерти, а значит, если его убили, преступник должен понести заслуженное наказание. Только вот с Аннушкой нехорошо выходит, ей совершенно точно нужно отдохнуть, а она в стороне от дознания не останется, непременно помогать станет. Конечно, её разговор с духом Франца Адамовича был бы весьма кстати, но это опять может оказаться небезопасно. Разумеется, почтенного пана с купцом Бобровым и не сравнить, но мало ли, что во время этого спиритического сеанса случиться может! Да и от убийцы, если смерть всё-таки была насильственной, Анну стоит держать как можно дальше, а лучший способ — это вообще не впутывать супругу в расследование.

Яков вздохнул, посмотрел на жену, которая была вся там, на сцене, где несчастного Ромео изгоняли из Вероны, а Джульетта оплакивала смерть брата и своё такое краткое семейное счастье. По щеке Анны Викторовны скользнула слезинка, барышня поспешно стёрла её, словно стыдясь собственной слабости. От столь естественного, полного внутренней силы и чистоты жеста, Штольмана затопила нежность, сдавившая горло и разогнавшая слова. Осталась только робкая, всё ещё не смеющая поверить в свершившееся, радость и благодарность небесам за то, что они подарили ему встречу с такой изумительной девушкой. И если бы выпал шанс начать жизнь заново, Яков повторил бы всё: и роман с Ниной, и проигрыш, и дуэль, ведь всё это привело его к Анне. Его самому главному чуду, его ангелу хранителю, спустившемуся с небес на грешную землю и озарившему всё вокруг своим теплом.

"Да Вы романтик, сударь, — усмехнулся Штольман, покачав головой и машинально

потянувшись к потайному карману, где лежала колода карт. — Только лучше всё же не мечтаниям предаваться, а обдумать, как Анну во время очередного расследования обезопасить".

Яков Платонович достал карты, привычно стал перемешивать их, бездумно глядя на сцену.

Князь Лисовский наклонился к Штольману, шепнул негромко:

— Партеечку?

Яков усмехнулся, чуть приметно кивнув в сторону сцены:

— А как же трагедия?

Андриш Станиславич приглушённо застонал:

— Осьмнадцатый раз смотрю сию пьесу. Вот это настоящая трагедия, а там как, недоразумение, не более. Увёз бы он свою Джульетту с собой и всё было бы вполне благополучно.

Яков Платонович похлопал колодой по ладони:

— Не всегда есть возможность взять любимую с собой. Иногда безопаснее оставить её дома под присмотром доверенных лиц.

— Вот именно, — князь многозначительно поднял палец вверх, — под присмотром доверенных лиц. Причём, смею заметить, влиятельных, дабы они, в случае необходимости, могли и власть применить.

— Да, сказать герцогу о своей жене Ромео точно мог, — Штольман задумчиво вытащил из колоды две карты, повертел в руках и протянул князю, — но не стал. И Джульетта родителям тоже не сказала, что замужем.

Андриш Станиславич задумчиво посмотрел на карты, покачал головой:

— Как любил говорить мой отец: "так карты легли". Кстати, будь я гадалкой, то сказал бы, что ты вытянул предвестие смерти. Восьмёрка треф и трефовый король...

Штольман посмотрел на карты, убрал их в колоду и пожал плечами:

— Я не верю в гадания.

— И правильно, — Андриш улыбнулся, тщательно прогоняя гнетущее предчувствие беды. Ведь все эти гадания и прорицания — сущая глупость, верно же? И в смерти пана Костешского нет ничего предосудительного, обычный удар или грудная жаба.

Только вот когда Яков Платонович убирал карты в карман, колода рассыпалась, и восьмёрка треф опять легла рядом с трефовым королём...

Спектакль завершился криками: "Браво", рукоплесканиями и потоками слёз растроганных дам.

— Сколько бы раз ни смотрела, а всё равно в конце пьесы плачу, — горестно прохлюпала Лизхен, утирая слёзы кружевным платочком.

— Может тогда не будем больше смотреть её? — с плохо скрытой надеждой спросил Андриш, обнимая жену.

— Не хотим тебя расстраивать, — поддержал Яков князя.

Елизавета Платоновна смахнула остатки слёз, убрала платочек и насмешливо улыбнулась:

— Притворщики. А то я не видела, как Вы пасьянс раскладывали. Подумать только, и это на трагедии великого Шекспира! Ничего для Вас святого нет!

— Святое для нас есть, — Андриш взял руку жены, поцеловал ладонь, — но

осьмнадцатый раз сия пьеса восторга не вызывает.

— Яков, а ты "Ромео и Джульетту" тоже осьмнадцатый раз смотрел? — с вызовом спросила Елизавета Платоновна, глядя на брата.

Штольман пожал плечами:

— Мне трагедий с убийствами и на службе хватает.

— Анна, как ты могла влюбиться в столь циничного человека?! — трагично, явно копируя актрис из спектакля, спросила Лизхен, театрально прижимая одну руку ко лбу, а другую к сердцу.

— Яков не циничный, — Анна Викторовна с готовностью бросилась отстаивать честь мужа, — он самый лучший!

Анна смутилась, осеклась, покраснев и потупившись. Ещё не успевшие разойтись после спектакля зрители с интересом стали подтягиваться на новое, не заявленное в афише, зрелище.

— Полагаю, беседу лучше продолжить дома, без свидетелей, — Андриш Станиславич подхватил жену под руку и чинно повёл к дверям на ходу раскланиваясь со знакомыми.

— Князь, Вы заметили, Костешских сегодня в театре не было? — Зося Францисковна, весёлая вдовушка, ничуть не озабоченная тем, что её репутация опасно балансирует на грани приличий, призывно затрепетала ресницами. — Оно и понятно, Франц Адамович скончался!

— Все мы смертны, — Лизхен поджала губы, всем своим видом намекая, что смертность некоторых навязчивых особ — вопрос времени, но вдовушку укротить было непросто.

Зося всплеснула руками, округлила глаза и заговорщически прошептала, прижав руки к груди:

— Ходят слухи, что пана Костешского нашли в скабрёзной позе!

— И что же это за поза такая? — заинтересовался Яков Платонович.

Вдовушка повернулась к Штольману, окинула его быстрым взглядом, уделив особое внимание обручальному кольцу на пальце и тому, как Яков неосознанно поглаживал пальчики Анны, покоящиеся на его локте, поняла, что охота в сих угодах успеха не принесёт и равнодушно пожалала плечами:

— Не знаю. Слухи ходят, что скабрёзная, а какая именно, никто толком ничего не говорит. Да я и не спрашивала, не пристало приличной вдове такими вещами интересоваться.

Яков сжал губы, чтобы не высказать своё честное, но вне всякого сомнения, неприятное мнение по поводу Зоси Францисковны. Не ради самой вдовы, а из-за Анны, коя, душа добрая, даже девицу из дома терпимости защищала и оправдывала. Как она тогда сказала? "Осуждая Женю, мы никогда не найдём её убийцу". И ведь права оказалась, а он, глупец, далеко не сразу научился доверять Аннушке. Да и сейчас, чего греха таить, существование призраков с трудом принимает. Ну тяжело ему, человеку, привыкшему опираться исключительно на факты, поверить в то, что не поддаётся разумному объяснению!

— Прошу нас простить, Зося Францисковна, — Андриш вежливо поклонился, — нам пора идти.

Пухлые губы вдовушки огорчённо дрогнули, в чёрных глазах блеснула слезинка, но сии уловки на Андриша Станиславича не подействовали. Князь коротко поклонился и решительно повернулся к даме спиной.

— Всего самого наилучшего, Зося Францисковна, — сладким голосом пропела Лизхен и

направилась за мужем, победно вскинув голову и расправив плечи.

Дорога домой прошла в молчании. Елизавета Платоновна вспоминала спектакль, невольно обдумывая, как можно было бы помочь несчастным влюблённым, Андриш, Яков и Анна снова и снова вспоминали небрежно брошенные вдовой слова о скабрезной позе покойного пана Костешского. Конечно, пани Зося и солгать могла для привлечения внимания, сия особа никакими методами для привлечения внимания к своей особе не брезговала, но что-то упорно нашёптывало, что в этот раз Зося Францисковна не лукавила.

Дворецкий, распахнувший дверь, сразу же сообщил князю о том, что в гостиной его, точнее Якова Платоновича дожидается посетитель.

— Кто таков? — Штольман передал слуге шляпу и трость, помог Анне снять пальто, задержав руки на плечах жены.

— Пан Василевский, Тадеуш Карлович, — ответил дворецкий с поклоном, — компаньон покойного пана Костешского. Пришёл через полчаса после Вашего отъезда в театр, взволнованный, толком ничего сказать не мог, лишь твердил непрерывно, что ему нужно было с Вами, Яков Платонович, поговорить. Да ещё супругу Вашу Анну Викторовну спрашивал.

— Ну что ж, полагаю, нам стоит побеседовать с паном Василевским, — Яков положил ручку жены себе на локоть, — не зря же он нас столько ждал.

— Яков, у Вас же свадебное путешествие, Вам отдыхать нужно — трагически прошептала Лизхен.

— Мы и отдыхаем, — Анна улыбнулась подруге. — Не волнуйся, мы просто побеседуем с паном Василевским и более ничего.

Тадеуш Карлович, невысокий рыхлый, словно подтаявший по весне сугроб, мужчина пятидесяти лет непрерывно кружил по комнате, заламывая руки и нечленораздельно восклицая.

— Вы успокойтесь, пан Василевский, — Яков привычно присел на край стола, задумчиво крутя в руках колоду, — и расскажите, что привело Вас к нам. Полагаю, дело серьёзное, раз Вы ждали нашего возвращения так долго.

— Серьёзное?! — хмыкнул Тадеуш Карлович. — Сударь, вы даже не представляете, насколько серьёзное! Это вопрос жизни и смерти!

— Даже так?

— Именно, — пан Василевский остановился напротив Штольмана, нервно смахивая слеза редкие пряди. — Моего компаньона, пана Костешского убили, и я очень боюсь, что стану следующей жертвой!

— В газете ничего об убийстве не говорилось.

— Ха, — Тадеуш Карлович пренебрежительно фыркнул, брезгливо махнул рукой, — да что эти писаки могут знать, их даже в дом не пустили!

— Вы успокойтесь, — Анна мягко улыбнулась взволнованному мужчине, — хотите чаю?

— Я хочу, чтобы Вы меня спасли, — пан Василевский горестно всхлипнул, — я не хочу умирать.

— Если Вы объясните, что именно Вам угрожает, мы быстрее сможем вам помочь, — Яков с благодарным кивком принял у Анны горячий стакан чая. — С чего Вы взяли, что Вам грозит опасность?

— Я видел, что эти мерзавцы сделали с Францем, — пан Василевский прижал руки к

губам, перешёл на трагический шёпот, — они пытали его!

— Они? Вы считаете, что преступников было несколько?

— Да! — Тадеуш Карлович трясущейся рукой полез в карман, вытащил серебряную пуговку, кои пользуются особой популярностью у дам полусвета, имеющих богатого покровителя. — Вот, смотрите, это я нашёл на полу рядом с телом Франца. Видите, это с дамского платья, видите?! А ещё там были следы, мужские следы. Вот, смотрите, я их зарисовал.

Штольман внимательно изучил пуговицу и рисунок следа, положил листок на пол, привычно прикинул размер по своей ноге. След оказался чуть больше и было в нём что-то неприятно царапнувшее память. Знакомый? Возможно...

— Это всё Карты Судьбы, — трагически прошептал пан Василевский, без сил падая в кресло, — это их искали у Франца, но не нашли, он ничего не сказал, хоть его и пытали! Вы знаете, когда я сегодня пришёл к Францу, то нашёл его на полу, задушенным, а его пальцы, — Тадеуш Карлович сглотнул, опасно оглянулся по сторонам и зашептал. — его пальцы были сложены кукишем! Он ничего не сказал, хоть его и пытали! А я, я человек маленький и слабый, я пыток не выдержу, я боли боюсь!

— Успокойтесь, — Яков протянул перепуганному мужчине стакан с чаем, — выпейте чаю.

— Благодарю, — мужчина жадно осушил стакан, устало прикрыл глаза, — простите мне мою слабость, но мне очень страшно. У меня ведь даже нет этих Карт, и у Франца их никогда не было, понимаете? Эти Карты проклятые, самые настоящие Карты смерти, всего лишь легенда, их не существует! Только вот убийцы в это не поверят, а я боюсь пыток. И смерти. Помогите, прошу Вас мне очень страшно!

Мужчина закрыл лицо руками и разрыдался.

Дело ЛЬ 2. Карты Судьбы. Козырь в рукаве

Тадеуш Карлович, переложивший груз страха и тревоги на плечи Якова Платоновича, успокоился и так расхрабрился, что заявил о своей готовности в одиночку, без сопровождения, направиться домой. Конечно Штольман сей демарш не оценил и глупости вершить почтенному антиквару не позволил, вызвавшись проводить пана Василевского под прикрытием того, что нужно ещё кое-какие детали свершившегося преступления уточнить. Почтенный антиквар на предложение любезно согласился, сразу же пустившись в пространный, полный мельчайших деталей рассказ о своём покойном компаньоне. Сия говорливость лучше всего прочего указывала на то, что страх Тадеуша Карловича никуда не прошёл, он затаился, точно охотник в кустах, подстерегающий свою жертву. Впрочем, никто и не думал осуждать почтенного антиквара, до смерти напуганного смертью друга.

Визит пана Василевского был подобен грозовой туче, уже затмившей солнце, но ещё не пролившейся дождём. Андриш Станиславич посматривал на притихшую супругу, пытаясь придумать способ, коим можно было бы отвлечь её от участия в этом, вне всякого сомнения, опасном деле.

— С Вашего позволения, я пойду к себе, — Анна Викторовна решила, что, чем терзаться беспокойством, лучше вызвать дух Франца Адамовича и попросить его назвать имя убийцы. А заодно и узнать больше о Картах Судьбы, если они действительно существуют.

— Я с тобой, — живо воскликнула Лизхен и умоляюще сложила руки, — пожалуйста, я буду сидеть смиренно и ничем тебе не помешаю. Страх как хочется посмотреть на вызов духа, я же никогда не видела.

Князь Лисовский неодобрительно кашлянул, мягко положил жене руку на плечо, пытаюсь, пока ещё не поздно, остановиться свою ненаглядную непоседу от очередного приключения, кое безопасным назвать было ну никак нельзя.

— Дорогая, общение с духами — суть материя тонкая и весьма деликатная, полагаю, не стоит вмешиваться...

— Андриш, — Елизавета Платоновна прижалась к мужу, поцеловала его в щёку, прекрасно зная, что против сего манёвра он не устоит, — я буду сидеть тихо и неподвижно и ничем, абсолютно ничем не помешаю!

Андриш Станиславич вздохнул, признавая, в который уже раз, своё поражение против супружеского обаяния и пылкой любви, коя с годами, вопреки прогнозам скептиков и циников, не уменьшалась, а наоборот, становилась лишь крепче.

— Анна Викторовна, Вы медиум, Вам и решать, — князь ещё раз вздохнул и чуть виновато улыбнулся.

Анна поймала умоляющий взгляд Лизхен и не сдержала улыбки:

— Хорошо, пусть Лиза посмотрит.

Елизавета Платоновна взвизгнула и совсем как маленькая девочка захлопала в ладоши, потом подскочила к подруге и звонко чмокнула её в щёку. Столь искренний порыв живо напомнил Анне дело об утопленницах, когда она сама, обрадованная согласием Якова Платоновича на проведение спиритического сеанса, не утерпела и поцеловала следователя. Это был их первый поцелуй... Анна Викторовна вздохнула и мечтательно улыбнулась, погрузившись в столь сладостные для сердца воспоминания.

— Аннушка, я, конечно, тебя никоим образом не тороплю, — прощептала Лизхен, лукаво улыбаясь и едва ли на месте от нетерпения не пританцовывая, — но, может, уже приступим? А то время уже позднее, как бы нам не уснуть прямо посреди сеанса.

— Ещё есть время отказаться, — прошептал Андриш, догадавшийся, что Елизавета Платоновна немного робеет на пороге встречи с неведомым.

— Ты права, — Анна решительно кивнула и направилась к себе, гадая, куда именно убрала спиритическую доску. А может, вообще без доски попробовать, ведь призраки и так приходят, причём не как раньше, в Затонске, без приглашения и порой в самый неудобный момент, а заранее оповестив о своём появлении деликатным покашливанием или же стуком. Конечно, есть духу и зловредные, тот же купец бобров, например, но их немного. Пожалуй, кроме Кирилла Владимировича других и не было...

— Ещё бы они были, — фыркнула тётка Катерина, воинственно утыкая руки в бока. — Нам, между прочим, без интересу видеть, как ты терзаешься!

— Спасибо, — Анна вежливо кивнула, в присутствии грозной тётушки чувствуя себя маленькой девочкой, совсем как раньше, когда тётушка была жива и одним своим взглядом свергала окружающих в трепет.

— На здоровьчко, — Катерина оглянулась и призывно махнула рукой. — Ну, где там этот мученик-антиквар? Давайте его сюда, Анна ждёт.

В воздухе проявился силуэт крепкого мужчины, коего язык не поворачивался назвать стариком. Одежда на призраке была вся в крови и висела клочьями, пальцы рук скрючились, лицо искажала гримаса боли и ярости. Весь облик духа буквально вопиял о ненависти и отмщении.

— Франц Адамович? — окликнула призрака Анна, заставив устроившуюся на диванчике Лизхен испуганно вздрогнуть и оглянуться.

Мужчина упрямо сжал губы и пренебрежительно отвернулся.

— Я - Анна, — Анна Викторовна вежливо улыбнулась, пытаясь расположить к себе несговорчивого посетителя, — Анна Штольман.

Услышав фамилию петербургского следователя, дух вздрогнул, резко обернулся и пытливо воззрился на барышню, глядя на неё словно на принесённое в лавку украшение, нуждающееся в оценке:

— И кем же, позвольте узнать, Вы, милое дите, приходитесь чиновнику по особым поручениям Штольману Якову Платоновичу?

— Я его жена.

Франц Адамович надул щёки и выразительно приподнял брови, после чего шумно выдохнул и ядовито, не скрывая даже не насмешки, а грубой издёвки, заметил:

— Вы не похожи на дам, с коими привык общаться господин Штольман. Он всегда предпочитал дам, — призрак с трудом пошевелил пальцами, — скажем так, утончённых и не лишённых светского лоска. А Вы, — дух окинул барышню пренебрежительным взглядом, дёрнул плечом и отвернулся.

— Слушай ты, — вскипел Иван Афанасьевич, коий и при жизни не терпел грубого обращения с женщинами, — если ты и перед смертью так себя держал, я понимаю, почему тебя убили! И готов повторить сей славный подвиг во имя всех прекрасных дам!

Антиквар посмотрел на разъярённого мужчину и упрямо сжал губы, процедив лишь:

— Я всё равно ничего не скажу, можете делать со мной, что угодно.

— Скажите, кто Вас убил? — Анна требовательно посмотрела на призрака, но тот лишь презрительно дёрнул уголком рта и отвернулся.

— Хорошо кобениться, мы же от тебя всё одно не отстанем, — тётка Катерина недовольно покачала головой, страдальчески закатив глаза. — Господи, ну что за мужики пошли! С барышней поговорить и то не могут!

— Не желают! — отчеканил Франц Адамович и исчез, красиво рассыпавшись роем искр.

— Ну и пёс с тобой, прости меня господи, — прокряхтела бабуля, появляясь с изрядным запозданием, — тоже мне герой, голова с дырой!

Анна с досадой шлёпнула ладошкой по столику, плюхнулась в кресло, облокотившись на руку и нахохлившись.

— Я так понимаю, призрак говорить отказался? — Лизхен подхватила из фарфоровой мисочки яблоко и вгрызлась в румяный бочок.

Анна Викторовна с досадой кивнула, раздражённо оттолкнув спиритическую доску, о коей в ходе беседы с несговорчивым Францем Адамовичем даже и не вспомнила.

Елизавета Платоновна беззаботно пожала плечиками:

— Ну и бог с ним. У меня есть иной козырь в рукаве.

— Какой? — голубые глаза Анны вспыхнули любопытством.

Княгиня Лисовская выдержала театральную паузу, даже яблочко в сторону отложила, дабы эффект томительного молчания не смазывать, а когда Анна нетерпеливо заёрзала в кресле, выдохнула:

— Пан Гроховский!

Анна Викторовна застыла на месте, столкнувшись с тенью из прошлого. В Затонске сей пан отличился тем, что приказал своим людям похитить Нину Аркадьевну и саму Анну, они потом ещё чуть не погибли в клубах ядовитого тумана, когда сбежали из плена.

— Аннушка, ты чего застыла, словно призрака увидела? — Лизхен встревоженно посмотрела на подругу, оглянулась и перешла на шёпот. — А может, увидела? Франц Адамович вернулся, да?

— Н-нет, — Анна Викторовна покачала головой, потёрла горло, засаднившее при одном воспоминании о том тумане, — просто не ожидала, что ты пана Гроховского назовёшь.

Елизавета Платоновна моментально насторожилась, став в этот миг удивительно похожей на своего брата, напавшего на след преступника:

— Аннушка, душа моя, Вацлав Альбертович известная персона в Варшаве, но вот откуда он знаком тебе?

— Лично я с паном Гроховским не знакома, — Анна небрежно махнула ручкой, не желая рассказывать Лизхен тайны Якова, коими он, по понятным причинам, не гордился. — Просто имя слышала. Он... был у нас в Затонске... на водах.

— Угу, а заодно, так, промежду прочим, долг карточный с Яшеньки требовал, да? — сладенько пропела Елизавета Платоновна. — Мне Пётр Иванович в Париже мно-о-ого чегс рассказал про то, как братец мой верой и правдой службу сыскную в Затонске справлял. И как ты ему, душа моя, в сём деле, опасном и благородном, помогала, подчас вопреки воле Якова.

Анна досадливо поджала губки. Вот ведь, дядюшка, дамский угодник, не смог устоять перед чарами обворожительной княгини Лисовской, разболтал ей всё, что знал, да и то, о чём лишь догадывался, поди, тоже скрывать не стал! Выложил всё подробнее, чем на исповеди, посещать кои Пётр Иванович не большой охотник.

Елизавета Платоновна заприметила выражение недовольства на личике Анны, подскочила, обняла подругу за плечи и прижавшись щекой к её щеке, заворковала кроткой голубицей:

— Да ты не волнуйся, Аннушка, твоей вины в случившемся нет ни малейшей. А Якову всё одно отповеди читать бесполезно, он их и мальчишкой-то не больно слушал. Он ведь не глупец, сам всё понял правильно и выводы нужные сделал. И в карты больше не играет, хоть и таскает их с собой постоянно... Кстати, а ты сию колоду видела?

Анна задумчиво потеревала ленту, украшавшую ворот платья:

— Видела пару раз, но особо не присматривалась. По-моему, обычные, у дядюшки точно такие же.

— Эх, — Елизавета Платоновна раздосадовано махнула рукой, — а я-то уже успела представить, что это и есть те самые заповедные Карты Судьбы. Хотя, они же богатство своему владельцу приносят, а братец в роскоши совершенно точно не купается.

— Богатство разное бывает, — заметила Анна, — любовь, например. Или удача невероятная.

— О да, Яков просто любимец Фортуны, — ядовито хмыкнула Елизавета Платоновна, — видимо, именно поэтому он спутался с Ниной Аркадьевной, чуть не погиб на дуэли с князем Разумовским и был сослан в Затонск! Добро, хоть не разжаловали и в солдаты не отправили, везунчика. И это я про карточный проигрыш не упоминаю.

Анна вспыхнула и вскинулась, готовая защищать своего мужа даже от колких слов его родной сестры. Право слово, не ошибается лишь тот, кто не совершает ничего, а Яков из всех ошибок верные выводы делает и в результате победителем оказывается!

— Да ладно, ладно, не пыхти самоваром, — княгиня Лисовская примиряюще вскинула ладони, — я же не со зла, а так, по-сестрински. Мог бы, кстати, хоть раз и о помощи

попросить, чай, не сирота бесприютная, родичи имеются.

— Яков о помощи просить не любит, — вздохнула Анна Викторовна, — самостоятельный очень.

— Дивно, что он тебя к расследованиям допускает, — поддакнула Лизхен и тут же переменяла тему, дабы предотвратить возможную ссору. — Так вот, о пане Гроховском. Сей господин известный в Варшаве коллекционер карт. Да, я знаю, что он шулер, причём не из последних, но ОФИЦИАЛЬНО Вацлав Альбертович коллекционер, собирает по всему мир карточные колоды. Если Карты Судьбы существуют, он совершенно точно о них знает, а возможно, они уже есть в его коллекции!

— Значит, пану Гроховскому грозит смерть, ведь убийца господина Костешского, без сомнения, узнает о коллекции и...

— И придёт к тем же выводам, что и мы, — закончила Елизавета Платоновна. — ты права, Аннушка. Я немедленно отправлю Вацлаву Альбертовичу письмо с просьбой с встрече. Скажем, завтра утром в кофейне "Викторин", там подают дивные вишнёвые пирожные! Сладких снов, моя дорогая, не тревожься ни о чём, ни Яков, ни пан Гроховский не по зубам неведомому, пока, убийце.

— Сладких снов, — ответила Анна, бросив взгляд на стоящие на каминной полке часы и отметив, что Якову Платоновичу давно уже следовало бы вернуться. Проводы пана Василевского определённо затягивались, вызывая пока ещё лёгкую тревогу.

Анна Викторовна переделалась, набросила на плечи шаль, и, чтобы скоротать время ожидания, решила ещё раз попытаться вызвать дух убитого антиквара. Призраки, даже родственников, не появлялись, лишь бабуля мелькнула смутным пятном головой покачала и посоветовала внучке спать ложится. День, мол, был насыщенный, завтра ожидается ещё более трудный, а потому стоит как следует выспаться и набраться сил. Анна вздохнула и юркнула под одеяло, прихватив с собой книгу по спиритизму, написанную столь заумно, что уже на третьем предложении глаза стали слипаться, а пальцы разжиматься. Анна Викторовна зевнула, подоткнула поудобнее подушку и продолжила упрямо продираться через дебри терминов и мало занимательных терминов о сути души и природе духов.

Когда Яков Платонович вернулся домой и поднялся в спальню, то застал супругу крепко спящей и при этом даже во сне крепко сжимающей трактат по спиритизму. Штольман мягко вынул книгу, скептически изогнул бровь при виде витиеватой надписи на обложке, ласково коснулся щеки Анны, борясь с желанием поцеловать эти пухлые, приоткрывшиеся во сне губы. Длинные ресницы Анны Викторовны дрогнули, барышня открыла глаза, сонно улыбнулась, увидев мужа:

— Яков, а я всё-таки уснула...

— Прости, задержался, — Штольман снял рубашку, аккуратно сложил её так, чтобы жена не заметила пятна крови на рукаве, ближе к манжете.

— Как Тадеуш Карлович?

— Жив, — отозвался Яков Платонович и тут же едва не взвыл от досады. Усталость брала своё, господин следователь едва не проболтался о нападении на почтенного антиквара. К счастью, убийца оказался недостаточно ловок и явно не ожидал, что пан Василевский будет не один, а потому замешкался и удар, призванный оглушить Тадеуша Карловича вышел смазанным, лишь оцарапав висок пана. К сожалению, от погони нападавший сумел скрыться, крысой нырнув в узкую, даже ясным солнечным днём тёмную и мрачную, подворотню.

Анна сладко зевнула и прижалась к мужу, уютно устроившись у него под боком. Яков обнял жену, уткнулся лицом в пушистые волосы и сам не заметил, как заснул. Призрачные родственники окружили пару, оберегая их сон и чуть слышно умильно перешёптываясь.

Утром, сразу после завтрака, Елизавета Платоновна и Анна изъявили желание отправиться на прогулку. Внимательно изучающие принесённую по приказу князя карту города Яков Платонович и Андриш Станиславич возражать не стали. Правда, требовали с супруг обещания расследованием в одиночку не заниматься, жизнью не рисковать и вообще держаться центральных улиц и в сомнительные подворотни за ещё более сомнительными типами не соваться. Поскольку пан Гроховский, с точки зрения Лизхен, сомнительным типом не являлся, да и встреча была назначена в одной из лучших кофеен города, дамы охотно дали требуемые обещания взамен выдвинув схожие требования, на кои мужья ответили размытым и неопределённым: "Посмотрим". Будь у Анны Викторовны с Елизаветой Платоновной чуть больше времени, они непременно добились бы от супругов чёткого обещания быть осторожными и не рисковать, но стрелки на каминных часах неумолимо показывали без половину десятого. До встречи с Вацлавом Альбертовичем оставалось всего тридцать минут, а ждать пан, хоть и умел, да не любил.

Кофейня "Викторин", где княгиня Лисовская назначила встречу, была похожа на шкатулку столичной кокетки: причудливо украшенная, с расписным потолком, позолотой и даже шёлковой драпировкой на стенах. Когда дамы прибыли, пан Гроховский их уже ждал, привольно расположившись за столиком у окна и отгородившись ото всех за раскрытой газетой. За соседним столиком пили кофий два молодых человека в приличном платье, время от времени бросая рассеянные взгляды по сторонам и на самого пана.

— Это его охрана, — шепнула Лизхен, кивком головы указав на мужчин. — Вацлав Альбертович без них в городе не появляется.

Анна внимательно посмотрела на мужчин, но тех, кто похищал среди них не было. Видимо, у пана Гроховского людей было не просто много, а очень много. Одни исполняли поручения деликатные, а порой и откровенно разбойничьи, другие служили в охране. Не удивительно, что никому до сих пор не удалось привлечь Вацлава Альбертовича к суду, дивно, что Нина Аркадьевна с князем Разумовским дерзнули его обмануть и ограбить!

Словно почувствовав мысли Анны Викторовны, пан опустил газету и расплылся в широкой и почти искренней улыбке:

— Пани Лизхен! Мадонна, как же я рад Вас видеть! С каждым днём Вы становитесь всё прекраснее и обворожительнее!

Речь господина Гроховского напоминала патоку: неспешная, чуть тягучая и сладкая, успокаивающая и даже усыпляющая.

— Вацлав Альбертович, — Елизавета Платоновна подарила мужчине широкую улыбку и протянула ручку для поцелуя, — рада видеть Вас в добром здравии. Позвольте представить Вам Анну Викторовну, мою подругу и супругу моего брата Якова.

Светло-серые глаза пана при упоминании Якова остро сверкнули, но приветливая улыбка ни на миг не померкла, и голос остался по-прежнему мягким и обволакивающим:

— Искренне рад знакомству, Анна Викторовна. Надеюсь, Ваш супруг в добром здравии?

— Благодарю Вас, Вацлав Альбертович, — Анна с интересом смотрела на мужчину, кой в Затонске избрал её орудием шантажа, — Яков Платонович вполне здоров.

— Мы всенепременно передадим брату Ваш поклон, — почти пропела Лизхен,

поигрывая веером.

Глаза пана Гроховского потемнели от сдерживаемых чувств, улыбка на губах поблёкла и искривилась.

— Утверждать не берусь, княгиня, но предполагаю, что Вашего брата не порадует воспоминание о моей скромной особе, а потому предлагаю не говорить ему о нашей встрече. Мне с Яковом Платонович враждовать нет необходимости, тем более теперь, когда в Варшаве стало так беспокойно.

Елизавета Платоновна и Анна Викторовна непринуждённо опустили на любезно выдвинутые для них официантом стулья, приказали принести им кофию и пирожных и лишь после этого продолжили беседу. Вацлав Альбертович дам не торопил, он вообще придерживался правила, что спешка губительна для пользы дела и никогда не бывает уместна.

— Вы слышали, что случилось с паном Костешским? — спросила Анна у пана Гроховского, сделав крохотный глоток кофе.

Пан вежливо кивнул:

— Сложно не слышать то, о чём говорит вся Варшава.

— Как Вы думаете, из-за чего его убили? — Лизхен подалась вперёд, опять став похожей на ведущего расследование Якова.

Вацлав Альбертович неторопливо размешал сахар в чашке, покачал головой, придав лицу чуть скучающее выражение:

— Строить предположения — удел полиции, к коей я ни малейшего отношения не имею. Ходят слухи, что Франц Адамович умер от апоплексического удара.

— Угу, табакеркой в висок, как Павел Петрович в своё время, — буркнула Елизавета Платоновна. — Вы сами-то в это верите?

Пан Гроховский отставил чашку и посмотрел на дам, вся его мягкость и сладость исчезла, явив совсем иной облик, коий трудно было назвать обворожительным:

— Прошу прощения, дамы, но у меня не очень много времени, но достаточно дел. Могу я узнать, что именно Вам от меня нужно?

— Расскажите о Картах Судьбы, — Елизавета Платоновна тоже перестала играть роль великосветской кокетки, явив свойственную всему роду Штольманов стальную хватку.

Вацлав прицокнул губами, одобрительно глядя на своих собеседниц. Больше всего в людях пан ценил ум и практичность, особенно восхищаясь данными качествами у женщин, для коих сии черты были не свойственны. Елизавета Платоновна, да и Анна Викторовна, пустоголовыми кокетками, бездумными игрушками в руках мужчин определённо не были и тем самым заслуживали уважение. А для людей уважаемых господин Гроховский готов был сделать абсолютно всё.

— Позвольте пригласить Вас на прогулку, сударыни, — Вацлав Альбертович улыбнулся, опять входя в образ радушного хозяина, — есть темы, кои небезопасно обсуждать даже в столь приличном заведении.

Коляска, кою сопровождал поодаль неприметный экипаж, неспешно подпрыгивала на камнях, и также неторопливо текла речь пана Гроховского. Дамы слушали внимательно, стараясь не упустить ни единого слова из сдержанного повествования.

— Карты Судьбы совершенно точно существуют, это бесспорный факт, подтверждённый документами. Я сам лично видел эти дневники и проверял их подлинность,

так что можете мне поверить.

— И где же они? — не утерпела Лизхен.

Вацлав Альбертович с глубоким вздохом развёл руками:

— А вот сие уже неизвестно. Потомки пана Зворовского по всему миру рассеялись, часть из них в Петербурге осела...

Пан резко замолчал, озарённый догадкой, столь простой, что даже досада брала, как это она ему раньше не пришла на ум! Ведь это многое объясняет, да, чёрт побери, это объясняет абсолютно всё! Мадонна, какой же он идиот! Карты были у него под носом, он мог бы завладеть ими, причём вполне законно, не рискуя ничем, у него же такой козырь в рукаве был, а теперь всё, поздно!

— Пан Гроховский, что с Вами? — Анна встревоженно заглядывала мужчине в лицо. — Вам плохо?

Вацлав Альбертович усмехнулся и покачал головой, глубоко вздохнул, признавая своё поражение. Да, как ни крути, а Карты Судьбы свой выбор сделали, с этим остаётся только смириться. Если попытаться отнять их силой, обманом или ещё каким-либо нечестным путём, то тем самым лишь навлечёшь на себя мучительную смерть, а жизнь слишком хороша, чтобы покидать её так рано.

— Пан Гроховский, — Лизхен на правах давней знакомой даже потербила мужчину за рукав, — пан Гроховский, Вы меня слышите?!

Вацлав глубоко вздохнул, протёр ладонью лицо, словно смахивал невидимую паутину и, повернувшись к Анне, спросил:

— Анна Викторовна, помнится, в Затонске у Вашего супруга была колода карт, он доставал её, когда над чем-то раздумывал.

Анна согласно кивнула, Елизавета Платоновна нахмурилась, пытаясь понять, к чему ведёт пан Гроховский.

— Скажите, Вы знаете, откуда у Вашего мужа эти карты?

— Господи, да причём тут Яков?! — не выдержала княгиня Лисовская. — Карты Судьбы дают богатство, а мой брат...

— Карты Судьбы меняют жизнь своего хозяина к лучшему, — перебил Лизхен пан, — причём делают это постепенно, исподволь, через цепь событий, кои сами по себе могут быть весьма неприятными и даже болезненными.

Дамы переглянулись. Что и говорить, роман с Ниной Аркадьевной, дуэль с князем Разумовским, и ссылку в Затонск сложно назвать приятственными событиями, но в конечном итоге они привели Якова к Анне, дали возможность раскрыть целую шпионскую сеть, да что там, даже помогли Якову Платоновичу примириться с братьями и сестрой!

— Обязательно спросите у своего мужа, откуда у него карты, — Вацлав Альбертович серьёзно, даже строго, посмотрел на Анну. — И если окажется, что они подарены ему кем-либо из рода Зворовских, то попросите поддержать колоду. Карты Судьбы дарят тепло своему хозяину и тем, кто ему дорог, причём чем сильнее чувство, тем ярче жар. И ради бога, если Вы не хотите зла, не говорите никому, что знаете, у кого Карты. Как гласит Писание: "Многая знания — многая скорби".

Дело Ъ 2. Карты Судьбы. Козни бубнового короля

Илья Петрович Уваков раздражённо саданул кулаком по столу. Гнетущее, словно гранитная плита на плечах напряжение сие действие сбросить не помогло, стол тоже устоял, а вот рука неприятно заныла и вроде как даже опухать стала. И кому, спрашивается, лучше

сделал? Правильно, никому. И какой вывод из всего этого следует? Нужно держать себя в руках и ждать, стиснув зубы и сжавшись в комок, когда эта проклятая удача повернётся-таки лицом к бывшему чиновнику по особым поручениям. К Штольману же она повернулась, обласкала его, подарила любовь, вернула милость влиятельных покровителей, так какого чёрта ему, Увакову, так не везёт?! Чем он, Илья Петрович хуже?!

— Мой котик сердится? — Катерина прижалась всем телом к любовнику, заскользила руками по плечам и груди. — Мой котик чем-то недоволен?

— У твоего котика земля под ногами горит, — огрызнулся Уваков, зло выдираясь из цепких рук девицы, — а ты, дура, словно и не видишь ничего! Этот проклятый антиквар молчал, он ничего не сказал, хотя я был очень настойчив в расспросах.

Илья Петрович кровожадно оскалился, вспомнив, как именно он расспрашивал проклятого старика. Катерина томно потянулась, дугой выгнулась, отчего грудь мало из платья не выскочила, и лениво, словно речь шла о вещах, внимания никоим образом не заслуживающих, протянула:

— То, о чём промолчал человек, можно узнать у духа.

Уваков расхохотался, глядя на полюбовницу со смесью презрения и весёлого удивления:

— Катька, да ты никак спиритом стать решила? Составишь конкуренцию госпоже Мироновой?

Катерина поджала губы, она терпеть не могла, когда её мужчина вспоминал о других женщинах, пусть даже так небрежно:

— Я не знаю, кто такая госпожа Миронова. Да и знать не хочу.

Илья Петрович вздохнул, вспомнив свои визиты в тихий и внешне безмятежный, словно заросший ряской пруд, Затонск. Первый раз он прибыл в эту глухомань в поисках господина Морреля, коего следовало изловить, доставить в Петербург и передать весьма заинтересованным в беседе с оным господином лицам. И ведь у него получилось поймать Морреля, он его схватил, не без помощи господина Штольмана, конечно, но ведь схватил же! Тогда-то Илья Петрович и увидел в первый раз эту смешную чудачку Миронову Анну Викторовну, мнящую себя спиритом и активно сующую свой миленький носик в дела следствия. А Яков Платонович, разомлевший в провинциальной неге и одичавший без женской ласки, вместо того, чтобы раз и навсегда отвадить настырную девицу, всячески потакал ей, ещё и из передряг вытаскивал, слова поперёк не вымолвив. Уваков горестно хмыкнул. Тогда он, ослеплённый удачей, наивно полагал, что больше в эту провинциальную дыру не сунется, только вот ротозеи городовые, олухи царя небесного, не способные друг друга в лицо узнавать, подвели его, попустили в свои ряды под видом кучера арестантского возка наёмного убийцу. А может, это Яков Платонович расстарался? Понял, что Моррель сумеет выкрутиться и ничего ему за убийства не будет, а то и вообще на службу к особам императорской фамилии перейдёт и... Илья Петрович отрицательно покачал головой. Нет, Штольман на такое не способен, он же как Невский прошепект, весь из себя прямой и правильный, чем лично ему, господину Увакову, одним своим присутствием в этом мире наносит глубочайшее оскорбление. Как Илья Петрович радовался, когда появилась возможность унижить Якова Платоновича, посадить его, точно волка бешеного, в клетку! Так он и из-за решётки сумел выбраться, одурачил своего лопуха-помощника, а может, у них изначально сговор был. Нет, Коробейников мальчишка и глупец, он притворяться не умеет, да и какая теперь, в сущности, разница? Главное, что Штольман опять вывернулся, бежал, а эта проклятая Миронова, эта ведьма голубоглазая его укрывала! Как она лгала и даже не

краснела в гостинице, когда уверяла, что знать не знает, где Яков Платонович! Уваков ей даже поверил, глупец! Подумал, эта провинциалка блаженная обманывать не умеет, болван, тысячу раз болван! Поверил этим невинным голубым глазкам, этому нежному голосу, такому убедительному, так её раз так и раз эдак! Илья Петрович обхватил голову и зарычал, заметался по комнате, словно волк, угодивший в ловчую яму.

— Котик, гнев ослепляет и не даёт увидеть шанс на спасение, — Катерина подошла к любовнику, попыталась приласкаться, но Уваков отшвырнул её, словно грязную тряпку, зло рявкнув:

— Изыди, холера, не до тебя!

— Я могу привести тебя к Картам Судьбы, — Катерина вызывающе вскинула голову и сверкнула глазами.

Илья Петрович остановился, буравя любовницу таким тяжёлым взглядом, что она не выдержала, зябко обхватила плечи руками и вся сжалась, но глаз не отвела.

— И каким образом?

— Есть один способ, — девица неопределённо повела плечом, — только он ни законом, ни церковью не одобряется. Это ритуал чёрной магии.

— Да хоть пришествие самого дьявола, мне плевать, — рявкнул Уваков и тут же замолчал, вытер ладонью вспотевший лоб и уже спокойно, сухо и деловито приказал:

— Рассказывай.

Ритуал был прост и в этом-то и заключалась самая мерзость. Чтобы получить ответ на терзающий душу вопрос, нужно найти девицу, молодую и полную сил, убить её, а кровь вылить на специальный кристалл. Причём чем мучительнее смерть жертвы, тем точнее будет ответ на вопрос.

Известие о жертвоприношении Илья Петрович воспринял спокойно, даже бровью не повёл, чай, такое в его практике случалось. Единственное, о чём спросил Катерину, есть ли у неё необходимый кристалл. Та припала к груди любовника, выдохнула ему прямо в губы:

— Разумеется.

— Умница моя, — Уваков крепко стиснул грудь девицы, — пожалуй, ты заслужила награды.

Нужная жертва нашлась быстро благодаря трём нанятым Уваковым головорезам и всё той же по-собачьи преданной своему любовнику Катерине, которая ближе к вечеру, когда уже сгущались сумерки, но ещё не зажигались фонари, заманила под предлогом гадания на жениха в грязный тупичок хорошо одетую худенькую рыжеволосую девушку. Господин Уваков не знал, да и знать не мог, что та, кого он столь опрометчиво выбрал в жертвы, была известной в городе портнихой. И возвращалась она от дочери пана Гроховского, коей шила свадебное платье, клятвенно обещая, что ровно через два дня наряд будет полностью готов и своей прелестью посрамит изделия даже самых модных и востребованных парижских салонов. Всего этого Илья Петрович не знал, его не интересовало ничего, кроме Карт Судьбы.

Когда жертва затихла, Катерина вылила её кровь на серый плоский камень, размером с ладонь, и принялась горячо нашёптывать бережно сохраняемые в памяти слова ритуала, сопровождая их витиеватыми пассажами. Господина Увакова сие действие ничуть не впечатлило, он пренебрежительно усмехался и молчал, стараясь не упустить хоть такой призрачный и сомнительный, но всё-таки шанс.

— Готово, — хрипло выдохнула Катерина, смахивая со лба бисеринки пота и устало

опускаясь прямо на пол. Обряд выпил все соки, перед глазами плыло, дойти до стула сил уже не осталось.

Илья Петрович подошёл к камню, брезгливо обходя по пути начинающие подсыхать пятна крови, и вопросительно посмотрел на любовницу, мол, что делать-то?

Катерина облизнула потрескавшиеся пересохшие губы:

— Ты можешь спросить кристалл, где Карты Судьбы. Только тщательно сформулируй вопрос, второй попытки не будет, кристалл отвечает только один раз. Всё просто: одна жертва и ответ тоже один.

Уваков задумчиво потеревил усы, откашлялся, чтобы голос звучал ясно и не спросил, нет, приказал не допускающим возражений тоном:

— Покажи мне того, кто владеет Картами Судьбы.

Камень потемнел, качнулся, потом отчётливо запульсировал, потемнел ещё сильнее и... замер на месте, застыл, как и прежде.

— Какого... — начал было раздражённо Илья Петрович и повернулся к своей любовнице дабы высказать ей всё, что он думает о ней самой и её шарлатанских методах, но та повелительно вскинула руку:

— Смотри! Второго шанса не будет!

Уваков обернулся и обмер, широко распахнув глаза и чувствуя, как сердце падает куда-то вниз. Камень увеличивался в размерах, стремительно разрастался и одновременно светлел, становясь подобным гигантскому зеркалу.

— Смотри, — прохрипела Катерина, вытирая струящуюся из носа кровь, — смотри и запоминай.

Илья Петрович преодолел сковавшую его робость, пробудившуюся от встречи с неведомым, законам логики и разума неподвластным, и шагнул поближе к зеркалу, заглянул в самую его глубину, дабы поскорее увидеть того, кто обладал заветными Картами. Но из прозрачных глубин на него смотрел лишь он сам, встрёпанный, перемазанный кровью, с безумно горящими глазами и удивительно жалкий. Уваков зарычал и со всей силы шарахнул кулаком по зеркалу, то протестующе задрожало, засияло и разлетелось на куски. Илья Петрович отпрянул прочь, закрываясь руками, а вот Катерина убежать не успела, её посеколо осколками, но оплакивать полубовницу Уваков не стал, наоборот, на его губах играла торжествующая полубезумная улыбка. За миг до того, как зеркало рассыпалось, он успел увидеть ответ на свой вопрос.

Сразу после встречи с паном Гроховским неугомонная Лизхен предложила Анне прогуляться по центральной улице, славящейся своими чопорно-строгими зданиями, разнообразными магазинными, где можно найти, как любили шутить записные острословы всё, что душе угодно, вплоть до слоновьих рогов и чешуек с русалочьего хвоста, а то и самих русалочек и, разумеется, кондитерских. Анна Викторовна согласилась, взяв с подруги слово, что они не станут посещать все модные лавки, какие только встретятся на пути.

— Да ради бога, — фыркнула Елизавета Платоновна, — откровенно говоря, я сама не большая их любительница. У меня есть личная портниха... Кстати, я просто обязана тебя с ней познакомить, идём!

— Лиза! — воскликнула Анна, но с тем же успехом можно было просить вернуться обратно выпущенную из пистолета пулю.

— Аннушка, милая, Эреза меня не простит, если узнает, что ты была в Варшаве, и я тебя

к ней не отвела, — Лизхен молитвенно сцепила ладошки и захлопала глазки.

— Ладно, — сдалась Анна и тут же строго добавила, — но только ради тебя!

Портниха-кудесница Эреза жила в небольшом кукольного вида домике, коий окружал цветочный садик с розовыми кустами вместо изгороди. Сейчас, ранней весной, листочки ещё только начинали проклёвываться из набухших почек и цветов было немного, только белоснежные крокусы склонили свои пушистые колокольчики над холодной землёй, но было нетрудно представить, каким великолепным станет этот садик летом.

— Пани Эреза, — Елизавета Платоновна потянула за висящий над ажурными воротцами колокольчик, разразившийся серебряной трелью, — пани Эреза, где Вы?

Никто не откликнулся, лишь вспорхнула с ветки маленькая пичужка и улетела, звонко чирикавая.

— Странно, обычно Эреза всегда выходит к посетителям, — пробормотала Лизхен, открывая воротца и входа во дворик. — Пани Эреза, где вы?

Анна Викторовна последовала за подругой, и тут её обдал пронизывающий до костей холод, предвестник появления призрака. Анна вздрогнула, повернулась к поникшей, печально свесившей ветви берёзе и увидела рядом с ней худенькую рыжеволосую девушку в висящей лохмотьями окровавленной одежде. Незнакомка бледно улыбнулась, отбросила за спину спутанные, как и одежда испачканные кровью, волосы и тихо прошептала:

— Не дошла я свадебное платье, не успела.

— Кто Вы? — выдохнула Анна, делая шаг к знакомке.

Девушка опять чуть заметно улыбнулась:

— Я пани Эреза. Если вас не затруднит, передайте пани Янине, что я на закончу её платье. Мне очень жаль, правда...

По бледной, запятнанной кровью щеке потекла слезинка.

— Я обязательно скажу, — пообещала Анна Викторовна, даже не представляя, о ком идёт речь. — Что с Вами случилось?

Эреза виновато улыбнулась, развела руками:

— Убили меня. Тело моё в Крысином тупичке, Вы скажите своему мужу, он найдёт. Только я Вас умоляю, пожалуйста, — глаза девушки распахнулись, в них болотным огоньком вспыхнули тоска и отчаяние, — будьте осторожны. Молю Вас о прощении, это из-за меня Вам...

Эреза исчезла, оставив после себя едва уловимый аромат ландышей. Из дома вышла озадаченная Лизхен, задумчиво покусывающая пухлую губку:

— И в доме нет. Причём такое впечатление, словно Эреза как вчера ушла, так и не возвращалась. Но на неё это совсем не похоже, она девушка приличная и благовоспитанная.

Анна прижала ладонь к бешено бьющему сердцу, выдохнула с трудом:

— Убили её.

— Как?! — ахнула Елизавета Платоновна, прижимая руку к губам.

— Жестоко. Тело лежит в каком-то Крысином тупичке. А ещё Эреза просила передать пани Янине, что не успеет закончить её платье.

— Мамочки, — ахнула Лизхен и зябко обняла себя за плечи, страстно возжелав очутиться рядом с мужем или братом, а ещё лучше, ими обоими, — господи, ужас-то какой! Нужно немедленно рассказать обо всём Якову и Андришу. Сами мы в тот тупик соваться не станем, Крысиным он назван не просто так.

Анна Викторовна согласно кивнула, ощущая, как воздух прямо-таки звенит от

сгущающейся угрозы. Трусихой Анна не была, но сейчас ей страшно захотелось убежать домой и с головой завернуться в одеяло. А ещё лучше, спрятаться на груди у мужа. Спина чесалась от тяжёлого враждебного взгляда, но видно никого не было.

— Извозчика наймём, пешком до дома далековато, — выпалила Елизавета Платоновна, вихрем выскочила со двора на улицу, огляделась по сторонам, заприметив чёрный экипаж и призывно взмахнула рукой:

— Извозчик, сюда!

Экипаж лихо подкатил к дамам, кучер, средних лет мужчина с тяжёлым взглядом глубоко посаженных чёрных глаз слез с козел и, стащив с головы шляпу, низко поклонился:

— Куда прикажете, пани?

— Дом князя Лисовского, живет, — приказала Лизхен.

Кучер снова поклонился, предупредительно распахивая дверцу экипажа и протягивая руку, дабы помочь дамам:

— Будет исполнено, Ваша милость. Прошу-с.

Елизавета Платоновна кивнула Анне, чтобы та садилась и огляделась по сторонам, досадуя на то, что улочка, на которой они оказались, и так-то не очень многолюдная, в дневную пору вымирает окончательно. Случись что, даже на помощь звать бесполезно. А, нет, вон появились двое крепких мужчин, впрочем, не самого благопристойного облика. С другой стороны улицы господин вышел посolidнее, даже в перчатках и с тростью. Лизхен нахмурилась, всматриваясь в прохожего, показавшегося знакомым. Где-то она его определённо видела, только вот где?

Анна высунулась из экипажа, собираясь позвать Лизу, и тут на неё опять накатила волна призрачного холода. Анна Викторовна судорожно вдохнула, а появившаяся напротив цыганка жёстко усмехнулась и вопросительно приподняла брови:

— Выходит, ты и правда духов видишь?

— Кто вы? — прошептала Анна Викторовна, борясь с волнами накатывающей дурнотой.

— Катерина я, — девица белозубо оскалилась, — за тобой, милая, пришла, чтобы ты глупостей не наделала и ненаглядному моему всю задумку не испортила. Ему Карты Судьбы нужны, а ты ключик к ним, понимаешь? Так что, ничего личного, извини. Да, на помощь призрачной родни не рассчитывай, у моего любого от них амулетик имеется, сама делала.

На Анну словно одеяло набросили, перекрыв все звуки и запахи, глаза заволокла непроницаемая мгла. Анна Викторовна задыхаясь попыталась выскочить из экипажа, но не смогла даже пошевелиться и без сил рухнула на сиденье, потеряв сознание.

Девушка, выросшая с пятью братьями, слабой и беспомощной быть не может по определению. Елизавета Платоновна отлично могла притворяться беззащитной барышней, не способной без посторонней помощи даже платочек в собственном ридикюле отыскать, но на самом деле её решимости и отваге могли позавидовать и мужчины. Вот и сейчас узнав господина Увакова, врага своего брата, Лизхен растерялась лишь на миг, на полшапочка отступив к экипажу и тут же принялась лихорадочно искать выход из этой не только неприятно, но и откровенно опасной, ситуации. Может, сесть в экипаж и приказать кучеру гнать во весь дух? Княгиня покосилась на кучера, тот в ответ оскалил жёлтые зубы и, усмехнувшись, грубовато приказал:

— Садитесь, пани. Ваша подруга Вас уже ждёт.

"Анна, — Елизавета Платоновна отпрянула от экипажа, с ужасом осознав, что никаких звуков борьбы не слышно, а это очень и очень плохой признак, — господи, девочка моя, что с тобой?!"

— Княгиня Лисовская, — Илья Петрович, явно рисуясь, неспешно подошёл к Лизхен снял с головы шляпу и церемонно поклонился, — боже мой, какая приятная встреча! Как поживают Ваши высокоуважаемые родственники?

Елизавета Платоновна вскинула голову, холодно улыбнулась:

— Благодарю вас, господин Уваков, у нас всё вполне благополучно.

— Это ненадолго, — "утешил" Илья Петрович. — Прошу Вас, княгиня, садитесь в экипаж.

— Вы хотя бы осознаёте, что с Вами будет за наше с Анной похищение? — Лизхен строго, точно учительница на нерадивого ученика, посмотрела на Увакова, но тот лишь широко торжествующе улыбнулся:

— Я получу Карты Судьбы. Иначе Яков Платонович будет рыдать над Вашими трупами.

То, что оставлять дам, равно как и самого Штольмана, в живых никто не собирался, Илья Петрович скромно умолчал. Он терпеть не мог женских истерик и вообще, многая знания — многая скорби.

Елизавета Платоновна понимающе кивнула, приподняла юбку, словно собираясь сесть в экипаж, а потом острым носком туфельки метко и сильно ударила Увакова в пах, после чего отпрянула в сторону и помчалась прочь, виляя, точно преследуемый собаками заяц.

— Что стоите, идиоты, стреляйте! — рявкнул Илья Петрович своим помощникам, крабом отползая с линии огня.

Три револьвера разом поднялись, грохнули три выстрела, всё вокруг заволкло пороховым дымом, а когда он рассеялся, Уваков увидел скорчившуюся на земле хрупкую девичью фигурку. До спасительного поворота Елизавета Платоновна не добежала совсем чуть-чуть.

Илья Петрович хотел приказать своим головорезам проверить, жива ли княгиня и притащить её тело, но вдали уже тревожно свистели городовые, да и шторы на окнах дома неподалёку как-то уж слишком энергично для простого сквозняка трепетали.

— В экипаж, живо, — рявкнул Уваков и дождавшись, когда помощники усядутся, приказал кучеру. — Гони!

Илья Петрович бросил быстрый взгляд на бледную бездыханную Анну и зло улыбнулся. Одна птичка всё-таки попала в клетку, второй удалось свернуть шею. Что ни говори, а всё складывается самым наилучшим образом. Карты будут его, а Штольман сгорит в аду, где ему самое место!

Дело Л 2. Карты Судьбы. Конец игры

Яков Платонович Штольман всегда и во всём привык полагаться на доводы разума и к такой тонкой и эфирной материи как предчувствия относился весьма скептически. Только что прикажете делать, если от непонятной тревоги сердце так и заходится, а ноги буквально гудят, призывая пуститься в путь? Штольман досадливо поджал губы, крутанул в руках трость, пытаясь сосредоточиться.

— Яков, можешь считать меня трусом и паникёром, — князь Лисовский бледно усмехнулся, то затягивая, то вновь ослабляя галстук, — но что-то я беспокоюсь о наших дамах. Как бы они собственное расследование не затеяли, с них станется.

— А что делать, если полиция не справляется, — вздохнул Яков Платонович, вспомнив

своё первое дело в Затонске и то, как Анна Викторовна всеми силами пыталась помочь. А как его раздражала эта помощь, основанная на снах, общении с духами и прочих, как тогда казалось, пустяках!

— Полиция не справляется? — удивлённо повторил Андриш Станиславич и покачал головой. — Не ожидал от тебя таких слов.

— Анна так ответила однажды, — тёплая улыбка озарила лицо Штольмана, согрев глаза и преобразив сурового следователя.

Князь Лисовский тоже улыбнулся, но тут же помрачнел, опять ощутив резкий укол тревоги. Мадонна, да что же такое происходит?!

— Яков, мне кажется, наши дамы в беде, — Андриш решил, что лучше прямо сказать о своих подозрениях, чем потом сожалеть об упущенных возможностях. Как говорится, пистолет в кармане всегда лучше, чем в ящике стола, мало ли, куда кривая приведёт.

Штольман, вопреки опасениям князя, ехидничать над излишней мнительностью, мужчинам чести не делающей, не стал, коротко кивнул, решительно поднимаясь и надевая шляпу:

— Я тоже так думаю. Едем.

— Ты знаешь, куда? — Андриш Станиславич готов был поклясться, что дамы своими планами не делились, расплывчато сообщив, что хотели бы прогуляться по магазейнам.

Яков Платонович чуть нахмурился:

— Пана Костешского убили из-за Карт Судьбы, так?

Князь согласно кивнул.

— А кто в Варшаве может рассказать нашим барышням об этих Картах?

Андриш Станиславич с тревогой посмотрел на следователя:

— Ты хочешь сказать, что Лизхен и Анна отправились на встречу с паном Гроховским? Но это же опасно!

Штольман выразительно вскинул брови, жёстко усмехнулся:

— А когда опасности останавливали Анну или Лизхен?

Андриш тяжело вздохнул. Что верно, то верно, Елизавета Платоновна особа весьма решительная, даже рождение сына её ничуть не укротило, да и Анна Викторовна не похожа на особу, весь смысл жизни коей не выходит за пределы детской, кухни и спальни. Оно, конечно, и к лучшему, с такими жёнами быт, романтику заедающий, не страшен, только уж больно маятно каждый раз, супругу на прогулку отпуская, гадать: какие за столь невинным развлечением бедствия с последствиями последуют. Ну да ладно, как любил батюшка приговаривать: "мужчинам в этой жизни грех жаловаться на верного скакуна да супругу, ибо сами выбирали". Князь Лисовский знал, что тихо и мирно с Лизхен не будет, да чего пред собой лукавить, за вот эту её склонность к приключениям он её и любит. И в обиду никому не даст!

— Едем, Яков, — князь Лисовский подхватил трость, в оголовье коей хранился кинжал, сунув в карман небольшой револьвер и широким шагом направился к двери. — Я знаю, где найти пана Гроховского.

Вацлав Альбертович, за годы своей не самой спокойной и законопослушной жизни привыкший к капризам пани Фортуны, самонадеянно предполагал, что научился быть всегда и ко всему готовым. И какие бы события не произошли, от благостных до трагических, он с достоинством их встретит и стойко выдержит. Только вот последнее время судьба словно

вознамерилась доказать пану Гроховскому как сильно он заблуждается, регулярно проверяя его тем либо иным способом на стойкость. Сначала единственная дочь, Зося, увлеклась учениями бешеных европейских дам, дерзающих, вот срам-то, лепетать что-то о равных правах для мужчин и женщин. Начитавшись этих дерзновенных произведений, Зося даже заявила, что венчание — пережиток прошлого и можно вступать в плотскую связь с мужчиной без одобрения родителей и благословения церкви. После столь необдуманных фраз Вацлав Альбертович отправил супругу с дочерью на отдых в Ниццу, а сам, пока дамы наслаждались теплом и невинными развлечениями, с помощью своих людей нашёл неразумного, дерзнувшего столь опасные размышления в голове Зосеньки посеять, и скормил ему одну из самых опасных книг. Не всю, конечно, мужичонка слабоват оказался, уже после третьей страницы упал на колени и возопил о пощаде, уверяя, что даже пальцем к девице не притронулся и на невинность её не искушался. После столь бурного покаяния неразумному были всучены все его книги, отвешен чисто символический пинок под то самое место, коим проповедник разврата думал, и указано на дверь. А дабы впавший в немилость не вздумал искать с Зосенькой тайных встреч, Вацлав Альбертович ласково пообещал при следующей встрече обложить кавалера его книжонками и запалить. Пусть-де проповедует свои убеждения подобно великим учёным древности, кои и на костре от идей своих не отрекались.

Вернувшись с отдыха, Зося, к счастью, о свободных отношениях и не помышляла, с головой уйдя в рукоделие, музицирование и прочие невинные забавы, в коих благовоспитанные барышни время коротают. И хоть вышивки получались перекошенными и расплывающимися, на картины без крестного знамения смотреть было совершенно невозможно, а игра на рояле и пение напоминали вопли терзаемой проказником кошки, пан Гроховский готов был смиренно терпеть всё это во имя счастья любимой дочурки. Да и знал Вацлав Альбертович, что недолго сии развлечения будут прельщать сердце Зосеньки, скоро она чем-нибудь новым увлечётся. И дай господь, чтобы это было цветоводство, а не стремительно набиравшая популярность химия. Дочурка ожиданий папеньки не подвела, как-то вечером заявив, что у неё просили руки, и она милостиво согласилась. Пани Ядвига, матушка Зосеньки, от неожиданности даже рукоделие из рук выпустила, а сам пан Гроховский удар принял стойко, только брови приподнял да поинтересовался, кто счастливый избранник. Жених оказался не так уж и плох: князь Чарторыжский, молодой, решительный, ещё по-юношески горячий, но и в пиру, и в миру головы не теряющий. Одно было у кавалера неладно: кроме титула, нрава доброго и лица пригожего предложить своей невесте ему было нечего. Дом, в коем он жил, и тот не ему принадлежал, а брату, кой по доброте и благородству родственника приютил. Деньги, конечно, как церковные проповеди гласят, суета и тлен, но без них семейную жизнь начинать тоже не гораздо, а потому Вацлав Альбертович во имя счастья дочери решил должников своих пощипать, а то некоторые расслабились, наивно решив, что долг карточный позабыт и никто о нём не спросит.

Вот потому пан Гроховский и оказался в тихом провинциальном Затонске, да с Яковом Платоновичем Штольманом не гораздо получилось. Пан думал долг карточный требовать, даже Нину Аркадьевну исхитить приказал, да быстро заметил, что Штольману госпожа Нежинская уже не так и дорога, нашлась замена петербургской интриганке. Помянул Вацлав Альбертович амурные выкрутасы господина следователя тихим незлым словом, по-мужски понял и одобрил его, а после приказал украсть госпожу Миронову, коя занозой в сердце Якова Платоновича сидела. Пан Гроховский понадеялся, что уж теперь-то всё учёл, никуда

господин Штольман не денется, заплатит, как миленький. И надо отдать должное, господин следователь действительно деньги принёс, только пани Фортуна опять коленце выкинула. Сначала Яков Платонович Вацлава Альбертовича в покер вчистую обыграл, словно гимназиста несмышлёного, а потом выяснилось, что дамы, вместо того, чтобы смиренно спасения ждать, в бега подались. Добро, что по лесу поплутав, опять в домик вернулись, иначе семейству Гроховских не на свадьбе гулять бы пришлось, а на похоронах супруга и отца слезами умыться. Уж больно Вацлаву Альбертовичу взгляд господина Штольмана, когда он об исчезновении Анны Викторовны узнал, не понравился. Сердце вещее подсказало: за эту вот госпожу Миронову Яков Платонович голыми руками придушит, а то и загрызёт. Так что, из Затонска пришлось уехать не солоно хлебавши, ну да ладно, бог с ним, с проигрышем. Главное, что хороший человек в амурах своих определился, а должников у пана по всей России-матушке немало, есть кого пощипать доченьке на свадьбу.

Не успел Вацлав Альбертович после сбора долгов толком выдохнуть и хоть немного отдохнуть-успокоиться, как новая беда совсем рядом шальным снарядом грянула: замучили до смерти почтенного антиквара пана Костешского. Пан Гроховский одним из первых понял, что убийство сие не месть и не безумие, а очередной кровавый виток поисков легендарных Карт Судьбы, слухами о коих земля полнится. Вацлав Альбертович супругу к тётке в деревню спровадил, дабы она сердце слабое лишними волнениями не трудила, хотел и дочь туда же отправить, да Зося заупрямилась. У неё, мол через день да в каждый день примерки, сама пани Эреза, известнейшая в городе мастерица, платье свадебное шьёт, путешествовать некогда. Любящий отец спорить с дочерью не стал, лишь охрану к ней и жениху её приставил. Мало ли, что может случиться, алчность до безумия доводит, остатков разума лишает, а доченька одна, её беречь надо.

Тут ещё княгиня Лисовская встречу назначила, да приехала не одна, а с Анной Викторовной, коя стала супругой Якову Платоновичу. Интересовали дам всё те же Карты Судьбы, будь они, право слово, неладны. Вацлав Альбертович вредничать не стал, всё, что знал, поведал без утайки, да в ходе беседы вполне дружеской и озарило его: Карты-то не легенда, они есть! Более того, по непонятной шутке судьбы, находятся они у человека, коий в их свойства волшебные ни на грош не верит, полагаясь лишь на доводы разума, статистику и прочие факты с аргументами. Вы скажете, глупость? Возможно и так, только пан Гроховский посоветовал Елизавете Платоновне с Анной Викторовной проверить колоду Якова Платоновича, а ну, как и правда, это те самые заповедные Карты Судьбы? Дамы, весьма оживлённые, распрощались, а Вацлав Альбертович своего человека кликнул да приказал ему за Штольманом присмотреть. Не корысти ради, а исключительно безопасности для. Сам пан Гроховский точно знал: пророчество мучительной смерти для безумца, на хозяина Карт посягнувшего, никакая не легенда, но тот, кто замучил почтенного антиквара явно не боялся мрачных предсказаний и руки кровью во имя золотого тельца готов был замарать по самые плечи. В одном почтенный пан ошибся: охотник за Картами не станет переть в лобовую, словно разъярённый бык. Нет, он выждет момент и нападёт подло, словно притаившаяся в высоких травах змея.

Анна пришла в себя в мрачной затхлой комнате с наглухо закрытыми окнами, и поломанной, покрытой пылью и паутиной мебелировкой. Вся обстановка так живо напомнила логово сатанистов из Затонска, что барышня невольно содрогнулась и, благо связанной не была, метнулась к выходу. Дверь оказалась заперта. Анна с силой несколько

раз дёрнула за ручку, налегла всем телом, но, увы, путь на свободу не открылся. Барышня повернулась к окнам, но и там её ждало разочарование: массивные ставни прилегали плотно, не пропуская ни малейшего лучика света. Анна Викторовна отбросила выбившиеся из причёски пряди, глубоко вздохнула, прогоняя панику и попыталась призвать призрачных родственников, дабы вместе с ними попытаться найти путь к спасению. Или хотя бы связаться с Яковом, чтобы он, по уже сложившейся традиции, спас свою супругу. И вот почему всегда так, неприятности словно по пятам за Анной ходит, а она ведь ничего, ровным счётом ничего плохого не хотела! Просто поехала с Лизой к портнихе... Кстати, а где Лиза? Анна несколько растерянно огляделась, но в комнате Лизхен не было. Господи, только бы она была жива, а ещё лучше, свободна!

Анна Викторовна ещё раз вздохнула, сосредотачиваясь, закрыла глаза и... ничего. Ни единой призрачной фигуры, ни единого голоса, даже ощущения присутствия нет. Ни-че-го. Анна разочарованно открыла глаза, гадая, что опять стряслось с её даром, куда он пропал, да ещё и в самый неподходящий момент! Право слово, это не дар, а доука сплошная! В Затонске из-за него мало не ведьмой считали, призраки в самый неподходящий момент появлялись, даже спать спокойно не давали, а сейчас, когда он так нужен, её талант медиума пропал бесследно! Анна сдавленно зашипела и в досаде притопнула ножкой. Словно бы откликаясь на сей простой порыв, за дверью раздались шаги. Тяжёлые и уверенные, явно мужские. Яков?! Нет, походку мужа Анна Викторовна узнаёт безошибочно, даже издалека.

В замочной скважине со скрипом и скрежетом провернулся ключ, потом бухнула щеколда, дверь, взыв раненым буйволом, повернулась на ржавых петлях. Анна, благоразумно отойдя поближе к окну, напряжённо всматривалась в стоящего на пороге мужчину. Может, всё-таки Яков? Нет, не он... Тогда кто? Лицо знакомое, Анна его точно видела... А-а-а, так это же господин Уваков! Растерял столичный шик, похудел, костюм уже не такой щёгольский, да и под глазами тени глубокие залегли, и вообще, вид, как иногда говорил доктор Милц, болезненный и нервический.

Илья Петрович входить в комнату не спешил, зорко присматривался к Анне, словно в любой миг ожидал от неё какого-либо подвоха. Повисла нехорошая пауза, во время коей мужчина и барышня внимательно смотрели друг на друга. Наконец, Уваков шагнул внутрь, плотно закрыв за собой дверь и отвесил Анне нарочито вежливый поклон:

— Анна Викторовна, рад приветствовать Вас в моём скромном доме.

— Может быть, перейдём сразу к делу, Илья Петрович, — Анна гордо вздёрнула подбородок, — чего ради Вы меня сюда привезли?

— Мне нужны Карты Судьбы, — Уваков небрежно смахнул пыль со стоящего у стены стула, — присаживайтесь, Анна Викторовна.

— Благодарю, — отчеканила барышня, — узнице в присутствии тюремщика более приличествует выслушать приговор стоя.

— Как хотите, — Илья Петрович передёрнул плечами и сам опустился на стул, кой затрещал, покачнулся, но, к огорчению Анны, всё-таки устоял. — Итак, сударыня, повторюсь, мне нужны Карты Судьбы.

— У меня их нет, — фыркнула Анна. — И вообще, это всего лишь легенда.

— И это мне говорит дама, способная видеть духов, — Уваков коротко и зло хохотнул. — Кстати, полагаю, Вы уже пытались призвать себе на помощь какого-нибудь призрака, так вот, спешу Вас огорчить: духи к Вам не явятся. Катерина, пусть её мятежная душа обретёт покой, дабы не мешать живым, амулетик мне специальная подарила. Вот,

извольте взглянуть.

Илья Петрович вытащил и-за ворота небольшой синий камень на простом кожаном шнуре.

— Какая прелесть, — простодушно восхитилась Анна и потянулась к подвеске, — можно взглянуть поближе?

Уловка почти сработала, Уваков дёрнулся, собираясь снять кулон, но тут же замер и неодобрительно поцокал языком:

— Ай-яй-яй, сударыня, да Вы, никак, обмануть меня хотите?

— И в мыслях не было, — Анна беззаботно пожалала плечиком, — просто хотелось посмотреть украшение поближе. Я люблю синий цвет.

Илья Петрович прищурился, пытаясь понять: действительно ли перед ним наивная глупышка или это очередная уловка. Нет, Штольман, совершенно точно, на дуре бы не женился, значит эта голубоглазая кукла отнюдь не так глупа, как хочет показаться. И больше он не позволит себя обмануть хватит и одного раза, там, в Затонске, когда вот эта вот барышня с самым искренним видом утверждала, что понятия не имеет, где Яков Платонович, а тот, тем временем был в её номере! При воспоминании о крахе, коий он потерпел от рук Штольмана, Уваков заскрипел зубами, пальцы невольно сжались в кулаки, а сердце наполнилось жадой мести. А что, если прямо сейчас наставить Якову Платоновичу рога? Плевать, что дама не в его, Ильи Петровича, вкусе, главное, чтобы Штольман терзался и мучился. Мысль недурна, но тогда лучше осуществить задумку позже, когда Яков Платонович попадёт в ловушку. О да, отличная идея: покуражиться над этой голубоглазой ведьмой прямо на глазах у Штольмана, а потом уничтожить их обоих. Сжечь, чтобы никто и никогда не смог даже тел опознать. Уваков широко улыбнулся, вежливо поклонился и даже каблуками щёлкнул:

— Всего самого наилучшего Вам, Анна Викторовна. Я сделаю всё возможное, дабы Вы как можно скорее смогли воссоединиться со своим супругом... в аду.

— Нет! — Анна бросилась вперёд, стремясь прорваться к двери, но Илья Петрович отшвырнул её в сторону и вышел, заперев за собой дверь.

Анна осталась сидеть на грязном холодном полу, гадая, что ей теперь делать и как предупредить Якова о грозящей ему опасности.

Как гласит пословица: "если на тебя сыплются цветы, посмотри наверх, не летит ли следом горшок". Пан Гроховский, утро коего началось с нежных разговоров с супругой и невинного щебетания о предстоящей свадьбе дочери, а продолжилось общением с двумя очаровательными дамами, расслабился и совершенно позабыл, что миг сладости краток и сменяется горечью. Когда лакей сообщил, что прибыл князь Лисовский, Вацлав Альбертович беды не почувствовал. Да и право слово, разве можно ожидать чего-то дурного от известного и уважаемого человека, даже если он пришёл в компании следователя? Тем более, что Яков Платонович, вроде как, князю родственник. Пан Гроховский, правда, сей вопрос не уточнял, его родословная Штольмана не интересовала, но люди говорили, что они родня.

— Андриш Станиславич, Яков Платонович, какая встреча! — Вацлав Альбертович широко улыбнулся и гостеприимно простёр руки. — Рад видеть Вас в моём доме, милости прошу.

— Пан Гроховский, Вы видели сегодня наших супругов? — Штольман перешёл напрямиком к делу, уж больно беспокойно было на душе.

Вацлав Альбертович принахмурился, прикидывая, что и как ответить. Правду? Ну, она то не молоко на солнцепёке, чай, не прокиснет, подождёт. Слукавить? Рискованно, Яков Платонович шутить явно не намерен, да и у князя вон как желваки гуляют.

— А что случилось, господа? — осторожно поинтересовался пан, на всякий случай делая лакею знак держаться поближе.

Мужчины переглянулись, Штольман чуть приметно кивнул, и князь Лисовский с вымученной улыбкой покался:

— Беспokoимся о них. В городе-то неспокойно, людей убивают.

Пан Гроховский сочувственно покивал, лихорадочно обдумывая, стоит ли говорить всю правду или только часть. Пожалуй, всё рассказывать не стоит, а то ещё, упаси бог, решат, что издеваются над ними, могут и вспылить, и ударить, а он, Вацлав Альбертович, уже не в том возрасте, когда потрясения для здоровья бесследно проходят.

— Господа, предлагаю продолжить наш разговор в гостиной, — пан радушно улыбнулся.

— Да не до гостей нам теперь, — резко возразил Яков Платонович, глубоко пряча руки в карманы, дабы они не выдали его волнения нервной дрожью.

Вацлав Альбертович внимательно посмотрел на следователя. Тогда, в Затонске, когда Анну Викторовну увезли (про себя пан сие действие в отношении барышни Мироновой похищением не называл), Яков Платонович являл собой образец спокойствия и невозмутимости. Сейчас же было заметно, что он весь напряжён и едва сдерживается. Иная угроза или просто пан Гроховский перешёл из категории врагов в разряд знакомых? Всё возможно... А ещё вот это вот волнение и даже редкие, тщательно подавляемые всплески отчаяния затронули сердце Вацлава Альбертовича. Он же тоже человек семейный и жену любит, а потому прекрасно понимает, каково это, не знать, где твоя ненаглядная, но при этом чувствовать, что с ней беда приключилась. Пан Гроховский мог быть жёстким, коварным, хитрым, каким угодно, только не подлым, а потому звучно крикнул пару фраз на польском лакею и серьёзно, без тени притворства, посмотрел на Андриша и Якова:

— Прошу в мой кабинет, господа. Нам есть, что обсудить.

В кабинете Вацлав Альбертович без вопросов плеснул в бокалы коньяк, протянул их гостям, сделал глоток сам, покатал обжигающую влагу во рту, тщательно обдумывая слова. Говорить или нет о Картах Судьбы? Пожалуй, не стоит, Яков Платонович человек рациональный, ещё решит, что над ним издеваются. Но если промолчать, это может быть пагубным для дам. Что ж, пожалуй, можно озвучить полуправду, пока верные люди выясняют, где Елизавета Платоновна и Анна Викторовна.

— Андриш Станиславич, а куда могли отправиться Ваши супруги?

Князь Лисовский пожал плечами:

— Лизхен сказала, что они хотят прогуляться по магазейнам.

— Мы виделись сегодня утром в кофейне "Викторин". Дам интересовала легенда о Картах Судьбы... и я могу предположить, что сии Карты интересуют не только их. Яков Платонович, мои люди сообщают, что видели в городе пана Увакова.

Яков Платонович вздрогнул, сжал губы, взгляд его заледенел, ноздри чуть приметно затрепетали.

Вацлав Альбертович кивнул, сделал ещё один глоток:

— Полагаю, у Ильи Петровича есть много причин желать зла Вам и Вашей семье, я прав?

— Так чего же мы сидим?! — Андриш Станиславич вскочил, чуть не выплеснув на себя содержимое бокала. — Нужно немедленно...

— Присядьте, князь, — пан Гроховский откинулся на спинку кресла, задумчиво посмотрел в окно, — мои люди уже ведут поиски.

— Пани Эреза, — Штольман сверкнул глазами, чувствуя себя наконец-то вышедшей на след добычи гончей, — Лизхен же модница, а эта пани самая известная в городе портниха!

— И кроме того чудачка, любительница одиноких пеших прогулок по городу, причём в позднее время, — горячо добавил князь Лисовский.

— Они с Анной точно найдут общий язык, — Яков Платонович усмехнулся, вспомнив, как часто в Затонске Анна прибегала к нему, да и не только к нему, в неурочный час.

— Едем к ней, — Андриш круто повернулся на каблуках, — Лизхен и Анна Викторовна наверняка заглянут к пани Эрезе!

— Постойте, господа, я мог бы... — но пана Гроховского господин Штольман с князем Лисовским даже слушать не стали. Коротко поклонились и вышли, даже выскочили, быстрее, чем выпущенные на охоту соколы. И горе будет тем, кого они сочтут своей добычей!

— Вот ведь, что любовь-то с людьми делает, — вздохнул Вацлав Альбертович, неожиданно почувствовав себя глубоким старцем. — Надо будет всё же сказать Томашу, чтобы присмотрел ненавязчиво, а то мало ли, что с этими горячими головами будет. Эх, молодость, молодость...

Домик пани Эрезы располагался на тихой небольшой улочке, кою честнее было бы тупичком назвать. Обычно днём людей там не было, все расходились — разъезжались по делам служебным, бонны с подопечными шли в парк гулять, а старики и старушки дремали в глубоких креслах в зашторенных комнатах, наслаждаясь тишиной и покоем. Так было всегда, с самых первых обитателей этой улочки, поэтому, когда князь Лисовский заметил перекрывающую дорогу толпу, сердце его неприятно сжалось. Что могло произойти такого, что разом перечеркнуло налаженный быт всех жителей? Вряд ли, они на гуляние собрались, вон, лица какие бледные и напуганные, да и шепотки долетают: "убили, покалечили, исхитили".

Яков Платонович терзаться неизвестность не стал, спрыгнул с экипажа, даже не дожидаясь, пока он окончательно остановится, и решительно шагнул к пытающему сдерживать напирющую толпу городовому:

— Что тут произошло?!

Властный, не терпящий возражений голос оказал волшебное действие. Городовой вытянулся во фронт и звучно, так что его даже задние ряды любопытствующих услышала, отрапортовал:

— Душегубство, Ваше Высокоблагородие.

Штольман выразительно приподнял бровь, огляделся, заметив пятна крови на истоптанной земле:

— А конкретнее?

— Одну девицу в экипаже увезли, а другая сбежать попыталась, так в неё из револьверов палили и ранили. Пан Шкловский, как разбойные уехали, внучка своего за дохтуром да нами послал. Во время лиходейства-то выйти не решился, старый он, да одинокий, с внучком семилетком живёт, а тех четверо было. Трое-то совсем морды катовые, а четвёртый вроде

даже благородный, и девицы его признали.

Яков Платонович сглотнул тугой ком в горле, трость в руках завертел:

— Где пан Шкловский?

Городовой виновато ссутулился:

— Виноват, Ваше Высокоблагородие, его тоже в больницу увезли. Сердце у старика прихватило от потрясений-то.

— А внук его видел барышень? — Штольман предпочитал смотреть правде в глаза и не питать иллюзий, пусть и радужных, а потому уже догадывался, кого увезли в экипаже. И по чьему приказу, тоже предполагал.

Городовой позволил себе улыбнуться и бодро гаркнуть:

— Видел, Ваше высокоблагородие. Он первый в окошко-то и высунулся, дед-то старый, не сразу понял, что да почему происходит. А мальчонка, бисова душа, ещё и на улицу порывался, пан Шкловский его мало не за порты держал.

Осторожно, бочком, подошедший взъерошенный сероглазый паренёк в простой одежде с нашитыми на коленях и локтях заплатами звучно шмыгнул носом и обиженно прогудел:

— И ничуть не за порты. Енто Вы сочиняете, Адам Адамович.

— Вот он, Карлушка, — городовой потрепал мальчонку по светлым вихрам и отвесил символический подзатыльник. — Ты почто, шкет, в разговоры взрослых лезешь? Мало тебя дед порол, морда любопытная.

Яков Платонович наклонился к пареньку, положил ладонь ему на плечо:

— Карл, ты видел дам, на коих нападение было совершено?

Мальчуган вытер нос рукой и ответил протяжно, явно подражая кому-то из взрослых:

— А как же, Ваше Высокородие, видал. Подробненько рассмотрел и их, и экипаж, и разбойных... Хотел на улку выскочить и спасти девиц, да дедка не пустил, осторожен он у меня дюже.

Штольман сжался, готовясь к самому худшему:

— Как они выглядели?

— Одна такая, — Карл замахал руками, забавно надувая губы, — благородная, одним словом, княгиня, не меньше. Краси-и-ивая, точно картинка с рождественской открытки, а ногами машет чисто шалопут уличный. Как она ентому, с усами, зафинтилила, я аж в ладоши захолопал.

Красивых барышень, умеющих махать ногами Яков Платонович знал мало, всё-таки не каждая девица могла похвастаться большим количеством братьев. И далеко не у каждой братья с охотой таскали за собой сестрёнку, обучая её всему, что знали сами.

— А другая такая, — Карл болванчиком покачался из стороны в сторону, — миленькая. Чудная немного, в садочке пани Эрезы застыла, точно призрака увидала, а потом они с той, второй, точно пичуги перепуганные прочь бросились и аккурат на троих держиморд напоролись. А с ними ещё такой цивильный был, с усами. Я думал, он барышням поможет, а он, когда огрѐб, стрелять приказал, а потом в экипаж вскочил, и только пыль столбом взметнулась, во, как гнали!

Мальчуган с чувством выполненного долга шмыгнул носом и застыл, гордо выпятив тощую грудь.

Штольман медленно выдохнул, стараясь не представлять того, что случилось на этой некогда тихой улочке. Сейчас нужны не эмоции, а факты, на чувствах далеко не уедешь.

— Куда экипаж направился, не заметил?

— Обижа-а-аете, барин, — укоризненно протянул мальчуган, — я всегда всё замечаю, деда говорит, у меня и на затылке глаза есть. Поехал он в сторону Крысиного переулка, тамотки всегда весь сброд останавливается или у Нюрки рябой или у панны Касинской, но та абы кого не пускает, она девка с норомом, ей только чистых да богатых подавай.

Названных мальчишкой особ Яков Платонович знал весьма недурно, случалось пересекаться с ними по делам служебным. Значит, придётся навеститься к обеим, да не одному, а с городовыми, мало ли, кто может у радушных хозяек обнаружиться.

— А барышню, в которую стреляли, куда увезли?

В живучести сестры Штольман не сомневался, но проверить всё же не мешало. Как говорится, доверяй, но проверяй.

Карл поскрёб вихрастый затылок, пожал плечами, отчего рубашонка перекосилась, съехав с одного плеча:

— Дык в больницу, куды ещё? Дохтур сказал, у неё плечо наскрозь прострелено, а крови она немного потеряла, деда её быстро перевязал. А потом занедужил, у меня мамка после родов кровью изошла, спасти не успели, вот деда теперь и боится крови-то.

— Благодарю, — Яков вынул из кармана монетку, протянул мальчугану, — вот, держи, это тебе.

— Благодарствую, барин, — Карлуша поклонился и даже ногой шаркнул, а потом вскинул на Штольмана бедовые серые глаза. — А хотите, я Вам всё про ентот экипаж разузнаю?

Яков Платонович отрицательно покачал головой:

— Нет. Это слишком опасно.

Мальчуган деловито сплюнул сквозь зубы, опять-таки копируя кого-то из взрослых, поддёрнул норовящие свалиться штаны:

— Енто для взрослых опасно, потому как их всегда все замечают. Вот Вас, например, легко увидеть, Вы приметный. А на детей, как на воробьёв, толком никто и не смотрит.

Штольман поджал губы. Что верно, то верно, на малышню, особенно, если она под ногами не путается, внимания не обращают, это он хорошо помнил ещё со времён детских проказ. Но рисковать жизнью этого мальчугана и его приятелей не хотелось, Уваков точно никого щадить не станет, не такой он человек, чтобы скидки на возраст делать.

— Яков, — Андриш, пока Штольман общался с городовым и мальчишкой-свидетелем, времени тоже даром не терял, потолкался среди любопытных, словно комары налетающие на свежую кровь, — Анну Викторовну украли, а Лизхен в больнице. Плечо прострелено, не жива, слава богу.

— Ты отправляйся к ней, а я займусь поисками Анны, — Яков Платонович круто повернулся на каблуках, но далеко уйти не успел.

Во двор зашёл длинный белобрысый парень, огляделся по сторонам, а затем уверенно направился к Штольману, окинул его внимательным взглядом и не столько спросил, сколько подтвердил свою догадку:

— Вы Штольман, Яков Платонович.

— Он самый, — Яков холодно смотрел на посыльного, гадая, удастся ли проследить за ним. Мальчишка явно уличный, а значит, ловкий и хитрый, иные до таких лет не доживают, замерзают в первую же зиму или погибают весной от голода.

— Вам письмо, — парень протянул аккуратное сложенное послание, — от господина

Увакова. Он сказал, Вы его знаете.

Штольман коротко кивнул, подтверждая знакомство.

— На словах велено передать, что ежели Вы чудить начнёте, то одним медиумом на сём грешном свете станет меньше, — парень усмехнулся, сплюнул под ноги. — Прощевайте, барин, ответа велено не ждать.

Гонец вальяжно направился со двора, полный осознания собственной важности. Слежки он не боялся, точно зная, сможет уйти от любого хвоста. Только вот на светлоголового мальчонку, шмыгнувшего следом, внимания не обратил. Правду говорят, малышня она как воробьи, на них никто не смотрит, ежели под ногами не путаются.

Яков Платонович развернул записку, написанную чётким каллиграфическим почерком, коим так гордился господин Уваков. Послание гласило: "Яков Платонович, в пору нашего знакомства в Петербурге, Вы увлекались игрой в карты. Сейчас я предлагаю нам, двум давним приятелям, встретиться и сыграть партеечку. Отказываться, равно как и горячиться, не советую, на кону жизнь Вашей супруги. Мой человек будет ждать Вас сегодня в 19.00 у калитки дома пани Эрезы. Если опоздаете, не придёте или будете не один, то Ваша супруга умрёт. Надеюсь на Ваше благоразумие."

Подписи не было, да она была и не нужна, Штольман прекрасно понял, от кого письмо.

— Яков? — Андриш настороженно смотрел на друга. — Дурные вести?

Яков Платонович молча протянул записку. Князь быстро пробежал её глазами, потом перечитал ещё раз, уже более внимательно и присвистнул:

— История... И что ты намерен делать?

— До семи искать Анну, а потом, если не найду, где Уваков её прячет, вернусь сюда.

Князь Лисовский так и вскинулся, словно полковая лошадь, услышавшая звук горна:

— С ума сошёл? Тебя убьют, тем дело и кончится!

— А что ты предлагаешь?! — рявкнул Яков и уже тише продолжил. — У него Анна и церемонится он точно не будет.

— Я пойду с тобой.

— Нет, это слишком опасно. Лучше отправляйся к Лизхен, узнай, как она и будь рядом с ней. Кто знает, может, Уваков захочет закончить начатое и попытается её убить.

— Но... — начал было князь, но Штольман прервал его решительным взмахом руки:

— Никаких но!

Яков Платонович призывно махнул рукой извозчику и негромко назвал ему адрес панны Касинской. Дама отличалась ревностью, поэтому вряд ли Илья Петрович дерзнул бы оставить у неё Анну, но, может, удастся напасть на след Увакова? Такого эффектного мужчину панна точно не пропустит, всенепременно попытается залучить к себе.

День прошёл в бесплодной, не приносящей ни малейшего утешения, беготне. Яков Платонович обошёл едва ли не все известные в городе притоны, побывал даже в трёх публичных домах, вызвав ажитацию среди девиц, но никто ничего не мог сказать ни об Анне, ни о господине Увакове, они словно в воду канули или растворились, не оставив следа. Время подходило к семи вечера, а потому Яков Платонович решил направиться на место встречи. Рискованно? Без сомнения, но это единственный шанс найти Анну. Что за дикая идея пришла Увакову в голову, зачем ему понадобилось играть на Аню? На что он рассчитывает? Штольман крепко сжал губы, подавляя стон боли. Господи, только бы Аня была жива...

— Яков Платонович, Яков Платонович, да погодите же, — раздался за спиной прерывистый мальчишеский тенорок. — Пойдите, я же не успеваю!

Штольман повернулся и увидел Карлушу, ещё более встрепанного и чумазого, чем утром. Паренёк рукавом вытирал пот со лба и шумно, как маленький самовар, пыхтел.

— Ох, и шибко ж Вы ходите, — устало выдохнул мальчуган и покачал головой, — чисто бесы за Вами гонятся.

— Ты чего хотел-то? — до места встречи оставалось недалеко и Яков Платонович решил как можно быстрее отправить мальчугана домой, а то мало ли, вдруг посыльный Увакова решит, что Штольман не выполнил условий и пришёл не один.

Карл ещё протёр рукавом лоб, опасливо огляделся и выдохнул:

— Я знаю, где пани, которую увезли. Я за посыльным проследил, он от старших шарахался, а меня, кура слепая, даже не заметил.

Известию о рождении братьев и сестры Яков радовался и то меньше, чем этому сообщению. Казалось, над потемневшим городом даже радуга засияла, разогнав сгустившийся в душе Штольмана мрак.

— Где она?

Карл облизнул пересохшие губы, махнул рукой:

— Я покажу. А Томаш вместо Вас пока побудет, чтобы никто ничего не заподозрил, и мы успели добраться. А те трое, что с Томашем, они с нами поедут, тамотки, где барышню держат, помимо цивильного господина ещё трое головорезов. Один меня едва не застукал, да я успел сбежать.

Мальчишка, неожиданно ставший самым настоящим героем, продолжал сбивчиво рассказывать обо всём на свете, перескакивая с одного на другое и размахивая руками, но его никто не перебивал, что тоже было весьма приятно и удивительно. Томаш, бесшумно вынырнувший из сгущающихся сумерек, быстро поменялся с Яковом Платоновичем одеждой, взмахом руки подозвал трёх своих спутников и на польском приказав им сопровождать Якова Платоновича и охранять его.

Под предводительством Карла, с самого начала пути притихшего и построжевшего, Штольман добрался до невысокого дома, чьи наглухо заколоченные окна не пропускали ни единого лучика света.

— Туточки, — прошептал Карлуша, вытирая рукавом нос. — Он тот ставешек чутка отходит, тамотки можно барышню узреть.

Яков Платонович легко перемахнул через невысокий забор, вызвав ободрительный присвист у мальчишки и приглушённое одобрительно ворчание у старших спутников, и припал к указанному ставню. Случайно ли так совпало, или же Анна что-то почувствовала, но в тот самый миг, как Яков заглянул в окно, она подняла голову, и их взгляды встретились.

— Яков, — ахнула Анна Викторовна, вскакивая на ноги и бросаясь к окну, — Яша, Яшенька...

Пронзительный скрип двери ринул барышню с небес счастья на грешную землю, заставив испуганно вздрогнуть и отпрянуть от окна. К сожалению, не слишком поспешно, потому как Илья Петрович поставил на стол принесённую лампу, настороженно осмотрелся и тоже подошёл к окну, заглянул в щёлку, постоял так некоторое время, а потом озадаченно хмыкнул:

— И кого это Вы, сударыня, там увидели?

Анна пожала плечами:

— Никого. Просто скучала и смотрела в окно.

Глухой шум, донёсшийся с улицы, заставил Увакова хищно оскалиться и нервно схватиться за револьвер:

— Предупреждаю сразу: если Вас попытаются освободить силой, я буду стрелять. И рука у меня не дрогнет.

— Зато голос дрожит, словно заячий хвост, — Яков Платонович, как всегда, спокойный и невозмутимый, появился на пороге комнаты, смахивая с рукава незримую пыль.

— Вы?! — Илья Петрович резко повернулся к неожиданному визитёру, от растерянности даже позабыв про оружие. — Как... что...

— Вы сами пригласили меня на карты, — Штольман достал из внутреннего кармана колоду, покрутил её в пальцах. — Приступим?

Уваков зачарованно уставился на карты, нервно облизывая разом пересохшие губы и часто сглатывая.

"А ведь был хорошим следователем, — мрачно подумал Штольман, — и что с ним стало? Прав отец, все беды в этом мире происходят из-за жадности и глупости".

— Вы проиграли, господин Уваков, — холодно отчеканил Яков Платонович, — игра закончена.

— Ошибаетесь, — прошипел Илья Петрович, раздвигая губы в хищной усмешке, — всё только начинается.

Уваков отпрянул к столу, схватил лампу и швырнул её себе под ноги, бешено проорав:

— Сгорите в аду!

Пламя с треском и рёвом взвилось вверх, старый дом, несколько дней самым тщательным образом пропитываемый маслом и прочими горючими жидкостями стремительно превращался в огненную ловушку. Яков схватил Анну за руку и бросился к выходу, Уваков метнулся им наперерез, но оступись и рухнул на пол, не выронив оружия. Грохнул выстрел, Анна испуганно взвизгнула и тут же закашлялась от едкого дыма.

— На улицу, быстрее, — приказал Штольман, стреляя в ответ и тут же отшатываясь за угол, дабы защититься от ответного залпа.

Дом разгорался всё быстрее, уже начали угрожающе трещать балки. Илья Петрович, грубо ругаясь сквозь зубы, кое-как поднялся на ноги, направился к выходу из комнаты, и тут ему навстречу прямо из пламени шагнула девушка. Та самая, кою замучила для того, чтобы увидеть хозяина Карт Судьбы. Уваков испуганно отпрянул, судорожно нашаривая защищающий от духов амулет и не находя его. Видимо, шнурок оборвался, а Илья Петрович этого даже не заметил. Призрачная девица продолжала наступать, а потом вскинула руки и буквально швырнула своего погубителя в языки пламени. Раздался отчаянный, полный животной боли вопль, затем ещё один, ещё, а потом всё стихло. Уваков Илья Петрович перестал существовать, приняв мучительную, обещанную Картами Судьбы, смерть.

Анна и Яков, задыхаясь и отчаянно кашляя, выбрались из дома и успели отбежать к воротам, когда здание протяжно застонало, словно смертельно раненый зверь, и рухнуло, обдав всё вокруг снопом искр.

— Всё живы? — хрипло спросил Штольман, глядя на своих спутников. — Аня, как ты?

Анна Викторовна нашла в себе силы слабо улыбнуться и погладить мужа по измазанной сажей щеке:

— Всё хорошо, я цела. А у тебя рукав мокрый, ты ранен?

— До годовщины свадьбы заживёт, — усмехнулся Яков Платонович, чувствуя, как у

него от облегчения начинает кружиться голова. — Главное, ты цела, всё остальное ерунда.

Анна горестно всхлипнула, прижалась к мужу:

— Прости. Я правда не хотела, оно само так получилось, я не нарочно.

— Я уже говорил: неприятности ходят за тобой по пятам. И я начинаю к этому привыкать, — прошептал Яков, нежно вытирая одинокую слезинку со щеки жены.

Обо всём случившемся, а самое главное, о Картах Судьбы, разговор в семействе Штольманов зашёл лишь через три дня. Лизхен, всё ещё немного слабая после ранения отложила в сторону модный журнал, поправила укрывающий ноги плед и спросила, хитро покосившись на Анну:

— Яков, а что бы ты сделал, если бы Карты Судьбы были у тебя?

Яков Платонович, передвинул ладью, ознаменовав тем самым победу в шахматной баталии с Андришем, и ответил не раздумывая:

— Спалил бы их в камине, чтобы они никому больше жизнь не портили.

Анна и Лизхен опять переглянулись, после чего Елизавета Платоновна покачала головой и вздохнула:

— Что ж... Остаётся порадоваться тому что Карты Судьбы — это всего лишь легенда. Да, Аннушка?

— Да, — подтвердила Анна Викторовна, грея руки о тёплые, даже горячие, карты, кои взяла у мужа, — это всего лишь легенда.

Когда-нибудь позже, когда чуть позабудется история с поисками Карт, Анна непременно расскажет Якову Платоновичу обо всём, а пока пусть это будет их с Лизхен маленьким женским секретом.

— Кстати, Яша, маменька телеграмму прислала, приглашает нас в Затонск. Поедем?

Штольман обнял жену, зарылся лицом в пушистые тёплые завитки на макушке и прошептал:

— Обязательно. С тобой хоть на край земли.

Анна обняла мужа, Карты, кои она держала в руках упали причудливым раскладом, обещая дорогу, любовь, друзей и новые приключения, но на них никто не обратил внимания.

Дело Ъ 3. Достойный наследник

За то время, что Анна Викторовна и Яков Платонович провели вдали от Затонска, в тихом городке ничего не изменилось, может, лишь чуть облупилась краска на вокзале, да поседели усы станционного смотрителя, а так всё осталось прежним, словно и не было этих наполненных то тревогой, то счастьем дней. Два носильщика, с ярко надраенными номерными бляхами на груди, лениво перебрасывались фразами, щедро сдабривая речь солёными шутками, под навесом, построенным на случай непогоды, стояли три брички, на козлах коих дремали возницы.

"Совсем как в день моего приезда, — подумал Яков Платонович, невольно потирая раненое во время дуэли с князем плечо, хотя оно давно уже не болело — ничего не изменилось".

— Яша, смотри, — Анна, с широкой улыбкой оглядывающаяся по сторонам, затеребила мужа за рукав, — маменька нас встречает. А с ней дядюшка! — барышня восторженно захлопала в ладоши. — Как здорово, что он приехал, а ведь уверял, что в Затонск больше не вернётся!

— Annette, ты стала ещё прекрасней, — Пётр Иванович подошёл к племяннице,

расцеловал её в обе щёки, вежливо и даже чуточку старомодно поклонился Штольману, — Яков Платонович, рад, очень рад встрече.

— Аннушка, — замешкавшаяся из-за нового платья, привезённого Петром Ивановичем из Парижа, Мария Тимофеевна радостно обняла дочь, не преминув придирчивым материнским оком изучить: не похудела ли дочурка, не покраснели ли её глаза, да не ввалились ли щёчки. — Аннушка, как же я рада тебя видеть! Яков Платонович, добро пожаловать.

— Благодарю, — Штольман поцеловал протянутую ему руку, вежливо поклонился. — Мария Тимофеевна, Вы прекрасно выглядите.

— Благодарю, — женщина слегка кокетливо улыбнулась, по привычке взбивая тонкими пальцами волосы на виске.

— Карета уже подана, — шутливо провозгласил Пётр Иванович, не большой охотник до всех великосветских куртуазностей, — предлагаю направиться домой, пока нас дождём не накрыло.

— А папенька где? — Анна ещё раз окинула взглядом перрон, но Виктора Ивановича нигде не было.

Мария Тимофеевна досадливо поджала губы, чуть нахмурившись, а Пётр Иванович вздохнул и громким театральным шёпотом произнёс:

— Тузя... Или Кузя...

— Что? — Анна Викторовна озадаченно посмотрела на дядюшку.

Мария Тимофеевна досады сдержать не смогла, произнесла резче, чем того приличия предполагали:

— К Аверьяновой он поехал, Елизавете Ильиничне. В очередной раз завещание переписывать.

— В очередной — это в какой? — любопытствовал Яков Платонович.

Пётр Иванович поднял глаза к небу, губами зашевелил и пальцы стал загибать, что-то подсчитывая:

— Если я ничего не упустил, то уже в пятый.

— Седьмой, — резко поправила родственника Мария Тимофеевна, — ещё два раза переписывали завещание, когда Вы в Париже жили.

Господин Штольман выразительно приподнял бровь. Его родители к последней воле относились ответственно, оно и понятно, семейство-то немалое, нужно всё расписать и самым тщательным образом подготовить, дабы никого не обидеть, отец тоже завещание переписывал, но всего один раз. А ещё любящие родители, предчувствуя свой конец, написали каждому из своих отпрысков прощальные письма, своего рода последний завет и привет, причём каждому свой, сообразно характеру и роду деятельности чада. Послания, адресованные ему, Яков открыл и прочитал только в Лондоне у Вильгельма, до тех пор не мог, тщательно спрятав их в стопке книг и утаив на самом дне сердца.

— Что же в этот раз приключилось, что Елизавета Ильинична решила духовную переделать? — спросила Аннушка, горя желанием узнать обо всех новостях родного городка. Пожалуй, она даже соскучилась немного по размеренности Затонска и прозрачности жизни его жителей.

Пётр Иванович развёл руками:

— Так я же говорю: Тузю почтенная вдова вспомнила. Или Кузю, котика своего... очередного.

Яков невольно усмехнулся:

— И сколько же их?

Пётр Иванович опять руками развёл:

— Сие есть тайна, неведомая даже хозяйке. Каждый раз, как новый любимец обнаруживается, почтенная госпожа Аверьянова посылает за Виктором Ивановичем и велит его включить в завещание очередного пушистого наследника.

— А что же, иных родственников у Елизаветы Ильиничны нет? — Яков Платонович не знал обсуждаемой дамы и очень надеялся, что судьба будет милостива и уберезёт его от знакомства с этой оригиналкой, но привычка следователя во всём и всегда добираться до сути не оставляла.

Мария Тимофеевна всплеснула руками:

— Да как не быть, есть, конечно! Сын с супругой и их пятилетней дочкой, но они в Затонск только на праздники приезжают, малышка от шерсти задыхаться начинает. Затем ещё племянник, сын покойного брата, тот постоянно в доме живёт. Был студентом столичного университета да, говорят, принял участие в каком-то бунте, его и отчислили.

Пётр Иванович кашлянул. Он прекрасно знал, что молодой Аверьянов просто спустил в карты оставленные ему отцом деньги, работать не захотел и предпочёл поселиться у тётки, алкая богатого наследства. Версия с политическим мотивом ссылки звучала не в пример благороднее, поэтому как оно было на самом деле племянник никому в Затонске не рассказывал.

— Затем ещё в доме проживает сестрица Елизаветы Ильиничны с воспитанницей, — продолжала перечислять Мария Тимофеевна, опять вызвав короткий, под кашель замаскированный, смешок у Петра Ивановича, кой был очень хорошо осведомлён, что дама, которую в Затонске все считали старой девой, мужа никогда не имевшей, долгое время была содержанкой одного богатого банкира в Париже. Потом старик умер, и его родственники указали любовнице и её малютке дочери на дверь. Дама перебралась в Петербург, какое-то время послужила там в доме терпимости, а затем, когда дочка выросла, приехала в Затонск, сказав, что взяла себе воспитанницу дабы не коротать старость в одиночестве.

— Ещё Елизавета Ильинична дала кров своей старой тётке, у коей дом в Саратовской губернии при пожаре сгорел, — Мария Тимофеевна мысленно посчитала обывателей дома госпожи Аверьяновой, — да вот, пожалуй, и всё. Слуг я не считаю, Елизавета Ильинична и сама не знает, сколько их у неё.

"Бедлам", — подумал Яков Платонович, невольно вспомнив дом родителей, в коем всё и всегда располагалось на своих, единожды установленных, местах. Конечно, пятеро мальчишек и одна, ни в чём братьям не уступающая, девчонка регулярно являлись камнями, запускаемыми в тихий пруд, то громко о чём-то споря то проводя какие-то опыты с экспериментами, а то и подравшись, кулаками доказывая правоту собственных предположений. Но их возня, взбаламучивая на краткий миг покой в доме, не могла расшатать устои порядка и спокойствия, основой коего являлась сама Марта Васильевна.

Штольман вздохнул, вспомнив мягкий негромкий голос матери, её светлые глаза, вззирающие на супруга и чад с безграничной нежностью и любовью. Марта Васильевна ни единого мига не сомневалась, что у неё самый лучший муж и самые замечательные дети, даже когда сыновья являлись домой перемазанными как прах и больше похожими на разбойников, чем на благовоспитанных молодых людей. Эту свою незыблемую веру матушка передала детям, каждый из них твёрдо знал: какие бы тучи не сгушались на горизонте, какие

бы шторма не бушевали вокруг, они со всем справятся. А если у самих сил не хватит, на помощь придут родные либо же иные хорошие люди, коих на свете гораздо больше, чем людей дурных. И даже в самые мрачные часы невзгод и испытаний в глубине души, в самом потаённом уголке сердца, куда лишь Аннушка смогла пробраться, жила у Якова Платоновича эта вера в лучшее. И сейчас живёт, подпитываемая любовью супруги и теплом, на кое так щедрь братья и сестрица с их семействами.

— Яша? — Аннушка своим любящим сердцем безошибочно уловила светлую грусть мужа, с волнением заглянула ему в глаза. — Что-то не так?

Ещё не так уж и давно, каких-то три года назад, Яков Платонович ни за что не стал бы поверять свои размышления о семье, кои хранил трепетно, словно Кощей либо дракон злато. Сейчас же он лишь чуть смущённо улыбнулся, затеребив по привычке левый манжет и ответил:

— Родителей вспомнил.

— Они у тебя хорошие, — Анна Викторовна улыбнулась, вспомнив призрачных родственников и добавила, — и очень тебя любят.

Лицо Штольмана озарила улыбка. Не официальная, чуть приподнимающая уголки губ и оставляющая холодным взгляд, а ясная и чистая, словно озаряющая и согревающая всё вокруг. Пётр Иванович, случайно поймавший эту улыбку, поспешно отвернулся, словно бы увидел что-то для чужих глаз не предусмотренное. А ещё господин Миронов с лёгким сожалением подумал, что, пожалуй, зря он так цепей Гименя-то избегал. Конечно, кому-то они оковы неподъёмные почище кандалов каторжных, но есть ведь и те, для кого это связь бесценная с душой любящей и любимой. Витя-то, вон, тоже счастлив в браке, хоть Машенька у него порой и становится воительницей — надзирательницей.

Не успел Пётр Иванович о брате вспомнить, как тут же его и заприметил. Виктор Иванович сидел на веранде, на коей семейство любило за чаем собираться, и газету читал, листы сердито перелистывая. На звук подъезжающего экипажа господин Миронов от чтения оторвался, и на его сумрачном лице улыбке заиграла, и глаза засияли.

— Папенька, — Анна сама из экипажа выпорхнула, помощи мужа не дождавшись, к отцу подскочила и обняла, звучно в щёку поцеловав, — как же я рада тебя видеть!

— Взаимно, — Виктор Иванович на миг дочь отстранил, окинул взглядом внимательным, изучающим, убедился, что Аннушка, как говорится, цветёт и пахнет и собой вполне благополучна, и снова к груди её притиснул. — Я тоже рад тебя видеть, дочка.

— Все за стол, — распорядилась Мария Тимофеевна, начиная приятные хлопоты по приёму дорогих гостей. — Прасковья, завтрак неси!

— Нам бы умыться с дороги, — Яков Платонович смахнул с рукава дорожную пыль и добавил. — И переодеться.

— Я провожу, — Анна восторженно, словно маленькая девочка, получившая большой рождественский подарок, захлопала в ладоши, — идём.

Мария Тимофеевна задумчиво посмотрела вслед дочери и зятю, вздохнула, прижалась к мужу, припав головой к его плечу:

— Любит она его, это давно было понятно. А он её любит? Как думаешь?

— Любит, — уверенно ответил Виктор Иванович и добавил с тихим вздохом, — больше жизни.

Пётр Иванович опять вспомнил улыбку Штольмана и молчаливо с братом согласился. А ещё посмотрел на брата с женой, прислушался к счастливому, точно перезвон

колокольчиков на лугу, смежу Аннушки, долетающему из дома и с особой остротой ощутил собственную неприкаянность на этом свете. Может, стоит жениться, взбаламутить болотце Затонска, ведь ещё и не так стар? Пётр Иванович крикнул, налил себе коньячку, благо Мария Тимофеевна, разомлевшая от приезда дочери и крепких объятий мужа бдительность утратила, и разом осушил рюмочку. Право слово, любовь словно простуда, так и разливается в воздухе, заражая всё вокруг, впору нос и рот, как советует в таких случаях доктор Милц, платком закрывать!

Приготовленные для дорогих гостей комнаты Аннушка нашла без труда, матушку-то она хорошо знала. Мария Тимофеевна приказала проветрить и как следует протопить комнату дочери и ещё одни покои, соседние, в коих, по изначальной задумке матушки, дочка должна была рукоделием заниматься да переписку вести. Анна же всем занятиям, приличествующим благовоспитанным барышням, предпочитала спиритизм да катание на велосипеде, а потому в комнату если и заглядывала, то только в компании Марии Тимофеевны под её строгим надзором и чутким руководством.

"Теперь всё будет иначе, — Анна Викторовна провела пальчиком по полке с книгами, выглянула в окошко, — эта комната станет моей самой любимой, ведь она Яшина".

Яков обнял жену, уткнулся лицом в пушистые завитки на макушке, Анна в ответ всем телом прижалась к мужу, наслаждаясь излучаемыми им теплом и силой, такими родными и желанными.

— Аня, — прошептал Яков, расстёгивая маленькие пуговицы на лифе жены.

Анна подняла на мужа сияющие голубые глаза, прошептала хрипловатым от сдерживаемых чувств голосом:

— Нас родители ждут.

— Я знаю, — выдохнул Штольман, целуя супругу в плечико.

Анна вздохнула порывисто, потянулась, снимая с мужа сюртук и слегка досадуя, что нельзя разом и от рубашки его избавиться.

— Аня, — Яков чуть отстранился, восхищённо глядя на жену, — драгоценная моя... Люблю тебя.

Анна прижалась к мужу, припала к его губам, но сладкий миг единения нарушил стук в дверь и голос горничной:

— Анна Викторовна, Яков Платонович, Мария Тимофеевна прислали сказать, что завтрак готов, все уже собрались, только Вас и ждут.

— Маменька, — с нескрываемой досадой прошипела Анна, — вот ведь, как нарочно, право слово!

Яков негромко рассмеялся:

— Готов ручаться, что нарочно, Мария Тимофеевна крайне строга в вопросе приличий.

Анна сердито глазами сверкнула, став в этот миг такой хорошенькой, что Яков не стал бороться с соблазном. Привлёк жену к себе, поцеловал, но потом всё же нашёл силы отстраниться и хриплым от сдерживаемой страсти голосом прошептать:

— Нужно идти. Нехорошо заставлять себя ждать.

Анна вздохнула тоскливо, чуть подрагивающими пальчиками застёгивая и поправляя платье. Право слово, маменька никак не хочет принять тот факт, что дочь её уже не просто взрослая, а ещё и замужняя дама, продолжает опекать и о чести заботиться! Словно боится, что Яков Анну соблазнит, потом наиграется ей, словно куклой какой и бросит! Да, такое

случается, даже в Затонске тихом и то пару раз было, но нельзя ведь всех мужчин по паре негодяев судить! Это же глупо в конце-то концов!

Когда Анна Викторовна и Яков Платонович спустились к завтраку, Виктор Иванович с братом благородно сделали вид, что не заметили небрежно застёгнутых пуговиц на лифе Анны и того, что рубашка господина Штольмана была расстёгнута едва ли не до середины груди. А уж то, что молодые люди, которые поднимались к себе переодеваться, спустились вниз в той же самой одежде и вовсе внимания не заслуживало. Как говорится, в родном доме супругам, чей союз освящён церковью, уместно всё. Самое главное, что спустились и даже одетые, а всё остальное детали, кои из виду можно и должно упустить. Впрочем, Мария Тимофеевна была более консервативна и улучив момент шепнула дочери о беспорядке в её платье. Анна вспыхнула, резво поднялась, словно заметила что-то интересное за окном, и спешно застегнула пуговицы как должно.

— Виктор, объясни, что за поветрие в Затонске с причудливыми завещаниями? — Петра Ивановича чужие причуды волновали мало, своих хватало, но нужно же было отвлечь внимание Марии Тимофеевны от Анны и Якова, а то она над ними коршуном кружит, даже поесть толком не даёт!

Виктор Иванович досадливо поморщился и даже рукой махнул:

— И не говори, Петя, прямо беда с этими духовными каждый на свой манер чудит. Госпожа Аверьянова своё завещание чуть ли не по три раза в день переписывает, Уварова та вообще наотрез отказывается даже мне, адвокату, свою последнюю волю озвучивать, боится, что как только кому-нибудь о завещании скажет, в тот же день всенепременно умрёт.

— Что же она такого написала, раз уверена, что за это её всенепременно убьют? — усмехнулся Яков.

Анна прыснула, но под строгим взглядом матери выпрямилась и чинно продолжила завтрак, про себя досадуя на несправедливость мира, в коем мужчинам позволено гораздо больше, чем дамам.

Виктор Иванович руками развёл:

— Сие мне не ведомо. А сосед её, Тимофей Тимофеевич и вовсе учудил: созвал полный дом родственников, близких и дальних, всех тщательно переписал и постановил, кто, мол, в течение месяца себя самым наилучшим образом зарекомендует, тот самым достойным наследником и станет.

— И что на кону? — Пётр Иванович отпил чаю, с интересом покосился на брата. — Ради чего целый месяц наследники радеть будут?

— Всё состояние господина Волкова оценивается приблизительно в полтора миллиона.

— Ого, — Пётр Иванович даже присвистнул, но тут же под строгим взором Марии Тимофеевны сконфузился и прижал руку к губам, — pardon. Сумма немалая, надо полагать, родственники из кожи вон лезть начнут, чтобы её заполучить. Как бы в погоне за состоянием до душегубства не дошли.

— Один уже из игры выбыл, — Виктор Иванович досадливо покачал головой, ему, человеку благородному, претила затеянная старым господином Волковым игра. Чай, не с куклами забавляется, а с живыми людьми, а они молча да беспрекословно долго терпеть не станут!

— И кто же таков? — заинтересованно спросил Яков Платонович.

— Незаконнорождённый сын Тимофея Тимофеевича, некий граф Андрей Александрович Солнцев.

— У старика Волкова был роман с графиней? — изумился Пётр Иванович.

Виктор Иванович покачал головой:

— Нет, графиней матушка Андрея Александровича стала в браке, до этого была красивой и образованной, но бесприданницей.

Мария Тимофеевна коей беседа за столом нравилась всё меньше и меньше, поскольку становилась всё более неприличной, воскликнула:

— А в поместье графа Разумовского хозяева новые въехали!

Яков Платонович чуть сжал губы, воспоминание о том, как Кирилл Владимирович дерзнул за Анной ухаживать по-прежнему царапало сердце острой иголкой ревности. И ладно бы он любил Анну Викторовну, так ведь нет, присватался к ней исключительно из-за дара медиума да ещё, чтобы его, Штольмана позлить. Кирилл Владимирович никогда ни единым словом не давал понять, что знает о своём родстве с Яковом Платоновичем, но при этом при каждом удобном случае норовил уколоть Штольмана, причинить ему боль если не физическую, то душевную. Была ли это неприязнь к успешному следователю или же ревность, Яков Платонович не знал до сих пор. Вполне возможно, что и всё вместе. Штольман чуть качнул головой, прогоняя неприятные воспоминания и прислушался к беседе за столом, но она оказалась тоже весьма щепетильна.

— Ходят слухи, что родне дальней, что в поместье въехала нужно наследством поделиться, — таинственно вещал Пётр Иванович.

— С кем это? — удивилась Анна, начисто игнорируя недовольную гримасу матушки. — У Кирилла же Владимировича детей не было.

— Зато у папеньки его были, — победоносно провозгласил Пётр Иванович, — один так точно. Его до сих пор найти пытаются, да что-то всё никак не ладится. Яков Платонович, а может, Вы займётесь поиском этого наследника? Говорят, весьма достойный человек, вроде как даже в Вашем, сыскном ведомстве служит.

Штольман сдержался, даже бровью не повёл. Проглотил пирожное, так и норовящее встать комом в горле, сделал глоток чаю, чашку без единого стука на блюдечко опустил и после этого невозмутимо ответил:

— Благодарю за предложение, Пётр Иванович, но мы приехали сюда отдыхать. У нас отпуск медовый.

Признавать своё родство с Разумовскими Яков Платонович не собирался. Он Штольман, его отец Платон Карлович, сие факт доказанный и утверждённый, а как оно всё на самом деле вообще никого не касается. Мёртвых, как известно, с погоста не носят.

Дело Л 3. Достойный наследник. Проказы Амура

После завтрака Анна с Яковом отправились на прогулку, так как Пётр Иванович имел неосторожность сообщить, что на воды прибыла Юлия Романовна Берестова, да не одна, с наперсницей, девицей до странного тихой и молчаливой, чем-то напоминающей Элис в её первые дни в доме князя Разумовского.

— Возможно, шпионка турецкая, — Пётр Иванович снизил голос до таинственного шёпота и прикусил губу, дабы на рассмеяться, — зачастили они к нам в Затонск.

— Скорее уж английская, — усмехнулся Виктор Иванович, не очень-то верящий в то, что их тихий город может привлечь хоть какого-нибудь, пусть даже самого захудалого, шпиона.

Яков Платонович, коему все эти шпионские истории отнюдь не казались забавными, поспешил развеять флёр таинственности, витающий над спутницей Юлии:

— Скорее всего, Юлия привезла на воды свою знакомую, Аглаю Ивановну Тихомирову, в супружестве Боброву.

Пётр Иванович нахмурился, вспоминая обрывки столичных сплетен, долетевших до провинции благодаря неугомонному редактору "Затонского телеграфа", коего многие в городе порывались бить и даже били, но укротить так и не смогли:

— Это та самая девица, коя прямо в первую брачную ночь овдовела?

— Господи, опять об убийствах за столом, — не выдержала Мария Тимофеевна, всплеснув руками, — лучше бы новую пиесу обсудили. Тимофей Сергеевич пиесы писать стал, весьма увлекательно, смею заметить.

— Лучше бы он письма с газетами в срок доставлял, — пробурчал Виктор Иванович, слегка, совсем чуть-чуть, ревнуя супругу к молодому и талантливому дарованию, обладающему прямо-таки дьявольской привлекательностью в глазах затонских дам.

Мария Тимофеевна неодобрительно глазами сверкнула и ответила звенящим от возмущения голосом:

— Тимофей Сергеевич по службе никаких нареканий не имеет, а тебе, Виктор, стыдно клеветой заниматься! Слухами да домыслами у нас господин Ребушинский занимается!

— Нам пора, — Анна поспешно сложила салфетку, выпорхнула из-за стола, — надеюсь, получится с Юленькой и Аглашей встретиться.

Анна Викторовна не любила, когда родители ссорятся, они ведь оба такие славные и так искренне любят друг друга, а потому норовила сбежать, как говорил дядюшка, ещё на предупредительных залпах. Яков Платонович, коего семейные ссоры тоже не прельщали, мешкать не стал, поблагодарил за завтрак, поцеловал Марии Тимофеевну руку, тем самым укротив её воинственный пыл и последовал за супругой.

На улице Анна Викторовна глубоко вздохнула, огляделась со смесью восторга и удивления, и повернулась к мужу, озарив его сиянием голубых глаз и тёплой улыбкой:

— Куда направимся?

— Зависит от того, чего мы хотим, — Яков улыбнулся, — если Юлию с её подопечной встретить, то в сторону вод целебных двигаться надо, а если давних знакомцев повидать, Антона Андреевича, Александра Францевича и других, то, соответственно, по местам из служб.

Анна даже губку с досады прикусила. Хотелось всего и сразу: и Юленьку увидеть, и Аглашу проведать, убедиться, что она оживает после перенесённого потрясения, и с Антоном Андреевичем поздороваться, он ведь славный, сколько раз помогал, да и в способности её поверил гораздо раньше, чем сам Яков. А ещё очень хотелось бы навестить доктора Милца, убедиться, что допрос с пристрастием, кой учинил ему Уваков, не оставил последствий пагубных. Ещё очень хотелось, хоть это и неприлично, узнать, как дела у Лизы из дома терпимости, девушка-то она хорошая, хоть и слабая, и вздорная порой. А ещё очень хотелось найти Ермолая и не просто поблагодарить, даже в ноги поклониться ему за спасение Якова. Ведь если бы не егерь, кто знает, как оно всё сложилось бы. Анна зябко передёрнула плечами, крепче руку мужа к себе прижала, опять вспомнив ту убийственную тоску, в коей пребывала после исчезновения Штольмана. Да, начать надо с Ермолая, ему первый визит и особый почёт.

Анна Викторовна повернулась к мужу:

— А давай навестим Ермолая, егера Елагиных?

Яков Платонович чуть принахмурился, обдумывая, как лучше задумку жены в жизнь

претворить. День только начался, так что, вполне можно успеть засветло добраться до Елагинских владений. К самой хозяйке заезжать не обязательно, Яков очень хорошо помнил сторожку, в которой отлёживался первое время, пока его не перевезли в скит. Вопрос: найдёт он путь к сторожке? Найдёт, Ермолай, было дело, весьма обстоятельно рассказывал, как до него добраться, так, на всякий случай. Опасно сие? Да не особенно, за всё время службы в Затонске самым страшным зверем, коего Штольман встречало, был человек, а они в лесу не так уж и часто водятся. Опять же верный револьвер всегда с собой, да и трость, в схватках проверенная, тоже. Единственное, что останавливает, пешком до леса топтать далеко и долго, нужно коляску брать. Можно, конечно, и верхом, но Яков Платонович после того, как тринадцатилетним мальчишкой под копыта коня угодил, лошадей недолго любил. Да и колено, тогда повреждённое, к верховым прогулкам не располагало.

— Хорошо, поедем к Ермолаю, — тщательно всё взвесив решил Штольман, только коляску возьмём.

Анна широко улыбнулась и поцеловала мужа в щёку, совсем как в самом первом совместном деле, когда они ревнивицу Ульяну Тихоновну Громову изобличали. Только в отличие от того, первого поцелуя, в этот раз Яков привлёк жену к себе и в ответ тоже поцеловал, возблагодарив, в который уже раз, судьбу за столь дивный дар, о коем он и мечтать не смел. В окно за супругами посматривали Мария Тимофеевна и Виктор Иванович, уже примирившиеся и обнимающиеся. Пётр Иванович, дабы сердце завистью да тоской не бередить, отошёл к буфету и стал там, спиной к окну, потягивая наливочку вишнёвую, благо Мария Тимофеевна сего не видела, а значит, и не гневалась.

Коляска, в коей отправились к Ермолаю Яков Платонович и Анна Викторовна чуть покачивалась на булыжниках, коими вымостили по приказу городского головы улицы Затонска. Анна, да и Штольман тоже, с интересом смотрели по сторонам, узнавая знакомые, памятные сердцу улочки и дома, а то и открывая для себя что-то новое, появившееся в городе совсем недавно.

— Ой, Яша, смотри, — Анна затормошила мужа за рукав, — "Затонский телеграф" в новое здание переехал!

— А магазин Осипова на прежнем месте, — Яков Платонович скользнул взглядом по пожелтевшей от времени или табачной пыли вывеске.

— А там, смотри, смотри, Юленька! — Анна Викторовна вскинула руку, приветствуя подругу и прижавшуюся к её руке испуганную худенькую, чем-то похожую на мышку, девушку.

Юлия Романовна также заметила Анну и Якова, приветливо замахала, осторожно обходя разлившуюся прямо посреди дороги большую лужу, в коей крошечными корабликами плавала шелуха подсолнечника. Возможно, графиня свой обходной манёвр завершила бы и вполне благополучно, но перепуганная Аглаша испуганно дёрнулась от лошадиного ржания, потянув за собой и Юлию Романовну. Кокетливый, на высоком каблучке, ботик графини Берестовой, последний писк парижской моды, зацепился за камень, нога дрогнула, Юлия взмахнула руками в тщетной попытке удержать равновесие и чувствуя, как неизбежно валится в холодную грязную лужу. Яков Платонович, не дожидаясь, пока коляска остановится, выскочил из неё, спеша на помощь графине, но его опередил среднего роста мужчина, одетый по столичному сдержанно. Незнакомец легко подхватил Юлию Романовну за талию и буквально перенёс её через коварную лужу, причём совершил сей манёвр так

непринуждённо, что даже самые злые языки ни в чём не смогли бы его упрекнуть.

— Вы в порядке, сударыня? — Мужчина заглянул Юлии в глаза, подарив при этом тёплую чуть приметную улыбку.

— Д-да, — чуть смешалась Юлия, но тут же быстро овладела собой, выпрямилась и ответила, как и подобает благовоспитанной даме, привыкшей блистать на балах да собраниях, — благодарю Вас за помощь, сударь, Ваша помощь оказалась как нельзя более кстати. Могу я узнать Ваше имя, дабы иметь возможность выразить свою благодарность более адресно и всенепременно рассказать о Вас своим подругам?

— Последнее, право слово лишнее, — мужчина опять тепло улыбнулся, не спеша выпускать руку Юлии из своей руки, — уверяю вас, я подобной чести не достоин.

— Право слово, Вы излишне скромны, — Юлия Романовна трепетно взмахнула ресницами и улыбнулась так, чтобы на щеках заиграли ямочки.

— Так кто же Вы, сударь? — Яков Платонович, привыкший считать Юлию ещё одной сестрой, строго посмотрел на её спасителя.

— О, — незнакомец вежливо коснулся шляпы, — позвольте представиться: Солнцев, Андрей Александрович. Прошу простить мою невольную дерзость в отношении Вашей супруги...

— Яков Платонович мне не муж, — выпалила Юленька и чуть по губам себя не хлопнула, покраснелась смущённо, — прошу прощения. Я Юлия Романовна Берестова, а это, — девушка изящно взмахнула рукой, затянутой в тонкую, цвета топлёного молока, перчатку, — Яков Платонович Штольман и его супруга Анна Викторовна.

— Штольман? — медленно и раздумчиво повторил Андрей Александрович. — Позвольте, Вы тот самый следователь, кой изобличил кошмар Летнего сада, душегуба, убивающего девиц в самом сердце Петербурга?

Дамы, коим сия история была неизвестна, заинтересованно возрились на Якова Платоновича, а Андрей Александрович продолжил фонтанировать воспоминаниями, с одной стороны, весьма лестными, а с другой, крайне неуместными в присутствии Юлии и Анны:

— Газеты писали, что Вас ещё ранили во время задержания душегуба, коим оказался...

— Довольно, — Штольман предупреждающе вскинул руку. — У Вас превосходная память, господин Солнцев.

— В сём деле я являлся лицом заинтересованным, — Андрей грустно улыбнулся, — душегуб напал на мою сестру, но ей повезло, она убежала. А вот её подруга, княжна Озерова, не смогла.

Теперь и Яков Платонович окончательно понял, кто перед ним. Граф Солнцев, в Затонске известный лишь тем, что является незаконнорожденным сыном господина Волкова, в Петербурге был довольно известным мастером фотографии, к которому записывались даже особы весьма и весьма влиятельные. Штольман улыбнулся, окинул графа внимательным взглядом и вопросительно приподнял брови:

— А где же Ваш фотографический аппарат, граф? В Петербурге Вы были с ним неразлучны.

— Вы занимаетесь фотографией, — ахнула Юленька, восхищённо глядя на Андрея и едва ли не молитвенно складывая ладони, — какая прелесть!

— Буду счастлив запечатлеть Ваш дивный образ, сударыня, — Андрей Александрович поцеловал графине Берестовой руку и подарил тёплую улыбку Анне и Якову. — И ваши, разумеется, тоже.

Аглаша, о коей все немного успели призабыть, захныкала и засучила ножками, как начинающая капризничать малышка. Юленька смутилась, досадливо ручку из рук графа высвободила, укоряя себя за то, что от тёплых глаз да сладких речей растаяла, хотя и не должна бы, чай, не юная дебютантка уже, и, обняв Анну и кивнув Якову, поспешила откланяться.

— Позвольте, я провожу Вас? — Андрей Александрович даже не пытался скрыть своё огорчение из-за столь краткого знакомства.

Вот эта его искренность Юлию Романовну и подкупила. Барышня губки поджала, бровки раздумчиво сдвинула, но потом всё же кивнула согласно:

— Хорошо, проводите, но, — графина выразительно приподняла пальчик, — только при одном условии.

— Готов исполнить любой каприз, — с готовностью отозвался граф.

Юленька коварно улыбнулась, в сторону Якова Платоновича взглядом стрельнула, к Андрею Александровичу наклонилась и прошептала:

— Вы мне о кошмаре Летнего сада расскажете, страх, как интересно!

Граф Солнцев почтительно поклонился, принимая условие обворожительной спутницы. Яков Платонович, без труда догадавшись, какое условие выдвинет Юлия Романовна, поморщился досадливо, но смолчал. Как говорится, подозрение — ещё не есть доказательство, да и Юлия относится к тем девицам, коим чем больше запрещаешь, тем больше они настырничают. А так, удовлетворит любопытство, Аннушке всенепременно обо всё, что узнает, расскажет, да и притихнет до очередной проказы, уж сколько раз так было.

— Продолжим путь к Ермолаю? — Штольман вопросительно посмотрел на жену, с лёгкой улыбкой наблюдающей за Юлией и Андреем.

— Обязательно, — Анна озорно сверкнула глазами, — а как думаешь, сладится у Юленьки с Андреем Александровичем?

Яков нахмурился, головой покачал:

— Если и сладится, то не сразу. Юлию, было время, очень сильно обидели, такое быстро не забывается.

Анна Викторовна наострила ушки, с любопытством на мужа воззрилась. Штольман мысленно свою разговорчивость обругал, да отступить некуда было, знал, что жена любимая пока всего не дознается, не успокоится и ему покоя тоже не даст. А потому Яков Платонович вздохнул глубоко, да и поведал негромко о жестоких проказах Амура.

Юная графиня Берестова, красавица и умница, на своём первом балу произвела фурор, ускорив биение многих мужских сердец. Юленьку буквально засыпали стихами и цветами, посетители едва ли не в очередь выстраивались, дабы иметь честь удостоверить своё восхищение юной графине. Сама же барышня радовалась суете вокруг своей персоны лишь полгода, а потом скучать начала, причём с каждым днём всё больше и больше. Не радовали её ни стихи, ни балы, ни славословия, в коих не было самого главного для проницательного разума: искреннего чувства. В каждом своём поклоннике примечала Юленька лёгкую фальшь, словно бы горчинку в сладком яблоке, первую и едва уловимую предвестницу гнили. Может, конечно, оттого строга была барышня к своим кавалерам, что ни один из них, до поры до времени, не смог тронуть любовью сердце девичье, не раздул пламени страсти в душе её. Юлия Романовна даже думать начала, что недоступна для неё любовь, разум верным щитом сердце закрывает, да пришёл день, когда полюбила она со всем пылом первой страсти, безудержно и безрассудно.

Избранником графини Берестовой стал полковой товарищ её брата, Виктор Осипович Разумеев, красавец-офицер с томным взором глубоких, словно ночь бездонная, глаз и бархатистым голосом, от коего сердце сладко замирало. Виктор осаду юной красавицы начал по всем правилам боевого искусства: сначала разведку глубокую провёл, потом тяжёлые орудия, коими являлись братья Штольман да граф Берестов, в заблуждение ввёл, кого-то очаровав, кого-то исподволь в глазах избранницы очернив, а с кем-то и вовсе благоразумно не встречаясь. После всех этих манёвров пришёл черёд пропаганде, коей занимались верные Виктору Осиповичу люди, не жалеющие хвалебных слов для своего товарища. Ну а уж после в дело вступил стратегический манёвр, хитроумно продуманный и блестяще исполненный. Спас господин Разумеев графиню Берестову от трёх лиходеев, кои барышню ограбить хотели, не побоялся против вооружённых ножами разбойников выступить, собой барышню заслонил и даже рану кровавую получил. Конечно, сия рана на проверку, если бы кто-то сподобился провести таковую, оказалась бы, тьфу, царапиной пустой, из тех, что крови дают много, а урону мало, но Юлия Романовна уловке поверила, окончательно капитулировала, сердце своё к ногам Виктора Осиповича бросила. А тот и рад был, при каждой встрече всё новыми и новыми тенётами графиню Берестову опутывая.

Господин Разумеев, человек происхождения незнатного, да и небогатый к тому же, надеялся обольстить Юлию Романовну и добиться венчания с нею, дабы завладеть приданым большим, а если повезёт, то и графский титул заполучить. Но братец Юленькин беду, пусть и с запозданием, а всё же почувял, бросился к Вильгельму Штольману с просьбой о помощи. Вильгельм Якова, уже ставшего успешным следователем, к делу подключил, и тогда-то открылись постыдные факты биографии господина Разумеева. Во-первых, Виктор Осипович уже был женат, причём дважды, и супруги его умирали при весьма загадочных обстоятельствах сразу после того, как капитал свой мужу любимому отписывали. Во-вторых, господин Разумеев дважды привлекался к дознанию по поводу растрат казённых денег, но каждый раз, по краешку пройдя, соскакивал с крючка правосудия невредимым, не скупясь на дорогих адвокатов и взятки. Самым страшным был факт третий: успел Виктор Осипович соблазнить Юлию Романовну, о чём её брату и поведал, заявив, что если тот согласия на брак сестры не даст, то её честное имя так будет в грязи изваляно, что графине Берестовой единый путь открыт будет: в бордель. Алексей Романович надругательства над сестрицей не стерпел, с кулаками на её обидчика бросился, едва Михаил с Платоном оттащили. Старшие же братья Штольман все преступления господина Разумеева с доказательствами описали да суду и представили с уликами и показаниями свидетелей. Виктор Осипович в суде, проходимом, по причине чрезвычайной деликатности разбираемого вопроса, за закрытыми дверями, так гнусно о графине Берестовой отзывался, что его слова лишили и постановили, что если он запрет сей нарушит, то будет приговорён к телесному наказанию в виде избиения кнутом. Приговорили Виктора Осиповича к двадцати годам каторги, с дальнейшим бессрочным поселением в Сибири.

Юленька от обмана любимого слегла, хворала долго, еле оправилась и на всю жизнь усвоила, какими жестокими могут быть проказы Амура. Даже зарок себе дала: никого более в сердце своё не впускать, дабы повторно муки смертной не испытывать. Кокетничать можно и даже нужно, головы кружить — само собой, но любить категорически запрещается. И вот теперь покой души девичьей опять растревожен оказался, и один господь бог ведает: будет ли сие чувство чистое или же увлечение пустое.

Дело Ъ 3. Достойный наследник. Охота за наследством началась

Яков Платонович мог собой заслуженно гордиться: сторожку Ермолая он нашёл быстро, без лишних блужданий по лесу, хоть и был столичным жителем, чащобами глухими не избалованный. Егерь был дома, сидел на грубо сколоченной лавке перед домом и чистил ружьё, время от времени что-то негромко приговаривая лежащему у ног верному псу. Именно Резвый гостей первым и заприметил, вскинул голову, жадно трепеща влажным носом, а потом вскочил на ноги, твякнул коротко счастливо и побежал к Якову и Анне. Барышню пёс просто обнюхал, вежливо качнув пушистым хвостом, а вот Штольману, ставшего хорошим знакомым, положил лапы на плечи и принялся самым тщательным образом вылизывать, временами раздражаясь звонким залиvistым лаем, переходящим в лёгкое поскуливание. Яков Платонович честно попытался пса отстранить, но с тем же успехом можно было сосну или ель с пути сдвигать, Ермолай не скупился на харч для своего друга, и весил Резвый как крупный телёночек.

— Резвый, ко мне, — окрикнул пса егерь, выходя из-за деревьев и с лёгкой настороженностью глядя на гостей. — А-а-а, это Вы, Яков Платонович, да ещё и с Анной Викторовной, если мне глаза не изменяют. Резвый, кому сказал, ко мне, живо!

Пёс виновато прижал уши, вздохнул, глядя на Якова, мол, очень рад встрече и охотно ещё бы пообнимался, да хозяин зовёт, хвостом пушистым качнул и со всех ног к егерю бросился, ему лапы на плечи вскинул, да и принялся звонко залиvistо новостями делиться.

— Не голоси, — Ермолай шлёпнул пса по боку, — лес шуму не любит.

— Здравствуйте, Ермолай Алексеевич, — Анна улыбнулась егерю, чувствуя себя под его внимательным, словно бы насквозь просвечивающим взглядом наивной девчонкой, а ведь замужняя дама уже!

— И Вам не хворать, Анна Викторовна, — поклонился егерь, разом заприметив и обручальные кольца, и то, что нежных чувств друг к другу гости и не думали скрывать. — Полагаю, вас поздравить можно?

Яков улыбнулся, привлёк жену к себе:

— Благодаря тебе, Ермолай.

Егерь усмехнулся, головой покачал:

— Это Вы, Яков Платонович, что-то путаете, не было ничего. Я всего лишь одно письмо Анне Викторовне принёс, а дальше Вы с ней уж сами сговаривались, без меня.

— Вы Якову жизнь спасли, — выпалила Анна, глядя на егеря лучистыми голубыми глазами.

Ермолай Алексеевич приподнял кустистые брови:

— Разве я? Раны Якова Платоновича лекарь из скита пользовал, приют отец Никодим дал, а я, считай, ничего и не делал.

Штольман улыбнулся:

— А кто меня в скит раненого на своей спине принёс? Или не ты?

Егерь внимательно посмотрел на следователя, спросил негромко так, задушевно, трепля млеющего от ласк хозяина Резвого по ушам:

— А разве Вы, Яков Платонович, иначе бы поступили? Бросили бы раненого на погибель?

Штольман вспомнил безумца магнетизёра, величавшего себя магистром и дерзнувшего украсть Анну Викторовну, дабы с её помощью вызвать дьявола, и сказал, словно отрубил:

— От человека зависит.

— Так, ить, и я далеко не всем помогаю, — усмехнулся Ермолай. — Так что, Анна

Викторовна, не надо на меня как на святого старца взирать, я человек земной, обычный и ничто земное мне не чуждо. И вообще, не стоит на пороге беседы вести, милости прошу в мой дом.

В сторожке егеря оказалось тепло и чисто, в кружевной салфетке на столе, букету первых весенних полевых цветов в щербатом кувшине и других, нетренированному взгляду неприметных, мелочах ощущалось присутствие заботливых женских рук. Ермолай, украдкой покосившись на гостей, сдёрнул с сиденья широкой лавки женский белый платок, хорошо знакомый Анне и Якову по делу о погибшем в лесу студенте, и поспешно засунул его себе за пазуху. Штольман сделал вид, что манёвра егеря не заметил, пусть его, они с Софьей Николаевной не дети малые, сами во всём разберутся, без советчиков.

Ермолай, изредка цыкая на вертящегося под ногами пса, споро накрыл на стол, опять-таки словно бы между делом задвинув подальше цветы и, чуть смущённо махнув рукой, провозгласил:

— Прошу за стол.

— А Алексей Елагин сюда часто заходит? — вопрос Якова Платоновича, заданный спокойным тоном, словно бы лишь для поддержания разговора, заставил егеря смутиться и плечом неопределённо повести:

— Да так, случается, заглядывает. Он же охоту любит, а какой же охотник к егерю не заскочит. Про дичь там узнать, али ещё чего.

— Как он, успокоился ли после смерти Дарьи? — Анна Викторовна с сочувствием посмотрела на егеря, тот рукой махнул с досадой:

— Да какое там... Словно приворожила его та змея, прости господи. О женитьбе и слышать ничего не хочет, хоть Софья... — Ермолай споткнулся, кашлянул, — Николаевна всё чаще и чаще насаждает, что, мол, внуки ей нужны. Причём не абы какие, а в законном браке рождённые.

Штольман усмехнулся грустно и иронично одновременно:

— Да, законный брак многое прикрыть может, детей, не от мужа рождённых, тоже.

Ермолай нахмурился, посуровел:

— Это Вы сейчас о чём, Яков Платонович? Что-то я Вас не пойму.

— Да так, подумалось, что дети, рождённые от любимого мужчины, материнскому сердцу ближе и роднее тех, что родились от нелюбимого, пусть и законного мужа, — Яков выразительно посмотрел на егеря.

Ермолай крикнул, бороду пригладил, головой покачал:

— Ох, и умный же Вы, Яков Платонович, чисто бес, прости господи. Ничего от Вас не скроешь!

Анна притихла, наострив ушки, и стараясь ни единого слова из загадочного, лишь мужчинам понятного, разговора не пропустить.

— Алексей знает?

— Нет, — Ермолай отрицательно покачал головой, — ни к чему ему подобное знать, он и так после смерти этой змеи пришибленный ходит. Да и, ежели по совести рассудить, что ему сие знание принесёт, кроме лишней боли?

Штольман кивнул. Ему знание о том, что он плод страсти внебрачной, никакой радости не принёс, одну только горечь и отстранённость от семьи. Если бы не Анна, кто знает, смог бы он вернуть тёплые отношения с братьями и сестрой? Нет, наверное. Так что, прав Ермолай Алексеевич, не стоит Алексею Елагину знать, что он сын Ермолая, ни к чему

подобные сведения ни ему, ни кому-либо другому.

— А Владимир где?

Егерь нахмурился:

— Да бог его знает. Алексей говорил, что писал сначала из Петербурга, потом вроде как из Москвы, а потом и вовсе куда-то на Волгу-матушку подался. Гонит его по жизни, словно лист сухой, никак себе покоя не найдёт, добро, что на Алексея больше не искушается.

— А как здоровье Софьи Николаевны? — спрашивая, Анна внимательно смотрела на егеря и заметила всё: засиявшие нежностью глаза, чуть приметную ласковую улыбку, прячущуюся в бороде, точно солнечный луч в чаще леса и даже разом потеплевший голос, в коем засквозила ласка, для сильного мужчины редкая, а потому и ценимая особо.

— Благодарение богу, здорова, — Ермолай кашлянул, укрывая от наблюдательных, пожалуй, даже излишне наблюдательных, гостей свою минутную слабость.

— Поклон ей передавайте, — Анна Викторовна улыбнулась и чинно, то-то бы Мария Тимофеевна порадовалась, поднялась из-за стола. — Благодарим за уют и угощение, Ермолай Алексеевич, теперь ждём к нам в гости с ответным визитом.

Егерь смутился, затормозил уши прижавшегося к ноге пса:

— Да не по чину мне в гости-то расхаживать.

— По чину, — тихо и серьёзно возразила Анна, — Вы Яше жизнь спасли.

Ермолай окончательно смутился, даже запыхтел, точно ёжик и дабы поскорее переменить тему, предложил прогулку по лесу. Яков и Анна согласились, благо, и погода позволяла, да и настроение было вполне подходящее. Ни егерь, ни Штольман с супругой даже не подозревали, что безоблачная прогулка — это начало нового расследования, полного семейных тайн, коварства и беспощадной жестокости.

Первым беду почуял Резвый, коего Ермолай, дабы не пугать садящихся в гнёзда птиц, держал строго подле себя, при каждой попытке бегства звучно шлёпая по боку. Пёс остановился, жадно принюхиваясь, вскинул уши, взъерошил шерсть на загривке и коротко рыкнул.

— Волка что ли почуял? — Ермолай поправил ремень, на котором висело охотничье ружьё и зорко огляделся по сторонам. — Так я их, паразитов, прошлой зимой отсюда шуганул.

— Может, оборотень опять объявился? — хмыкнул Штольман, насмешливо поглядев на Анну.

— Между прочим, легенда имела под собой реальную историю, — возмутилась Анна Викторовна. — А ты мне, как всегда, не верил!

Резвый ещё раз принюхался, а затем опустил морду к земле и длинно тоскливо завыл, а потом сорвался с места и мохнатой стрелой помчался куда-то прямо через кусты. В небо, с оглушительными криками, взмыли перепуганные птицы, на землю градом посыпались сухие веточки и прочий мелкий мусор, у ног Якова плюхнулось старое гнездо с кое-где торчащими из него перьями.

— Резвый, — крикнул Ермолай, звучно хлопнув себя ладонью по бедру, — а ну, назад! Назад, кому говорю! Вот шепутное создание, нет, он у меня дождётся, посажу его, паразита, на цепь!

Анна прижала ладошку к губам, вспомнив одну из примет тётушки Липы, коя была, как её папенька называл, буквально кладезем народной мудрости и в каждом чихе могла найти

предзнаменование:

— Собака воеет к покойнику.

— Думаю, нам стоит отправиться за Резвым, — Яков Платонович в приметы не верил, но прекрасно понимал, что просто так хорошо натренированный пёс срываться и убегать не станет. А значит, что-то случилось. И вряд ли это что-то хорошее.

Ермолай беззвучно шевельнул губами. Будь он один или хотя бы лишь с господином Штольманом, егерь не стал бы сдерживать раздражение и тревогу, осколком поселившуюся в душе, но присутствие Анны Викторовны вынуждало держать язык на привязи.

— Идёмте, — буркнул Ермолай, — только тихо, мало ли, что стряслось.

Егерь шёл по лесу быстро и уверенно, без труда находя еле заметные глазу тропинки и прислушиваясь к голосу Резвого, звучащему то ближе, то дальше, заходящемуся в вымораживающем душу вое или же срывающемуся на свирепый лай.

"И чего опять на месте той проклятой сторожки сделалось? — мрачно думал Ермолай, поправляя ружьё. — Ведь после смерти того студентика пришло сожгла её Софья, а не, проклятое место опять беду принесло! Священника что ли позвать, чтобы он освятил там всё? Так-ить, может и не поехать, виданное ли дело, лес святить!"

Яков Платонович поймал жену за руку, выразительно прижал палец к губам. Лай Резвого звучал совсем близко.

— Тише, — прошептал Ермолай, поворачиваясь к Штольману и Анне, — мы совсем рядом. Ждите здесь, я схожу, посмотрю, что там.

— Я с тобой, — не терпящим возражений тоном ответил Яков Платонович, — а Анна здесь останется.

Анна Викторовна возмущённо вскинулась, но под суровым взглядом мужчин сникла и обиженно отвернулась. Вот всегда так, самое интересное происходит без неё!

— Э-ге-гей, — зычно закричал Ермолай, специально шумно топая и хрустя ветками, — кто тут озорничает? А ну, выходи, пока из ружья не пальнул!

Яков Платонович проверил оружие, вышел следом за егерем на поляну, где мрачно топорщился остов сгоревшей сторожки, и замер, осматриваясь.

— Не надо стрелять, — граф Андрей Александрович Солнцев примирительно вскинул руки, — лучше городских зовите.

— Итить, — пробормотал Ермолай, глядя на лежащую на земле девицу, неподвижность коей рождала самые мрачные предположения. — Это ты, супостат её загубил?!

— Если я скажу нет, это что-то изменит? — устало огрызнулся Андрей Александрович и кивнул Штольману. — Яков Платонович, не ожидал увидеть Вас так скоро.

Яков склонился над девушкой, чья шея была туго стянута шёлковым платком, по виду мужским, всмотрелся в широко распахнутые светло-серые глаза, в коих застыла смертная мука и коротко приказал:

— Ермолай, зови городских и доктора.

— Доктор ей уже не поможет, — проворчал егерь и не сдержался, погрозил Солнцеву кулаком. — У-у-у, зверь, загубил девицу! Резвый, пошли!

Пёс, который до этого сосредоточенно вычёсывался, сидя так, чтобы видеть всех людей на поляне, тряхнул головой, рыкнул на Андрея Александровича, вильнул хвостом Якову Платоновичу, жалобно поскулил над убиенной, а потом бодро побежал по тропинке. Следом за ним пошёл и Ермолай, пообещав Якову Платоновичу забрать Анну Викторовну и всенепременно проводить её в город. Штольман лишь усмехнулся, он точно знал, что его

жену от расследования будет не отстранить.

— Андрей Александрович, может, объясните, как Вы здесь оказались? — Яков Платонович самым тщательным образом осматривал место преступления, дабы не упустить из виду ни малейшего следа, способного изобличить преступника, кем бы тот ни был.

Солнцев тяжело вздохнул и опустился на трухлявое бревно:

— Меня сюда пригласили.

— И кто же, позвольте узнать?

— Екатерина Васильевна, — Андрей Александрович кивнул на убитую, — мальчишка-посыльный передал от неё записку.

— Записка при Вас?

Солнцев коротко кивнул и протянул Штольману сильно надушенный сложенный вчетверо листок белоснежной бумаги, гляцевитой и шелковистой на ощупь. Яков Платонович развернул послание, морщась от приторно-сладкого запаха, исходящего листом, и вчитался в округлые, щедро украшенные завитками, буквы. Записка была краткой: "Мой милый Андрей, прошу тебя сегодня в полдень быть там, где мы впервые познали чувственный восторг. Я буду ждать тебя, если понадобится, целую вечность. Твоя Китти".

Яков вспомнил, как сияли глаза Юленьки, когда она смотрела на Андрея, и невольно стиснул листок сильнее. Вот, значит, как...

— Не было у меня ничего с Екатериной, — голос графа прозвучал твёрдо, словно он присягу в суде давал. — И быть не могло.

— Тогда что же Вы здесь делаете? — взгляд Якова Платоновича заледенел.

Андрей Александрович вскочил на ноги:

— Забрать её пришёл. Екатерина Васильевна девица настырная, и она действительно без меня никуда отсюда не ушла, а лес, согласитесь, не самое безопасное место для девушек, пусть и... весьма своеобразных.

Штольман выразительно приподнял бровь.

— Знаю, всё выглядит так, словно я её соблазнил, потом заманил сюда и задушил, тем более, что платок тоже мой, я этого не скрываю.

— И платок Ваш? — Яков Платонович жёстко усмехнулся. — Интересно.

— Да, мой. И мотив для убийства у меня есть, даже два мотива: во-первых, она за мной бегала и тем самым страшно докучала, а во-вторых, она одна из наследниц господина Волкова, — Андрей взъерошил волосы. — Я знаю, всё против меня, но, поверьте, я не убивал. Когда я пришёл, Екатерина уже была мертва!

— Почему же Вы не вызвали полицию?

— Не успел! В первый миг я растерялся, потом бросился проверять, жива ли Екатерина, потом на меня налетел этот слюнявый пёс, вылизавший меня с ног до головы, а там и вы с егерем подошли.

Солнцев устало опустился обратно на бревно:

— Об одном прошу: отцу моему не сообщайте, ему волноваться вредно, сердце слабое стало.

— А Ваша собственная участь Вас не беспокоит? — усмехнулся Яков Платонович, внимательно глядя на графа.

Тот в ответ лишь плечами пожал:

— А чего беспокоиться-то? Я же не ребёнок, сам адвокатом сколько раз выступал, цену уликам и мотивам знаю. Если следователь в поиске истины заинтересован не будет, осудят

меня за убийство и отправят на каторгу. Доказательств моей невиновности-то нет.

Штольман пождал губы. В голове его вертелось, если перефразировать столь любимого сестрицей классика: "Убивал или не убивал, вот в чём вопрос?" Одно можно утверждать совершенно точно: охота за наследством началась, и она, если судить по первой жертве, будет жестокой.

Дело Л 3. Достойный наследник. Отравлена и задушена

Ермолай, как обычно, не подвёл, споро обернулся, приведя с собой к сгоревшей сторожке и городских, под предводительством Коробейникова, и доктора. Александр Францевич в своей несколько сдержанной, полной внутреннего достоинства манере поприветствовал Штольмана и Анну и сразу же приступил к осмотру убиенной, Антон Андреевич же с присущей и так до конца пока и не выветрившейся юношеской порывистостью воскликнул, сияя широкой, несколько смущённой улыбкой:

— Яков Платонович, Анна Викторовна, рад снова видеть вас в Затонске!

— Доброе утро, Антон Андреевич, — Штольман крепко пожал руку своему бывшему помощнику, покосился на убитую и со вздохом добавил, — хотя не для всех оно таковое.

— Здравствуйте, Антон Андреевич, — Анна также протянула Коробейникову руку и тепло улыбнулась. О признании в любви, кое вырвалось у Антона Андреевича, когда они вместе искали пропавшего невесть куда Якова Платоновича, Анна Викторовна и не вспоминала, для неё помощник следователя был всегда кем-то вроде младшего брата. Верный друг, готовый поддержать любую, пусть даже, на первый взгляд, невероятную идею, составить компанию в любой опасной затее.

А вот сам Антон Андреевич о вырвавшихся словах любви помнил прекрасно, поскольку и трепетное нежное чувство к Анне Викторовне в сердце по-прежнему теплилось, лишь немного пеплом суеты повседневной, временем да разлукой прикрытое. Ещё пуце оков нерушимых сдерживало страсть в сердце Коробейникова осознание того, что предпочли ему не кого-нибудь, а господина Штольмана, коего Антон Андреевич уважал безмерно и чьими способностями восхищался неустанно. Только вот сердцу-то не прикажешь, оно, досада какая, как заприметило Анну Викторовну, в супружестве расцветшую и похорошевшую пуце прежнего, так и зашло бешеным галопом, с головой выдав смятение молодого сыщика краской на щеках, коя ни взрослости, ни доблести отнюдь не добавляла. Что на фоне сдержанного и мужественного Якова Платоновича, умудрившегося даже за решёткой сохранить достоинство, было отнюдь не желательно.

— Моё почтение, Анна Викторовна, — Антон Андреевич очень постарался, чтобы голос его лишних чувств не выдал. Пожалуй, даже перестарался, поскольку Анна удивлённо приподняла брови и оглянулась на мужа, гадая, какая муха могла укусить с утра пораньше всегда приветливого и радушного Антошу Коробейникова. Или это он перед городскими старается солидность показать? Возможно...

Антон Андреевич от смятения Анны сам сконфузился мало не до слёз на глазах, отвернулся резко, спросил по пробудившейся привычке у Якова Платоновича, безусловно признавая его за старшего:

— Что случилось, Яков Платонович?

Штольман помолчал, не столько обдумывая произошедшее, сколько пытаясь понять перепады настроения у своего бывшего помощника, быстро вычислил, что причиной сему являются нежные чувства, поводов для ревности нет и быть не может (Анна Антона не любит, а сам Коробейников домогаться взаимности не станет) и буквально в трёх фразах

изложил не только то, чему они с супругой стали свидетелями, но и рассказ самого Андрея Александровича.

— Значит, Вы утверждаете, что девицу не убивали? — Коробейников строго посмотрел на графа, стоящего с таким задумчиво-отстранённым видом у берёзы, словно всё происходящего его никоим образом не касается.

Вопрос следователя вывел Андрея из задумчивости, заставив улыбнуться и с нескрываемым интересом спросить:

— Неужели Вы встречали хоть одного человека, коий говорил, что он совершил преступление, более того, убийство?

Антон Андреевич, без труда уловив в словах подозреваемого насмешку, насупился и засопел, желая резким окриком осадить зубоскала, но памятью о присутствии Анны Викторовны, а потому сдерживаясь.

— Напрасно Вы смеётесь, Андрей Александрович, — вступился за Коробейникова Штольман, — Антон Андреевич следователь, коему предстоит разобраться в этом деле и уже одним этим заслуживает уважения.

Граф заметно приуныл. В глубине души он надеялся, что убийством Катерины займётся Яков Платонович, коий, согласно слухам и легендам, душу любого человека насквозь зрил и читал следы на месте преступления словно открытую книгу. А этот мальчик-одуванчик, влюблённый нежно и безответно, что может сделать? Эх, прости-прощай свобода, придётся готовиться к жизни каторжной. А для семьи срам какой... Андрей вспомнил о слабом сердце отца, о стремительной карьере брата, коя, вне всякого сомнения, будет загублена, о матушке, трепетно заботящейся о семье и прикусил губу, дабы не взвыть в голос. А есть ведь ещё милейшая графиня Берестова, знакомство с коей, если его осудят, тоже будет прервано и никогда более не восстановится. Чёрт, ну неужели ничего нельзя сделать?!

Плеснувшее в глазах графа отчаяние не осталось незамеченным. Антон Андреевич нахмурился, растерянно переминаясь с ноги на ногу, Анна же и вовсе повернулась к мужу, умоляя, почти приказывая ему помочь.

"Ты же знаешь, граф Солнцев без тебя пропадёт", — безмолвно вопияли голубые глаза, и противиться их воле у Якова не было ни сил, ни желания.

"Вот и весь отдых, — вздохнул Штольман и усмехнулся, покачав головой, — опять пришла пора следствие вести. Добро, в знакомой и приятной компании, да и город невелик, что радует".

— Антон Андреевич, не возражаете, если я... — Яков Платонович покосился на жену, вздохнул и исправился, — мы с Анной Викторовной окажем посильную помощь в данном деле?

Коробейников просиял, словно гимназист, получивший золотую медаль за отличную учёбу и примерное поведение:

— Почту за честь, Яков Платонович. Буду рад снова работать с Вами!

— Со своей стороны позвольте полностью повторить слова Антона Андреевича, — Александр Францевич закончил осмотр тела, поднялся, тщательно отряхнул брюки, — я тоже очень рад Вашему возвращению, Яков Платонович. Что же касается убиенной, то совершенно очевидно, что убийца подошёл к ней со спины, накинул на шею платок и удушил.

— Сопротивление было? — Антон Андреевич по привычке самое главное вносил в толстую тетрадь в плотной обложке.

Доктор вытер лицо платком, покачал головой:

— Ни малейшего. Жертва не пыталась сопротивляться.

— Значит, убийца был сильнее? — Коробейников выразительно покосился в сторону Андрея Александровича.

Александр Францевич подхватил саквояж:

— Совсем не обязательно. После накидывания удавки на шею жертва впадает в состояние шока и теряет способность к сопротивлению даже более слабому по силам убийце. А сейчас прошу меня извинить, господа, здесь мне больше делать нечего. Всего доброго!

Доктор раскланялся и ушёл, Коробейников приказал городовым осмотреть всё вокруг и сам приступил к допросу графа Солнцева, Штольман принялся изучать землю рядом с тем местом, где лежало тело, а Анна отошла к сгоревшему домику, дабы никому не мешать, и позвала дух убитой. Конечно, шансов не очень много, но вдруг она всё-таки заметила душителя? Или что-то, что может вывести на его след.

Катерина появилась сразу же, словно только и ждала, когда её позовут, огляделась по сторонам, болезненно морщась и ежеминутно потирая шею, потом воззрилась на Анну Викторовну и капризно надула губки:

— До чего же вокруг Андрюшеньки девиц красивых развелось, ужас просто. А он мой, слышишь, мой, никому его не отдам!

— Я ни коим образом не претендую на Андрея Александровича, — попыталась успокоить призрачную ревнивицу Анна, но ту несло, словно щепку по порожистой реке:

— Замолчи, я тебе не верю, ты меня обманываешь! Андрей мой и только мой, я никому, слышишь, никому его не отдам! И мне плевать, что он лишён наследства, мерзкий старик сказал, что я самая достойная наследница, и он всё оставит мне! И когда я стану богатой, Андрей никуда от меня не уйдёт, он...

Звучная оплеуха прервала истерику, Катерина испуганно пискнула и замолчала, шумно дыша и затравленно озираясь по сторонам.

— Во-первых, девочка, тыкать чужим людям неприлично, — ядовито заметила тётка Катерина, картинно загибая палец, — во-вторых, прежде, чем вешаться парню на шею, было бы неплохо и его желаниями да намерениями поинтересоваться...

— Он мой, — взвизгнула девица и замолкла под тяжёлым, словно могильная плита, взглядом своей тёзки.

— И в-третьих, тебя, ду... — тётка Катерина покосилась на Анну, закашлялась и неохотно исправилась, — шечку, спрашивают, видела ли ты своего убийцу. Или чего интересное заметила, хотя... — тётка презрительно махнула рукой, всем своим видом демонстрируя, что отказывает убиенной даже в мельчайшей крупице разума.

— Я Андрея ждала, — девица мечтательно закатила глаза, обхватила себя руками за плечи, приподнялась на носочках и закружилась, — он должен был прийти ко мне, и мы бы слились в экстазе страсти...

— А что в лесу-то? — фыркнула тётка Катерина, брезгливо оглядываясь по сторонам. — Нешто у графа и тебя, блаженной, на двоих одной кровати бы не нашлось? Так зашли бы в публичный дом, там маман добрая, она бы вошла в положение, пустила.

— Тётушка, — попыталась воззвать к порядку призрачную родственницу Анна, но та лишь отмахнулась:

— Ой, Аннушка, перестань, мы все здесь дамы семейные, чай, не девицы невинные,

мужчин не знающие.

— Я девица, — возмущённо вскинулась убиенная, надменно вскинув голову и сверкнув очами.

— Оно и понятно, кто на блаженную-то польстится, — проворчала тётка Катерина, — у тебя же, поди, кроме обещаний родственника, и нет ничего.

— Зато дедушка сегодня за завтраком во всеуслышание заявил, что я самая достойная наследница, и он всё своё состояние мне оставит, — гордо возвестила Екатерина.

Тётка выразительно посмотрела на Анну и чуть приметно приподняла брови, Анна Викторовна в ответ кивнула. Да, что и говорить, мотив для убийства вырисовывался самый что ни на есть замечательный: устранение соперницы, вставшей на пути к наследству.

— А Андрей Александрович с вами завтракал? — Анна сжала руки, подавляя волнение. — Или, может, Вы видели его сегодня и передавали ему слова дедушки?

Призрачная девица отрицательно покачала головой:

— Нет и нет. Андрей рассорился с моим дедом, кой с силу старческой глупости возомнил его своим сыном, и живёт теперь отдельно, приходит лишь по вечерам и то не каждый раз. Днём мы тоже не виделись, я гардероб меняла, я же не могу после свадьбы в девичьих нарядах ходить!

Тётка Катерина почистила ухо мизинцем, наклонилась к девице:

— Чё-т я прослушала, милая, о какой свадьбе ты баешь?

— Ну как же, — убиенная в очередной раз решила доказать, что убили её очень даже не зря, — после ночи, проведённой вместе, Андрей непременно женился бы на мне. Он же человек чести!

— Ну и молодёжь пошла, прости меня господи, — восхитилась тётка, всплескивая руками, — учись, Анна, как надо-то, а то вы со Штольманом почти три года хороводились, только к концу второго года знакомства дальше поцелуев зашли, а тут ать-два и в дамки! Ай да девица, вот это я понимаю, смесь дурости со спесью! Одно мне неясно, а с чего ты, милая, решила, что граф Солнцев тебя непременно соблазнит? Он вроде как не юнец, у коего кровь кипит, и порты нараспашку, на всё, что в юбке и движется, не кидается.

Призрачная кокетка победоносно усмехнулась:

— А мне тётушка Варвара зелье дала специальное, приворотное, я его перед тем, как на встречу с Андреем поехала, выпила. Мне достаточно было только поцеловать Андрея, и он бы не смог противиться моей воле.

Тётка Катерина глазами сверкнула, к Анне крутенько повернулась, так, что юбки вокруг ног обвилились, и сладенько так пропела:

— Аннушка, душа моя, на сём сеанс спиритический предлагаю прекратить. Далее пойдёт иной сеанс, воспитательный, для чувствительных девиц с благородным сердцем не предусмотренный. Так что, иди, мой ангел, расскажи своему ненаглядному всё, что эта, прости господи, невеста без места наболтала. Иди, касатушка, иди, не зли тётку.

Анна Викторовна спорить не стала, помня со слов родителей, что это и при жизни-то тётушкиной ничем хорошим не заканчивалось, а потому с родственницей попрощалась и к Штольману с Коробейниковым направилась, спеша поделиться полученными от призрака сведениями.

Пока Анна вела расследование путями спиритическими, Яков Платонович использовал методы более практические, самым тщательным образом исследовав всю поляну, где произошло убийство. Антон Андреевич, закончив общение с графом Солнцевым,

присоединился к Штольману и заметил несколько сломанных веток на кустах, рядом с которыми было обнаружено тело.

— Bravo, Антон Андреевич, вот здесь убийца и скрывался, — Штольман приподнял тростью ветви, показав два довольно чётких следа, — прятался в кустах, поджидая свою жертву.

— А след-то мужской, — Коробейников едва ли не носом в находку уткнулся, — и, смотрите, Яков Платонович, на каблуках подковки узорные!

— Обувь князя заметили?

Антон Андреевич досадливо поморщился, сконфуженно пробормотал:

— Да я больше на лицо смотрел, в монографии европейской сказано, что лицо преступника является доказательством его вины, так как по мельчайшим признакам...

Штольман вздохнул. Беда с этой физиогномикой, а пуще того, повальным увлечением оной! Увлекаясь изучением малейших движений лица, энтузиасты вроде Антона Андреевича начисто забывают о других аспектах: отпечатках обуви, небрежности в одежде, возможных следах борьбы в виде синяков и ссадин, а ведь они могут рассказать о виновности или же неповинности гораздо больше, чем самый честный взгляд и лучезарная улыбка.

— У обуви Андрея Александровича носок заужен, а каблуки ровные, без подковок. Здесь же явно отпечатались сапоги армейского образца, на размер больше того, коий носит граф Солнцев.

Антон Андреевич нахмурился, сведения обдумывая:

— Выходит, мы имеем дело с военным?

— Торопитесь с выводами, Антон Андреевич, — пока мы можем с уверенностью утверждать лишь одно: тут был мужчина в сапогах с подковками, он стоял в кустах за спиной жертвы.

— И вполне мог набросить платок и удушить несчастную, — воскликнул Коробейников, — а потом скрыться до того, как пришёл граф Солнцев! Так это что же получается, он знал о тайном свидании?

— Он мог выследить Катерину, — Анна так спешила поделиться результатами беседы с призраком, что споткнулась и чуть не упала, благо Яков Платонович подхватить успел. — Катерина сказала, что за завтраком господин Волков во всеуслышание назвал её самой достойной наследницей.

— Зачем?! — ахнул Антон Андреевич, не понаслышке знавший родственников богатого старика, с которыми в одном городе проживал.

Анна пожала плечами:

— Не знаю, Катерина этого не говорила. А ещё она сказала, что ей, — барышня нахмурилась, дабы воспроизвести услышанное как можно более точно, — тётушка Варвара пузырьёк дала с приворотным зельем, чтобы Андрея Александровича околдовать, соблазнить и после на себе женить.

— Какой кошмар, — ужаснулся Антоша Коробейников, на кого девицы если и смотрели, то как на младшего братишку, впрочем, не брезгуя использовать в своих корыстных целях.

— Нужно спросить у Александра Францевича не был ли обнаружен яд, — Яков Платонович в привороты не верил, а вот в то, что названную наследницу могли отравить — вполне.

— Неужели ты думаешь, что несчастная была и отравлена, и задушена? — Анна

прижала ладошки к щекам. — Какой ужас.

— Рано пока ужасаться, — Яков Платонович привычно взял командование на себя. Граф, Вы можете быть свободны, только из города не уезжайте. И постарайтесь вспомнить, кто мог забрать у Вас платок. Антон Андреевич, Вы отправляйтесь к безутешным родственникам и постарайтесь разобраться, что там у них происходит. Ещё постарайтесь выяснить, кто носит сапоги армейского образца с подковками. А мы с Анной отправимся к доктору.

Александр Францевич подтвердил предположение Штольмана: несчастная девица действительно была отравлена и лишь потом задушена.

— Ума не приложу, кому понадобилось её душить, ведь она и так умирала от яда, — доктор растерянно вытирал голову платком, — через час, максимум два, часа у неё началась бы мучительная агония, а потом смерть.

— Что за яд? — Штольман невольно покосился на Анну, вспомнив, как та умирала от зелья куафёра Мишеля.

Александр Францевич взболтал в колбе тёмно-синюю жидкость, долил мутно-белой из небольшой бутылочки, опять взболтал и уверенно ответил:

— Настойка лисьего корня. Её используют для очищения серебра, она очень едкая и, увы, ядовитая.

— И где же её можно купить?

Анна махнула рукой:

— Чаще всего у коробейников берут, с запасом, чтобы подольше хватило. Но можно и самим сделать, Прасковья говорит, что это совсем несложно.

— Да, моя Варвара Яковлевна тоже сама готовит, — при упоминании супруги по губам доктора скользнула несколько застенчивая улыбка, — говорит, что покупное с самодельным никогда не сравнится. Офени-то разводят своё снадобье, чтобы продать побольше.

"Отравлена и задушена, — подумал Штольман, задумчиво крутя в реках трость, — похоже, в доме господина Волкова то ещё змеиное гнездо! Лишь бы Антон Андреевич не пострадал".

Дело ЛЬ 3. Достойный наследник. Гнездо аспидов

В дом господина Волкова Антон Андреевич приехал не как сосед, Антошка Коробейников, коего почтенный старик, случилось, и хворостиной гонял, а как лицо официальное, потому в пролётке и даже с городовым для солидности и подстраховки. Слуга, кой дверь открыл, важностью визита проникся весьма, поклонился низко, по старинному обычаю коснувшись рукой земли, пригласил пройти в дом, а сам поспешил известить хозяина о посетителе. Поскольку время было уж послеобеденное, Тимофей Тимофеевич со всеми своими многочисленными чадами и домочадцами восседал в гостиной. Мужчины пили кофий и вели беседы о политике, погоде да столичных новостях, а дамы занимались рукоделием и чтением. До дорогого белоснежного рояля, гордо стоящего в углу допущена была лишь дальняя родственница Василиса, девица прелестная лицом и тихая, болезненно застенчивая, нравом. Васенька, как звали девушку родные, с ранних лет осталась сиротой, жила у родственников на положении не то прислуги, не то приживалы, а потому старалась занимать как можно места и доставлять как можно больше пользы, дабы родичи не огневались и из дома не прогнали. Василиса прекрасно понимала, что без денег, коли окажется на улице, пути у неё будет два: в прислуги к кому-нибудь или же в содержанки, причём первое отнюдь не исключает второе.

Когда слуга появился в гостиной, на него никто, кроме Василисы внимания и не обратил. Господин Волков задумчиво смотрел в окно, с невозмутимым видом выслушивая витиеватые рассуждения двоюродного племянника Никодима о службе армейской, да притеснениях, коим из-за зависти и происков врагов несчастный подвергался во время благородного и бескорыстного служения Отчизне. Другие кавалеры, равно как и большинство дам, не сочли нужным обращать внимания на какого-то слугу, раз уж Тимофей Тимофеевич его вниманием не удостоил. Василиса е прекратила играть, встала и юркнула в уголок потемнее, по сиротской привычке ожидая наихудшего.

— Барин, — слуга опять низко поклонился, мазнув кончиками пальцев по полу, — там до Вас полиция приехала. В пролётке, один городской да с ним ещё барин молодой, Антон Андреевич Коробейников, кой нынча начальником сыскного отдела служит.

— Коробейников, — протянул господин Волков нараспев, нахмуривая густые седые, точно у новогоднего старика, кой согласно легенде, приносит детям подарки, брови.

— Так точно-с, — слуга опять поклонился.

Тимофей Тимофеевич огладил короткую седую бороду, покачал головой, задумчиво побарабанил пальцами по подбородку:

— Нет, не припомню такого. Штольмана Якова Платоновича, коего в Затонск из Петербурга за дуэль сослали, того да, помню, а этого не знаю.

— Да полно, дядюшка, — вмешался в разговор грузный, густой копной тёмных волос и лохматой бородой, вечно топорщащейся в разные стороны похожий на лихого молодца из ватаги Стеньки Разина, мужчина, — это же Антошка Коробейников, Людмилы Архиповны сынок.

— Антошка? — презрительно переспросил господин Волков. — Это птенец, толком опериться не успевший? Тю, гоните его в шею, молод он больно мне без приглашения визиты наносить!

— Одумайтесь, дядюшка, — стройная, ещё не утратившая былой красоты дама в элегантно, хотя уже несколько заношенном платье, отложила книгу, поднялась из глубокого кресла и обняла старика за плечи, — Кондрат же сказал, Антон Андреевич с городским прибыл. Значит, не из праздного любопытства, а по делу серьёзному, служебному.

— Я тоже полагаю, что господина Коробейникова стоит принять, — прощепетала пышногрудая рыжеволосая девица, битый час сидящая за пядьцами, но сделавшая от силы три стежка, — тем более, что он теперь человек серьёзный, при должности.

— При дурости он неизбывной, а не должности, — фыркнул господин Волков, однако всё же милостиво махнул рукой. — Ладно уж, сороки, уболтали, пусть войдёт, но не во имя его звания, а только ради свежих новостей о господине Штольмане. Вот тот человек серьёзный, достойный, супротив него Антошка Коробейников так, тьфу и растереть, не более.

— Фу, не красавец, — с неким пафосом, характерным для провинциальных актрис с претензией на талант, поддакнула худошавая брюнетка, то и дело бросающая огненные взгляды в сторону голубоглазого блондина, на лице коего даже самый снисходительный человек не углядел бы что-то более ценное, чем самолюбование и спесь.

— С лица воды не пить, — прогудел кряжистый мужчина, чьё широкое крестьянское лицо всё было изрыто оспинами. — Главное, что мужчина достойный и уважения весьма заслуживающий.

Вот эту-то фразу Антон Андреевич и услышал, в комнату входя, обрадовался, приняв сказанное на свой счёт, плечи расправил и голову горделиво приподнял, всем своим обликом демонстрируя достоинство и степенство, кои начальнику сыска полагаются.

— Чтой-то ты, Антошка, надулся, точно индюк перед цесаркой? — фыркнул Тимофей Тимофеевич и кивнул на стоящее подле себя кресло, в коем сидел голубоглазый блондин. — Садись, гостем будешь. А Степан подальше отсядет, а то от него так кельнской водой разит, что дышать невозможно и в носу с горлом першит.

— Что ж Вы меня, дядюшка, перед человеком сторонним конфузите? — обиделся Степан, но с кресла покорно встал, не решаясь спорить со спесивым и гневливым стариком, кой одним росчерком пера может как возвысить, так и ринуть в бездну нищеты и отчаяния.

— Кто сторонний, — мелким кудахтающим смехом зашёлся господин Волков, — уж не Антошка ли? Так его, пострелёнка, ещё голопузым сорванцом помню, кой на свинье катался и мало в колодец не сверзился.

Дамы с готовностью засмеялись, мужчины тоже не стали скрывать усмешек, опасно балансирующих на грани приличий.

— Тимофей Тимофеевич, я прибыл сюда как лицо официальное, — Коробейников героическим усилием воли заставил себя оставаться на месте и сохранять невозмутимость, но предательский румянец смущения и досады всё равно на щеках проступил, да и голос подрагивал, — так что попрошу относиться ко мне с уважением, в соответствии с занимаемой мной должностью.

Господин Волков прочистил мизинцем ухо, головой покрутил:

— Эка, завернул. Сам-то понял, что сказал?

Антон Андреевич посуровел, глазами опасно сверкнул, отчеканил холодно, уже без всякой дрожи в голосе:

— Убита Ваша наследница, Катерина, я пришёл сюда не шутки шутить, а изобличить погубителя, а возможно даже, — Коробейников вспомнил, что отравительницу ещё нужно вывести на чистую воду, а посему о ней лучше даже не упоминать, и резко замолчал.

Тимофей Тимофеевич сдвинул густые седые брови, за бороду себя резко дёрнул, протянул вроде и негромко, но весьма внушительно, даже непричастный к убийству Антон Андреевич вздрогнул и плечами повёл, словно от сквозняка:

— Значит, убили Катерину, вот как... Я полагаю из-за наследства, денег моих кому-то шишко захотелось, решили дорожку себе расчистить, от конкурентки избавиться. И кто же такой смелый?

Коробейников откашлялся:

— Велите всем мужчинам в доме сапоги показать.

Внутренне Антон Андреевич был готов к очередному потоку насмешек от ядовитого старика, но господин Волков лишь зыркнул на родственников и чуть голос повысил:

— Все приказание следователя слышали? Ну, и чего мы ждём?

— А ежели я, скажем, не желаю подчиняться произволу властей? — хриплым пропитым голосом осведомился обрюзглый мужчина неопределённого возраста, на отёкшем лице коего особенно выделялся красноватый, с расширенными прожилками нос.

Тимофей Тимофеевич с родственником вступать в пререкания не стал, молча подхватил трость, да и ляпнул ему набалдашником по лбу со всей силы, даже гул пошёл. Родич от неожиданности гулко икнул и с размаху плюхнулся на пол, осоловело хлопая глазами и время от времени икая.

— Смотрите его сапоги, — хмыкнул господин Волков и зыркнул на испуганно притихших родственников. — Ну, кому ещё особое приглашение требуется с дополнительными пояснениями требуются?

Все мужчины споро присели, снимая обувь.

— Васька, кликни-ка слуг, пусть тоже обутку покажут, — приказал Тимофей Тимофеевич.

Коробейников был уверен, что слова хозяина дома обращены к тощему болезненного вида мальчишке, из левого уголка губ коего стекала вязкая нитка слюны, но к двери поспешно бросилась прелестная девица, неловкая скованная грация коей словно иголкой царапнула сердце следователя. Антон Андреевич проводил девушку заинтересованным взглядом, кой не укрылся от господина Волкова, по-звериному оскалившемуся и громогласно, ничуть не таясь, вопросившему:

— Что, понравилась девка?

Коробейников, не привыкший к публичному обсуждению симпатий, смутился, смешался и нелепо кивнул, опять ощутив себя не представителем власти, а гимназистом.

— А хочешь, я ей прикажу, и она тебя поцелует? — Тимофей Тимофеевич задорно подмигнул и перешёл на громкий, слышимый в каждом уголке гостиной, шёпот. — А то и не только поцелует. Васенька девка покорная, любую мою причуду исполнит. И на лицо пригожа, и талантами господь не обидел: рисует славно, музицирует, рукодельная опять-таки.

Антон Андреевич попытался было уговорить старика, но того даже выстрел в упор сразу упокоить не смог бы:

— А хочешь, я за тебя Ваську сосватаю, а? Ты у нас теперь человек солидный, какой никакой, а начальник. Никакой, конечно, ну так и Василиса не королева, ей о столичных женихах мечтать не приходится. Ну так как, по рукам? За попом пошлём хоть сию минуту.

Коробейников откашлялся, стараясь сохранить вежливость, возразил:

— Благодарю, но я не...

— То, что она бесприданница, так это дело поправимое, — Тимофей Тимофеевич махнул рукой, — скажу как есть: опосля Катерины она у меня самая достойная наследница, всё до последней монетки ей отпишу. А она беспрекословно всё мужу отдаст, так что, будешь ты, Антоша самый богатый в нашем городе. Ну, как план?

— Да Вы с ума сошли?! — взорвался Антон Андреевич. — Неужели Вы не понимаете что своими словами обрекаете родственницу на смерть? Алчущие богатства её убьют без всяких церемоний!

— Ваше благородие, — Уляшин почтительно кашлянул, привлекая внимание начальника, — нужные сапоги обнаружены.

— Какие ещё нужные?! — пробасил кряжистый мужчина, чьё изрытое оспинами лицо покрыли мелкие бисеринки пота. — Мои они и ничьи более.

— Всё верно, Кондрат Поликарпович, никому боле твои сапожищи не подойдут, уж больно у тебя ножища велика, — Тимофей Тимофеевич задумчиво покругил в руках трость. — Так, значит, это ты Катерину убил, чтобы она на пути к наследству не стояла. Денег моих, значит, захотел?

— Помилуй, батюшка, — взвыл Кондрат, падая на колени и звучно бухаясь лбом в пол, — бес попутал.

— Бес? Так это дело поправимое, я слышал, в полиции дивно умеют бесов изгонять, а

кого полицейские не выгонят, тех на суде прокурор дотопчет, — раскатисто рассмеялся голубоглазый Степан, довольный тем, что ещё одним конкурентом стало меньше.

— Ульяшин, уводи, — приказал Антон Андреевич, гадая, как бы исхитриться остаться в доме, чтобы изобличить отравительницу Варвару.

Городовой почтительно вытянулся, крепко ухватил воющего Кондрата за локоть и выволок из гостиной. В комнате повисла нехорошая, бьющая по ушам сильнее криков, тишина, прерванная осторожно заглянувшей в дверь Василисой, чуть слышно прошептавшей:

— Я слуг в людской собрала, Тимофей Тимофеевич.

Господин Волков вальяжно махнул рукой:

— Распускай всех, нечего им без дела порты просиживать, чай, работа найдётся для каждого. Но сперва подойди к Антоше Коробейникову да попроси его остаться у нас на чай. Да хорошо проси, ласково, иначе выгоню тебя на улицу в чём есть и назад не пущу.

Василиса покраснела отчаянно, глаза опустила, подошла к Коробейникову и прошелестела, точно ветерок в травах вздыхающий:

— Антон Андреевич, отведайте с нами чаю очень прошу.

Коробейников, смущённый не меньше, чем сама Васенька, головой отчаянно затряс, закивал, слова не враз найдя.

— Вот и славно, — усмехнулся Тимофей Тимофеевич с кряхтением выбираясь из кресла, — вот всё и решили. Кондрата забрали, ты, Меланья, с дочкой твоей, Прасковьей, в делах мужа была не повинна, потому всё вам и отпишу. Пусть Кондрат на каторге спокоен будет, что семья его не по миру пошла. А Вы, Антон Андреевич, Василисушку под руку возьмите да в столовую ведите, там на неё и наглядитесь, сколько захотите. Если же Васенька наша расстарается шибко и исхитрится Вас ко мне в гости на пару дней залучить, то будет ей от меня кажин месяц по сто рублей на булавки. А если помимо Вас она ещё и Андрейку моего непутёвого в отчий дом вернёт, то я ей за труды кажин месяц по тысяче платить стану.

Василиса смутилась, затеребила косу, потупилась, но всё же прошептала одними губами:

— Антон Андреевич с Андреем Александровичем люди взрослые и свободные, неправильно неволить их.

— Ась? — Тимофей Тимофеевич приставил ладонь к уху. — Кака-така лягушонка на болоте чего проквакала? Ишь, раззадорилась, осмелела! Значит так, слушай меня внимательно, девонька, да и ты, Антоша, тоже примечай: коли не вернёте мне в дом Андрюшку, сошлю я эту красавицу в скит старообрядческий, связи у меня имеются. Закроют её там в келье каменной, запрут на засовы железные, век света белого не увидит! Я всё сказал, а теперь идёте чай пить. Меланья, Прасковья, ведите меня к столу, вам всё завещаю, вам за мной и ходить.

Грузная женщина в строгом тёмном платье и пышнотелая девица в вышедшем из моды наряде споро подскочили к старику, почтительно подхватили его под руки и повели из гостиной, что-то негромко щебеча на два голоса. Остальные родственники переглянулись, мужчины кто крякнул досадливо, кто зубы зло сжал, кто кулаки стиснул, однако, возражать господину Волкову никто не насмелился. Все знали: старик крут на расправу, может и тростью тяпнуть, и из дома выгнать.

Не прошло и пяти минут, как Василиса с Антоном Андреевичем остались в гостиной одни. Коробейников несколько раз пытался начать разговор, но проклятые слова мышами

разбегались по углам, не желая вставать стройными рядами слов.

— Идёмте, Антон Андреевич, — прошелестела Василиса, — Тимофей Тимофеевич гневаться станет.

— Уходить Вам надо отсюда, — выпалил Коробейников.

Блестящие зелёные глаза, опущённые длинными, кверху завивающимися ресницами, заволокло слезами. Василиса горько улыбнулась, плечиками пожалала:

— А куда идти-то, я сирота, ни отца, ни матери не имею, кому я нужна? В прислуги если только или в дом терпимости.

Видимо, семейное счастье Якова Платоновича, то, как суровый следователь расцвёл рядом с женой, сделало своё дело, Антон Андреевич откашлялся и твёрдо произнёс:

— Вы отправитесь ко мне.

— В управление? — ахнула Василиса, испуганно всплёскивая руками. — Да за что же, я же ничего не совершала?!

И так мила оказалась Васенька в этот миг, что Коробейников не утерпел, поцеловал её в щёку, прижал к себе пылко, зашептал страстно:

— Не в управление, а домой ко мне. Я Вас с матушкой познакомлю, никому в обиду не дам, от любой напасти заслоню. Едем?

— Едем, — зачарованно кивнула Василиса. — А как же чай?

— Да бог с ним, с чаем, дома попьём, а то тут ещё отравят, не дай бог, — отмахнулся Антон Андреевич и тут же посуровел. — Я Вам про отравления ничего не говорил, ясно?

— Ясно, — послушно кивнула Василиса, гадая, когда успела задремать, и за какие благодати ей такой сон чудный привиделся.

Антон Андреевич решительно повлёк барышню за собой, распахнул дверь в столовую и звенящим от напряжения голосом произнёс:

— Тимофей Тимофеевич, я забираю Василису.

Старик с шумом втянул чай из блюдечка, вытер бороду, кивнул:

— Добро. Только в обмен на Андрея. Если он завтра утром в дом не явится, я завалю всё полицейское управление жалобами, что у меня из дома девицу исхитили.

Василиса охнула, рванулась прочь, но тут гордо восседавшая по правую руку от Волкова Меланья вскрикнула, за сердце схватилась и на пол поползла. Зажатая в конвульсивно стиснувшейся ладони скатерть потянулась следом, на пол полетели ложки, выплеснулся из чашек чай, покачнулась вазочка с вареньем. Сидящая по другую руку старика Прасковья вскочила было на ноги, сделала пару заплетающихся шагов и наземь осела, словно куча талого снега.

— Доктора! — истошно закричал голубоглазый Степан, с грохотом опрокидывая стул едва ли не на пожиравшую его взглядом брюнетку.

— Доктора, доктора, — подхватили крик все вокруг, пока Тимофей Тимофеевич не шваркнул со всей силы тростью по столу, разнеся на мелкие осколки попавшую под тяжёлую руку чашку, и не проревел:

— А ну, тихо! Емельян, мухой лети за доктором, Василиса, уведи баб, от них один шум и суета, никакого толку, а Вы Антон Андреевич, приступайте к своим прямым служебным обязанностям. Если Вам какая помощь понадобится, только скажите, я враз всё организую.

Коробейников склонился над упавшими дамами:

— Якова Платоновича с Анной Викторовной позвать стоит.

Волков коротко кивнул:

— Добро. Так, кто тут есть из посообразительней? Аркадий, давай к Мироновым, зови господина Штольмана с супругой к нам, да живо!

— Дядя-дядюшка, — Степан облизнул пересохшие губы, нервно косясь на бездыханную Меланью с дочерью, — н-не знаю, как Яков Платонович, а Анна Викторовна точно прийти не сможет.

— Это ещё почему? — грозно нахмурился не привыкший к отказам старик и сурово нахмурил седые кустистые брови.

Степан опять судорожно облизнулся, рыскнул глазами по сторонам, жалея, что вообще рискнул рот открыт и понимая, что отмолчаться уже не получится, господин Волков пока всё до конца не узнает, не успокоится, старый тиран и самодур:

— Так знамо дело, мне... знакомая рассказывала, у Разумовских-то совсем неспокойно, дух бушует, житья не даёт, громит всё, дверями хлопает да стонет. Лиза и посоветовала к Мироновой обратиться, она признанная духовидица, Лиза сама к ней за помощью обращалась, когда Женечку, подругу её, убили.

— Лиза? Женечка? Ты, друг милый, опять в публичный дом шастал? — захохотал Тимофей Тимофеевич, снова обрушивая трость на многострадальный стол. — Мало нам всем сраму было, когда ты три года назад дурную болезнь прихватил, опять опозорить хочешь?!

— Не вели казнить, — завопил Степан, падая перед родственником на колени и прикрывая голову руками.

— Вон!!! — оглушительно завопил господин Волков, брызгая слюной и выкатывая покрасневшие от ярости глаза. — Все вон, дьяволы, бесовские отродья, гнездо аспидов поганых! Один у меня достойный наследник, и тот... — старик осёкся, схватил со стола чашку с уже остывшим чаем и одним махом осушил её. Выдавать того единственного, кого он считал своим наследником, Тимофей Тимофеевич не собирался. Тем более теперь, когда дело дошло уже до неприкрытого душегубства.

Дело Л 3. Достойный наследник. Цена слепого порыва страсти

Пока Антон Андреевич в доме господина Волкова искал душегуба, погубившего Катерину, да медленно, но верно запутывался в тенётах любви, в доме Мироновых тоже было неспокойно. Из дома Кирилла Владимировича, в койей совсем недавно из маленького глухого городка приехали дальние родственники князя Разумовского, прибежал бледный словно дорогой муслин слуга и заикаясь еле-еле смог вымолвить, что ему нужна Анна Викторовна. Встревоженная Прасковья бросилась к Марии Тимофеевне, коя сидела в столовой и вкушала чай, бдительно наблюдая, дабы Пётр Иванович не сильно налегал на вишнёвую наливочку.

— Барыня, — служанка непривычно поспешно вбежала в столовую, даже дверью бухнула, чего ранее за ней не водилось, — тамотки от Разумовских слуга пришёл. Анну Викторовну спрашивают, срочно!

Мария Тимофеевна досадливо поджала губы, чашку на блюдечко со стуком поставила, выдав тем самым раздражение:

— Не успела Аннушка приехать, как к ней уже просители побежали. Наверное, опять будут просить провести эти несносные спиритические сеансы, а она ведь уже не девчонка, а замужняя дама, для коей такие развлечения просто недопустимы!

— Маша, — Виктор Иванович привлёк к себе жену, поцеловал в висок, — право слово, ещё ничего не произошло, а ты уже беспокоишься.

— Когда что-то случится, беспокоиться поздно будет, — резко возразила Мария

Тимофеевна и махнула Прасковье рукой. — Чего стоишь, зови, не держать же слугу почтенных людей на пороге, это же неприлично!

Служанка кивнула и вышла из столовой, шурша юбками. Пётр Иванович, воспользовавшись тем, что неусыпное око родственницы отвлеклось, налил себе наливочки, но не успел поднести рюмку к губам, как в столовую вернулась Прасковья, а следом за ней, комкая в руках шапку, вошёл рослый чуть кособокий парень с крупными веснушками на простодушном лице сельского пастушка, коему ливрея лакея шла не более, чем корове черкесское седло.

— Здравствуйте вам, — парень поклонился, коснувшись рукою пола и чуть не выронив при этом шапку.

Мария Тимофеевна поджала губы, волосы у виска взбила, что всегда свидетельствовало о душевном беспокойстве, ответила с прохладцей:

— И тебе не хворать, любезнейший. С чем пожаловал?

Слуга потянулся было вытереть нос рукавом, застыдился, замялся, таки выронил шапку и ответил сконфуженно, опустив глаза и только что ногой по полу не шаркая:

— Дык, енто... дело у меня важное и спешное к Анне Викторовне.

— Это какое такое дело? — чуть повысила голос Мария Тимофеевна и на Петра Ивановича так глянула, что он живо поставил рюмку с наливочкой и за чашку с чаем схватился.

Слуга из дома Разумовских простодушно пожал плечами:

— Да не знай, барыня, какое. Токмо господа сказывали: хучь что делай, хучь в ногах ползай, а всенепременно Анну Викторовну але другого какого духовидца приведи. А нас ведь тамотки, — парень перешёл на таинственный шёпот, — беспокойно шибко. Дух князя покойного, спаси и сохрани Пресвятая Богородица, — слуга широко осенил себя крестным знаменем, — залютовал, прям покоя никому не даёт.

— А с чего это вдруг Кирилл Владимирович, да ещё и после смерти лютовать стал? — Мария Тимофеевна недоверчиво покачала головой. — За ним такого не водилось, князь Разумовский весьма приятный сосед был.

Слуга опять низко поклонился:

— Не ведаю, барыня, каков был Кирилл Владимирович, токмо мне Анчутка кухарка сказывала, что это папенька его, Владимир Кириллович колобродит. Видать, не доволен старый князь, что дальняя родня в дом въехала, законного достойного наследника требует.

— Да где же его возмёшь, законного, да ещё и достойного, — усмехнулся Виктор Иванович, допивая чай и отставляя чашку, — с этим и у живых беда, вон, господин Волков никак определится не может.

— Ваша правда, барин, — с готовностью подхватил слуга Разумовских, — молошница сказывала, там уже до душегубства дело дошло. Байстрюк Тимофея Тимофеевича путь к наследству расчищает, енто все знают.

Мария Тимофеевна обменялась взглядом с мужем, строго посмотрела на Петра Ивановича, кой бури семейной ждать не стал, поспешил заблаговременно спастись. Губы салфеткой вытер, из-за стола поднялся, слугу доверительно по плечу хлопнул и сказал:

— Ну что ж, коли вам спешно духовидец требуется, я готов помочь.

Парень недоверчиво сощурился:

— А не лукавите, барин? Мне Анна Викторовна требуется.

Пётр Иванович руками развёл:

— Анны Викторовны пока нет, поэтому я твоих хозяев охотно выслушаю и чем могу, всенепременно помогу.

Слуга опять низко поклонился, комкая шапку:

— Благодарствую, барин, век за Вас буду бога молить. Явите милость, следуйте за мной.

То, что в доме князя Разумовского неспокойно, Пётр Иванович Миронов понял прямо с порога, даром, что медиумом был весьма слабым. Шторы на окнах вздувались парусами, свет сам собой то включался, то гас, двери хлопали и скрипели непрерывно. Едва слуга с Мироновым вошли в дом, как им на встречу выбежала полноватая дама, кою заплаканные глаза и лёгкий беспорядок в одежде и причёске ничуть не портили, а наоборот, добавляли щемящей сердце беззащитности.

— Ну, наконец-то, — всплеснула руками дама и тут же осеклась, сурово глянув на Петра Ивановича. — Прощу прощения, сударь, кто Вы?

В доме что-то с треском и грохотом рухнула, хозяйка охнула, прижала руку ко лбу, но продолжала требовательно смотреть на посетителя. Пётр Иванович поспешно снял шляпу, поклонился почтительно:

— Позвольте представиться: Миронов, Пётр Иванович.

— Миронов? — приподняла брови дама. — Вы Анне Викторовне не родственником ли будете?

— Совершенно верно, я её дядюшка.

Печально зазвенело зеркало, по его ровной поверхности пролегла кривая, подобная молнии, трещина.

— Рогозина я, Варвара Петровна, — дама печально улыбнулась, взмахнула рукой, — хозяйка вот этого безобразия. А Анна Викторовна что же, не придёт? Конечно, я её никоим образом не осуждаю, в такой-то ад кто по доброй воле сунется.

— Анна Викторовна будет всенепременно, но пока в отступе, — Пётр Иванович взял холодную руку хозяйки, чуть сжал пальцы, — если позволите, я попробую вступить в контакт с духом.

Варвара Петровна слабо улыбнулась:

— Да ради бога. Уж что мы только не делали, даже священника вызывали, а только хуже становится. Он уже ночами душить начал. Вот честное слово, было бы куда, съехала бы не задумываясь!

Женщина поспешно отвернулась, пряча слёзы. Словно в ответ на её слабость затрещали половицы, словно кто-то незримый разразился глумливым хохотом.

"Да уж, призрак тут лютует почище, чем Ферзь. И чего ему надо?" — Пётр Иванович поёжился, ощущая на спине непрерывный тяжёлый взгляд, хуже могильной плиты к земле гнетущий.

Варвара Петровна осушила слёзы, поспешно спрятала платок и всплеснула руками:

— Ой, да что же это я Вас на пороге-то держу? Вы проходите, располагайтесь, где Вам угодно будет.

Миронов задумчиво побарабанил пальцами:

— Если позволите, я в кабинет пройду.

— Да ради бога, — хозяйка честно попыталась улыбнуться, но дрожащие губы отказывались раздвигаться в благодушной улыбке, складываясь в кривую дрожащую усмешку.

Пётр Иванович ещё раз поклонился и последовал за Варварой Петровной в кабинет, где

холод царил просто невероятный, даже облаками пар изо рта вылетал. Словно только и дожидаясь визита, со скрипом развернулось и придвинулось к Миронову массивное кресло, в коем так любил сидеть покойный Кирилл Владимирович, сама собой распахнулась коробка с сигарами, уже покрывшаяся пылью и паутиной на каминной полке, раздвинулись гардины на окне, впуская свет в это царство холода и тьмы, с потолка коего свешивались кружева паутины.

— П-присаживайтесь, — Варвара Петровна приглашающе указала на кресло, — Вы уж простите за беспорядок, только меня-то ведь сюда не пускает дух. Я только с Вами войти с могла, да-с.

Порыв ледяного ветра толкнул даму в спину, весьма недвусмысленно выгоняя из кабинета.

— Идите, не беспокойтесь ни о чём, — Миронов честно попытался придать голосу уверенности, коей отнюдь не испытывал. — Всё будет хорошо.

Варвара Петровна, подгоняя ветром, в прямом смысле слова вылетела из кабинета, дверь за ней с грохотом захлопнулась, и воцарилась тишина, холодная, оценивающая. Пётр Иванович поднялся с кресла, откашлялся и, стараясь ничем не выдать волнение, произнёс:

— Моё почтение. Я Миронов Пётр Иванович, дядя Анны Викторовны.

— Зна...ю-у-у... — ветром разнеслось по кабинету.

Миронов сглотнул, подавляя в душе желание немедленно сбежать и забыть об этом кошмаре, слишком реальном даже для него, многое повидавшем в жизни.

— Анна не смогла прийти... — Пётр Иванович закашлялся от сковавшего грудь холода, — если я могу чем-то...

— Сы-ы-ы-ын, — провыл ветер.

Миронов даже глазами хлопнул от изумления, переспросил вежливо, дабы не гневить духа:

— Что, простите?

— Мне ну-у-у-жен сы-ы-ы-ын...

Больше ничего спросить или сказать Пётр Иванович не успел. Мощный порыв ветра подхватил его и едва ли не вышвырнул из кабинета, протащил по коридору и выдворил из особняка, выразительно хлопнув дверь перед самым носом.

— До чего же невоспитанные пошли призраки, — выругался Миронов, тщательно отряхиваясь от пыли и паутины. — А ещё князь, в столице жил, в высшем обществе вращался!

Пётр Иванович махнул рукой и широким шагом направился прочь от негостеприимного поместья в сторону родного, ставшего ещё более уютным, чем прежде, дома.

— Пётр Иванович, подождите, — запыхавшаяся и растрепавшаяся Варвара Петровна догнала Миронова, схватила его за руку, глядя в лицо умоляющим взглядом бездомной собаки или загнанного оленя, — скажите, совсем ничего нельзя сделать, да?

Пётр Иванович огорчённо развёл руками:

— Он сказал, ему нужен сын.

Дама охнула, прижала руку к губам, огляделась по сторонам и перешла на чуть слышный шёпот:

— Видимо, правду люди говорят: у любого слепого порыва страсти своя цена имеется, кою рано или поздно платить придётся.

— Простите, сударыня, я Вас не понимаю, — Пётр Иванович всё никак не мог

согреться, а потому отнюдь не горел желанием разгадывать загадки.

Варвара Петровна перекрестилась и пояснила, продолжая испуганно озираться, словно боялась, что призрак выскочит на неё из ближайших кустов или из-за дерева:

— Сыночка он своего вспомнил, внебрачного.

Миронов удивлённо приподнял брови, затем нахмурился, припоминая отголоски давней истории, гулявшей по Затонску лет так...дцать назад. Люди тогда шептались, что Владимир Кириллович Разумовский от супруги своей хворой роман на стороне завёл, да так удачно, что полюбовница его сыночка от сей связи грешной прижила, коего в приют определила, а сама, душа грешная заблудшая, руки на себя наложила.

— Значит, Владимир Кириллович хочет, чтобы нашли его сына? — Пётр Иванович головой покачал. — Даже предположить не возьмусь, как сие сделать. Нам же ничего толком неизвестно, одни слухи да предположения.

Варвара Петровна сникла, точно берёзка подрубленная, платочек из кармашка потянула, к глазам прижала:

— Значит, уезжать мне надо, не даст он мне жизни, со свету сживёт. Только я последние деньги на переезд потратила, думала, обживусь, на ноги встану, а оно вон как всё поворачивается.

— Подождите, — Миронов решительно взял даму под руку, — идёмте к нам. У моей племянницы супруг следовательно известный, он, если надобность, возникнет, иголку в стоге сена и то отыскать сумеет. Уверен, Яков Платонович Вам всенепременно поможет!

Если господин Штольман в чём и готов был помочь родственнику, то только отправиться на встречу с призрачной роднёй, причём желательно по частям. Яков Платонович никогда не любил ворошить прошлое, помня высказывание отца: "тот, кто слишком часто оглядывается назад, не видит дороги впереди и пропускает много возможностей". Своим же родством с Разумовскими Штольман и вовсе не гордился, не оповещая об оном даже никого из семьи, кроме старшего брата Вильгельма, кой хранил вверенные ему секреты надёжнее, чем могила. Только вот Аннушка уже разгорелась желанием помочь несчастной страдальце Варваре Петровне, получившей в наследство не только особняк Разумовских, но и буйствующее там привидение, в коем внезапно пробудилось отцовство, чёрт бы его побрал!

— Яша, мы должны найти сына Владимира Кирилловича, — Анна умоляюще смотрела на мужа большими голубыми глазами, — он мучается без него, покоя найти не может.

— Зато сыну без такого папаши вполне покойно, — проворчал Штольман, неприступно скрещивая руки на груди.

— Annett, о той истории никто во всём Затонскн толком ничего не знает, — Пётр Иванович развёл руками. — Покойный князь был не из тех, кто любил делиться своими амурными победами.

"И слава богу, — мрачно подумал Штольман, — хоть что-то достойное было в этом человеке".

Анна Викторовна досадливо прикусила губу. Ей всем сердцем хотелось помочь несчастной женщине, которую преследовал неугомонный призрак, да и Владимира Кирилловича, чего греха таить, тоже было жаль. Пусть и после смерти, а раскаялся человек, о сыне вспомнил. Интересно, сколько сейчас его сыну?

— Да уж сороковничек скоро, — тётка Катерина, коя и при жизни не шибко

озадачивалась соблюдением правил приличия, возникла из воздуха прямо перед Аннушкой с привычной ехидной улыбкой на губах, — папаша сей ему как собаке пятая лапа, даром не нужен. Да и он Разумовскому не сильно надобен, тот, мошенник старый, о другом печётся.

— И о чём же? — Анна заинтересованно склонила голову к плечу.

Катерина крикнула, по сторонам огляделась, в поиске поддержки, крикнула сварливо:

— А чёй-то это мне опять за всех отдуваться? Я ить не нанималась, справки-то раздавать!

Марта Васильевна появилась рядом с Анной, ласковым материнским жестом погладила барышню по щеке:

— Понимаешь, Аннушка, для каждого из нас важно, чтобы потомки о нас помнили, чтили, за советом в случае надобности обращались. От этого мы, духи, сильнее становимся... — женщина замаялась, покосилась на Катерину, но та наблюдала за полётом птички, всем своим видом демонстрируя, что её беседа не касается, она так, на променад вышла.

Марта Васильевна откашлялась, чуть порозовела от смущения:

— Особенно важна связь между предками и потомками становится, когда, — женщина опять сбилась, покраснела сильнее.

— У вас с Яковом скоро наследник будет, — Платон Карлович обнял жену за плечи, прижал к себе, — вот Разумовский беситься и начинает.

— А он-то здесь причём? — изумилась Анна.

— При том, — чуть слышно прошелестела Марта Васильевна, — что Яков его сын. Внебрачный, непризнанный, сам от сего родства отрекающийся, но всё равно сын. И если Яков себя Разумовским признает, то Владимир Кириллович сможет в его детях возродиться. Законный-то сын наследников не оставил, прямая линия оборвана.

— Козёл старый бессмертия жаждет, — зло выплюнула тётка Катерина и воздела брови в ответ на укоризненные взгляды Марты Васильевны и Платона Карловича. — ой, да ладно вам, можно подумать, я что-то плохое сказала! Сколько он крови людям попортил, жену в гроб вогнал, сына редким мерзавцем воспитал, так что, вполне заслужил звания козла.

Платон Карлович нахмурился, глазами зло сверкнул:

— Я ему сына не отдам.

— Платон, — Марта прижалась к мужу, — Яков взрослый, не надо за него решать, он сам выбор сделать должен.

— Аннушка, — медовым голосочком пропела тётка Катерина, озорно поблёскивая глазками, — а ты немецкий знаешь?

Анна Викторовна головой покачала отрицательно.

— Чудно, — расплылась в проказливой улыбке тётка, — а то чует моё сердце приличными в словах твоего муженька, когда он о мечтаниях папаши узнает, будут только союзы да знаки препинания, и то не факт. Ты, давай, Аннушка, поведай супругу с дядюшкой о нашей беседе. Страсть хочется послушать, что Яков Платонович скажет.

Платон Карлович, довольно хорошо представлявший, что может сказать Яков, смущённо кашлянул и поспешил с супругой исчезнуть. Его-то самого бранные слова смутить не могли, а вот Марта всенепременно огорчится, что её всегда такой сдержанный и благовоспитанный сынок подобные конструкции сооружать умеет. В том, что Яков Платонович Разумовского признавать не захочет, Платон Карлович не сомневался. Он очень хорошо знал своих детей и верил в каждого из них даже больше, чем в самого себя.

Анна Викторовна вздохнула, не столько приходя в себя после беседы с призрачными родственниками, сколько набираясь решимости перед важным разговором.

— Ну что, Annett? — Пётр Иванович смотрел на племянницу с нескрываемым любопытством. — Дух Кирилла Владимировича сказал тебе, кто его сын?

— Я думаю, мне стоит побеседовать с князем в его доме, — ответила Анна, тщательно подбирая слова.

— Я провожу, — Яков подхватил жену под руку, — а Вы, Пётр Иванович, побудьте с Варварой Петровной. Даме нужна поддержка и дружеское участие, она очень напугана.

Миронов, коему не так и часто выпадала возможность побыть героем в глазах дам, охотно согласился и вернулся домой, боле вопросов не задавая. Чай, племянница не первый раз с призраком общаться собирается, знает, что и как делать нужно. Да и не одна в поместье будет, Штольман, если возникнет необходимость, за свою жену любого призрака в канат совьёт, даром, что в духов не особенно верит.

Анна терпеливо дождалась, пока дядюшка скроется из виду и повернулась к Якову, сама толком не зная, как ему рассказать то, о чём поведали призрачные родственники, к счастью, ничего сообщать было не нужно, супруг и так обо всём догадался. Единственное, о чём он спросил, так это о причине внезапно вспыхнувшей у князя отцовской любви. Анна Викторовна вообще лгать не любила, а уж собственному мужу и подавно, потому, немного помолчав, рассказала всё без утайки. Яков Платонович выслушал жену молча и внешне спокойно, лишь губы поджались, да желваки заперекатывались, раздражение выдавая.

— Значит, о бессмертии мечтает, — Яков Платонович глубоко вздохнул, глазами сверкнул, — что ж, по-моему, самое время навестить родственника.

— Я с тобой, — Анна лукаво улыбнулась, выдвинув самый главный аргумент, против коего возразить было нечего, — ты призраков не видишь.

В глазах господина Штольмана отчётливо читалось: "невелика и потеря", но спорить с супругой Яков Платонович не стал. Во-первых, бесполезно, Аннушка всё одно по-своему сделает, во-вторых, неразумно, он действительно не медиум, о чём ни капли не жалеет, а в-третьих, ему теперь вдвойне об Ане заботиться надо и за неё, и за малыша пока ещё не рождённого. Яков представил супругу с младенцем на руках и широко солнечно улыбнулся. Ради семейного счастья, кое подарила ему Аннушка, он готов и против тысячи призраков выстоять.

Дом князя Разумовского встретил Штольмана и Анну тяжёлой настороженной тишиной и пронизывающим до костей холодом. Анне Викторовне даже звать не пришлось дух Владимира Кирилловича, он явился сразу же, как только Яков Платонович переступил порог особняка.

— Сы-ы-ы-ын, — провыл призрак, протягивая к Штольману руки.

Дёрнулись на защиту Якова Платон Карлович и Марта Васильевна, бабушка Анны едва успела их остановить, прошептав:

— Он сам справится, его выбор.

Яков Платонович для себя решил всё уже давно, раз и навсегда определившись, кто достоин звания отца, а кто лишь благодарности за данную, пусть и случайно, жизнь и краткого объяснения.

— Сы-ы-ы-ын, — опять провыл призрак, тщетно пытаясь подступиться к Штольману, но всюду натыкаясь на незримую прозрачную стену.

Яков призраков не видел, до встречи с Анной даже не подозревал об их существовании, всех медиумов считая лишь ловкими мошенниками, но сейчас, словно по наитию, посмотрел прямо в блеклые глаза Владимира Кирилловича и даже не сказал, нет, просто подумал, размеренно и спокойно, словно план сыскных мероприятий составляя:

"Мой отец Штольман Платон Карлович и никого другого мне не надобно. Уходите. Не будет у Вас бессмертия".

Призрак взвыл, заметался, расшвыривая предметы, срывая гардины с окон и вдребезги разбивая стёкла и зеркала. Яков обнял Анну, прижал к себе, собой заслоняя от воцарившейся вокруг вакханалии.

— Ну, и долго мы в стороне стоять будем? — гаркнула тётка Катерина. — Лично мне траурные одежды не идут, так что выручаем этих двоих, кои опять в неприятности вляпались по уши.

Призрачные родственники заслонили Анну и Штольмана, вперёд вышел экзорцист, крикнул что-то витиеватое, то ли заклинание прочёл, то ли выругался витиевато. Владимир Кириллович взвыл пуще прежнего, раздулся весь, а потом лопнул, запорошив всё вокруг мелкой серой пылью.

— В следующий раз, Анна Викторовна, на встречу с призраком Ваш дядюшка отправится, — Яков тщетно пытался скрыть перенапряжение прошедших минут за светской чопорностью, — боле я и сам Вами рисковать не стану, и Вам не позволю.

— Как скажете, Яков Платонович, — Анна поцеловала мужа в щёку, прижалась к груди, где горячо билось любящее сердце.

— Я не шучу, Аня, — Яков приподнял голову супругу, заглянул в глаза, стараясь не плавиться от нежности под этим ласковым светом голубых глаз.

Анна Викторовна потёрлась щекой о плечо мужа, чувствуя себя в его объятиях защищённой от всех бурь и напастей и ловко перевела разговор:

— Ты заметил, в доме стало гораздо теплее?

— А ещё светлее и чище, — Штольман требовательно смотрел на супругу.

Анна вздохнула, понимая, что отшутиться и отмолчаться не получится. Вот ведь упрямец, точно стрела или пуля выпущенная, летит прямо, ни за что с пути не свернёт!

— Хорошо, Яша, я буду очень осторожна.

Штольман лишь головой покачал, понимая, что осторожность в представлении Анны Викторовны понятие весьма относительное.

Дело Ъ 3. Достойный наследник. Глава романтическая, от дел следственных отвлечённая

Пока в доме господина Волкова смерть собирала свой урожай, а Анна Викторовна с Яковом Платоновичем освобождали особняк князя Разумовского от злокозненного духа, граф Солнцев уступил гласу сердца и позволил себе отстраниться от всех забот и хлопот во имя ясных глаз Юлии Романовны Берестовой. Практичный разум адвоката твердил, что вмешиваться в дела следствия, особливо, если сам являешься одним из подозреваемых, не стоит, следовательно такой инициативы не одобрит, а улики, кои будут обнаружены, подвергнутся самой тщательной проверке. А раз так, лучше держаться в стороне от поисков убийц Екатерины, коя хоть и была особой подчас излишне напористой и неприлично навязчивой, всё же не заслуживала столь скорбной участи.

Андрей Александрович вздохнул, укрощая врождённое, ещё более отточенное за время адвокатской службы любопытство, открыл тёмной кожи папку, в коей хранил чистые листы

бумаги, предназначенные для деловой переписки, а также кратких семейных посланий. Сию папочку граф взял с собой наивно полагая, что в Затонске будет всё как дома: тёплая дружеская обстановка, приятные короткие записочки родным, шутливые шаржи, стишки то трогательные, то забавные, кои прячутся по всему дому, а потом обнаруживаются в самых неожиданных местах. Дом господина Волкова если и подразумевал ведение переписки, то исключительно служебной: стряпчему, управляющему, какому-либо судебному чину, да и эти послания можно было вести в строго определённый для этого день и никак иначе.

Андрей вспомнил, как дома почти каждое утро находил на подушке короткое, полное любви и нежности послание от матушки, порой шутливое приветствие от брата или наполненный искромётным юмором рисунок от отца. Да, правду люди говорят: в каждой избышке свои погремушки, а в чужой монастырь со своим уставом не ездят. Вот потому-то богатому дому Тимофея Тимофеевича граф Солнцев и предпочёл номер в гостинице, в коей, конечно, беспокойно бывает, то постояльцы съезжают, то конфуз какой произойдёт али ссора семейная, а то и вообще, как горничная украдкой поведала, шпион заведётся или душегубство случится, но всё же вольготнее. Не надо жить, всё время оглядываясь на вздорного и упрямого старика, гадать, с какой ноги он утром встал, да чем к вечеру недоволен будет, не надо постоянно мысли с чувствами скрывать, привязанностей избегать, дабы тем самым не навредить близкому человеку, если вызовешь на себя гнев господина Волкова. Андрей Александрович уж давно бы махнул рукой да уехал подобру-поздорову домой, свой долг чести за пусть и случайно данную жизнь он пред господином Волковым выполнил, наследства ему Тимофея Тимофеевича не надобно, только вот успел привязаться к Василисе, родственнице дальней. Девушка была трепетно привязана к упрямому и деспотичному старику, хоть и немало страдала от его вспышек гнева. Васенька, как её называли все домашние, душа светлая и доверчивая, алчностью изуродована не была, настойчивостью и ловкостью, способными помочь пробиться в жизни также не отличалась, а потому у родственников господина Волкова была на положении юродивой, кою и за родню считать непрестижно, и из дома гнать совестно. Одно в данной ситуации Андрея Александровича радовало: поскольку всерьёз барышню никто не воспринимал, то и устранять её в охоте за деньгами никто не станет. Граф Солнцев не терял надежды убедить барышню уехать вместе с ним и всенепременно добился бы своего, пустив в ход весь свой адвокатский талант, но встреча с Юлией Романовной кардинально изменила планы Андрея Александровича. Графиня Берестова не относилась к особам, кои изрядно успели приесться Андрею: слащавым до приторности, нарочито беспомощным или до вульгарного кокетливым. Юленька была вне всякого сомнения особой благовоспитанной и хрупкой, но при этом ощущалась в ней сила духа, коя могла бы посрамить и иного мужчину. А ещё графиня Берестова предпочитала называть вещи своими именами, держалась просто без излишней церемонности и жеманства, чем незаметно пленяла даже самое чёрствое сердце. Граф Солнцев даже не сомневался, что Юлии Романовне хватило бы не более получаса, чтобы пленить Тимофея Тимофеевича и добиться от него не только исполнения любого приказа, но и верной дружбы, в коей не было бы никаких недомолвок и подводных камней.

Андрей усмехнулся и покачал головой. Пожалуй, ещё немного и он окончательно идеализирует графиню Берестову, приравняет её к святым, кои достойны безмерного обожания, но расположены слишком высоко для притязаний простых смертных. А подобный расклад графа Солнцева ничуть не прельщал, он не хотел становиться тем самым сверчком из старинной баллады, коий посвящал свои песни звезде, не имея ни малейшего шанса на

взаимность.

— Что ж, оставим романтические вздохи для незащищенных юнцов и начнём действовать, — Андрей Александрович звучно хлопнул себя ладонью по колену, подхватил шляпу и перчатки и решительно вышел из номера, не забыв прихватить трость, вещь не только модную, но ещё и весьма полезную, так как умелый мастер поместил внутрь сего предмета тонкий и острый клинок. Раз уж охота за наследством приняла смертельный оборот, глупо манкировать средствами защиты.

Юлия Романовна, после случившегося в её жизни краха первой, самой чистой и доверчивой любви, ставшая более практичной, нежели романтической, старалась близко к своему сердцу никого не подпускать. Граф Солнцев приятным обхождением и искренними, столь нехарактерными для человека, вхожего в высшее общество, манерами задел некую чувствительную струну в душе графини Берестовой. Дабы не начать строительство очередного воздушного замка, под обломками коего можно было похоронить сердце, Юленька после прогулки всё своё внимание сосредоточила на Аглаше, стараясь устроить её наилучшим образом. Когда девушка утомилась и заснула, крепко прижав к груди тряпичную куклу, графиня Берестова глубоко вздохнула и достала вышивку лентами, начатую ещё до свадьбы Якова и Анны да так и не законченную по сию пору по причине того, что вышивать Юлия Романовна садилась исключительно в пору душевных тревог, кои посещали её не часто. Вот и теперь Юленька успела сделать лишь пару стежков, как в дверь почтительно постучали.

— Входите, — откликнулась графиня Берестова, с тайным удовольствием откладывая рукоделие.

В комнату вошла миловидная горничная, присела почтительно и деликатным приглушённым голосом сообщила, что госпожу графиню желает видеть молодой собой весьма привлекательный мужчина, назвавшийся Андреем Александровичем Солнцевым. При упоминании сего имени Юлия Романовна смущённо вспыхнула, потом побледнела, нервно заправила выбившийся из причёски локон на ухо, потом снова выпустила его, затеребила подвеску на шее и коротко кивнула:

— Зови.

Горничная с готовностью распахнула дверь, но тут же была остановлена не менее кратким и решительным:

— Постой.

Служанка замерла, готовая, если таков будет приказ госпожи графини, даже из окна посетителя выкинуть, дабы он не смущал покой милейшей Юлии Романовны.

— Скажи Андрею Александровичу, что мне нужно переодеться, — Юленька критически осмотрела домашнее платье, сшитое просто и без лишних украшений, — пусть подождёт в гостиной. Да сама не мешкай, поможешь мне переодеться.

— Слушаюсь, — горничная присела, нарочито медленно повернулась к двери, но новых приказаний не было.

Едва служанка вышла, графиня Берестова отбросила вышивку и метнулась инспектировать гардероб. Платья диковинными райскими птицами залетали по комнате, безжалостно отвергаемые то по причине неподходящего для данного времени суток кроя, то из-за излишне мрачной или же через чур яркой расцветки, то в связи со слишком скромными украшениями или, наоборот, их избытком, придававшим платью вид декоративной клумбы.

— Да что такое-то, право слово, — вспыхнула Юленька и даже ножкой досадливо притопнула, — от платьев даже гардероб не закрывается, а надеть нечего! Хоть в ночной рубашке иди, честное слово!

— С Вашей-то стройностью, барышня, Вы можете и неглиже выйти, — вернувшаяся горничная с неподдельным восхищением смотрела на графиню, — барин как Вас увидит, так непременно на колени падёт и своё сердце к Вашим стройным ножкам бросит.

— На сердце мужчины, коего девичья красота на колени ставит, много претенденток — вздохнула Юлия Романовна, — и ни одна из них ему не нужна, потому как поиграется он с очередной красавицей, словно новой куклой, изломает её, а потом бросит безжалостно, влекомый новой прелестницей. И так до тех пор, пока сырая земля не подарит ему вечного покоя, смилив порывы страсти.

— Господь с вами, барыня, — горничная перекрестила девушку, — нешто такой молодой красавице, да ещё перед встречей с кавалером пристали подобные мысли? Полно Вам, всё у Вас будет ладно да складно, верьте мне, у меня глаз верный.

Юленька тряхнула головой, перебросила волнистые пряди наперёд, окинула себя внимательным взглядом в зеркале:

— Твоя правда. Подай мне голубое с белым платье, в нём, если Андрей Александрович пригласит, и на прогулку выйти можно будет.

— Только шаль тёплую возьмите, к вечеру-то опять знобко станет, весеннее солнце коварное, — горничная споро нашла нужное платье, помогла графине облачиться в него и не утерпела, руками всплеснула. — Красавица Вы, барыня, как есть красавица!

Юлия Романовна придирчиво изучила себя в зеркале. Конечно, бледновата по местным меркам, да и суховата, всё-таки столичные каноны моды от провинциальных отличаются, здесь больше в чести дамы с формами, хоть щеголихи местные и гонятся за парижской модой, порой до посинения стягивая корсетом природные богатства. Графиня Берестова повернулась правым боком, глаза скосила, профиль рассматривая. Да, тонкокожна, зато волосы пышные и густые, ресницы подобны восточным опахам... А это ещё что?! Юленька стремительно повернулась, так что юбка с шелестом вокруг ног обвилась, в зеркало едва ли не носом уткнулась, отчего его ровная блестящая поверхность затуманилась, запотела. Матушки-светы, да никак веснушки проклятые выскочили! Вот ведь пакость какая, не успеет солнышко проглянуть, как они тут как тут и никакие новомодные мази от них не избавляют! Юлия Романовна с горечью и досадой потёрла пальцем переносицу, на коей, словно нарочно, задорно рыжели ровно семь пятнышек. Разумеется, стереть веснушки не получилось, только кожу растёрла, отчего нос совершенно неприлично покраснел. Вот и новая напасть, а Андрей Александрович уже ждёт! Юленька в сердцах плюнула на зеркало, вспомнила пословицу, устыдилась, покраснелась, ногой топнула и из комнаты выскочила в совершенно растрёпанных чувствах, в коих выходить к гостю и не следовало бы.

"Ну и пусть, — зло подумала барышня, — не стану я перед ним притворяться, пусть увидит меня без прикрас, как есть. Коли испугается и общаться не захочет, переживу".

Однако ужасаться, брезгливо морщить нос или же и вовсе убежать граф Солнцев не спешил. Почтительно встал, едва Юлия Романовна вошла, коротко поклонился, самым деликатным образом извинился за неожиданный визит, чем раздосадовал графиню Берестову ещё больше.

— Полно, граф, мы не на светском рауте у Её Императорского Величества, к чему такие кургуазности?

— Прошу прощения, сударыня, — Андрей чуть приметно улыбнулся, — я не хотел Вас обидеть.

— Вы меня и не обидели, — Юленька покосилась в висящее на стене зеркало, досадливо поморщилась и поспешила отвести взор.

— Французские модницы в этом сезоне провозглашают естественность облика, — граф Солнцев мягко взял графиню за руку. — Юлия Романовна, осмелюсь заметить, Вы очаровательны.

Юленька посмотрела сумрачно. Угу, как же, очаровательна. Конопатая, точно кукушкино яйцо, тощая, бледная, просто глаз не отвести! То ли дело Аннушка, вот она настоящая красавица, неудивительно, что Яков оказался сражён наповал и капитулировал пред её шармом и прелестью.

Андрей же воспользовался тем, что барышня не спешит отстраняться, поднёс ручку Юленьки к губам и коснулся запястья, что с точки зрения света считалось лаской сокровенной и даже несколько скандальной.

— Что Вы делаете? — ахнула графиня Берестова возмущённо, высвобождая руку, впрочем, без особого пыла.

— Зато Вы перестали переживать по поводу Ваших очаровательных веснушек, кои, не стану скрывать, я бы перецеловал все до единой.

Личико Юленьки озарила ласковая смущённая улыбка, голосок дрогнул от волнения, потому и слова строгие прозвучали как изысканная нежность:

— Вы забываетесь, граф. Такие слова более пристали супругу, нежели знакомцу, коего барышня знает даже менее одного дня.

— Я почту за честь стать Вашим супругом, сударыня, — Андрей церемонно поклонился, даже каблуками щёлкнул.

Юленька вспомнила господина Разумеева, его шальные горячечно блестящие глаза, жадные руки и страстные заверения в верности, коим на проверку оказалась цена грош ломанный, даже и того меньше:

— Что ж так скоро? Али кредиторы на пятки наступают, жить не дают?

Андрей на насмешку даже бровью не повёл:

— Считаю оскорблением таить свои мысли и чувства от дамы, чьим обществом дорожу. Я понимаю, словам Вы не верите и правильно делаете, смею заметить, а потому готов подтвердить всё сказанное действиями.

— Что, готовы у братца моего благословения на наш брак просить и помолвку огласить? — усмехнулась Юленька недоверчиво и к окну отошла, зябко в шаль кутаясь. На душе было сумрачно и холодно, глаза щипали слёзы досады на то, что ещё один рыцарь без страха и упрёка оказался пустышкой, блестящим доспехом, не более.

— Хоть сегодня.

— Полно, Андрей Александрович, — устало отмахнулась Юлия Романовна, — Ваша шутка совсем не смешна, неприлична и весьма утомительна. Оставьте меня, я устала.

Граф Солнцев медленно поднялся, поклонился, звучно щёлкнув каблуками:

— Как Вам будет угодно, сударыня. Если Вы когда-либо возжелаете моего общества, дайте знать, я остановился в осьмнадцатом номере. Честь имею, сударыня.

Андрей ушёл, плотно закрыв за собой дверь, Юлия же сжалась, даже кулачки стиснула, дабы в самый последний момент не дать слабинку, не оглянуться, не попросить остаться. Только из окошка не утерпела, выглянула, взглядом провожая статную фигуру графа

Сонцева. Вот к Андрею Александровичу подбежал какой-то молодец, по обличью слуга, низко поклонился, заговорил, периодами даже руками, точно крыльями, взмахивая. Граф Солнцев обернулся на окно Юлии Романовны, та едва успела за штору отпрянуть, усмехнулся грустно, а потом отправился следом за слугой, по-прежнему что-то бурно рассказывавшему.

"Вот и закончился твой краткий роман, — Юлия Романовна досадливо смахнула со щеки слезинку, — ну и ладно, ну и пусть, мне и без душевных потрясений есть чем заняться".

Барышня вернулась к себе, с отвращением посмотрела на отброшенную вышивку, даже в руки её взяла, но заставить себя приступить к рукоделию не смогла. И так тошно, к чему ещё скучным делом тоску усугублять?

— А пойду-ка я прогуляюсь, — решила графиня, поспешно накидывая на плечи тёплую накидку с пелериной и завязывая ленты шляпки. — Узнаю последние городские новости, к Аннушке с Яковом зайду... О, предсказательницу навещу, вчера, помнится, отдыхающие на водах о ней рассказывали, вроде как даже хвалили.

Слова с делом у Юлии Романовны расходились крайне редко, посему не прошло и получаса, как графиня Берестова уже шла по тихим улочкам Затонска, вежливо кивая в ответ на раздающиеся со всех сторон приветствия и время от времени останавливаясь поболтать то с одним, то с другим знакомцем.

— Слышали, моя милая, — щебетала госпожа Татьяна Аполинарьевна Коробейникова, матушка Антона Андреевича, обладавшая удивительным талантом собирать новости по всему городу и при этом не выглядеть сплетницей, — у Тимофея Тимофеевича Волкова такое случилось, страх просто!

— И что же у него произошло? — вежливо осведомилась Юленька чуть дрогнувшим голосом. Уж не из-за происшествия ли у господина Волкова Андрея Алескандровича срочно отозвали?

— Ой, графиня, — Татьяна Аполинарьевна, прижала пухлые ручки к груди, — наследнички-то совсем с ума посходили, уже убивать друг друга начали! Сначала девицу в лесу, рядом со сгоревшим охотничьим домиком Елагиных нашли, а теперь ещё двух отравили, тех уже прямо в доме. Люди говорят, — госпожа Коробейникова перешла на доверительный шёпот, — это кто-то из мужчин себе путь к богатству расчищает. Ой, беда, опять у меня Антошенька весь день голодным будет бегать, добро, коли за полночь домой вернётся. Одно радует: Яков-то Платонович тоже в городе, уж вдвоём-то они душегуба всенепременно същут, это уж не извольте беспокоиться. Кстати, о Якове Платоновиче, а Вы слышали, что в поместье Разумовского-то произошло? Такой кошмар, уже за священником послали, будут дом заново освящать.

Перипетии нелёгкой судьбы дальней родственницы покойного князя Разумовского Юленьку волновали мало, но уважительного повода для того, чтобы прервать Татьяну Аполинарьевну, не было, приходилось изображать горячий интерес. Неторопливо вышедшего из-за угла Петра Ивановича Миронова графиня Берестова встретила словно принцесса своего спасителя, улыбнулась до того ярко и радостно, что господин Миронов чуть не упал, о собственную трость споткнувшись.

— Пётр Иванович, а вот и Вы, — прошептала Юлия Романовна, поспешно прихватывая кавалера под руку и вежливо кивая госпоже Коробейниковой, — прошу нас простить, Татьяна Аполинарьевна, у нас с Петром Ивановичем есть одно важное дело. Готовим

сюрприз Аннушке с Яковом Платоновичем.

— Дело хорошее, — благостно улыбнулась госпожа Коробейникова и поспешила разносить благостную весть о сюрпризе по всему городу.

Пётр Иванович благоразумно дождался, пока Татьяна Аполинарьевна отойдёт достаточно далеко, дабы не слышать разговора (а слух у почтенной дамы был исключительный!) и лишь после этого позволил себе вежливо уточнить, дабы не оконфузить прелестную спутницу:

— И какой же сюрприз Вы желаете подготовить?

Юленька пожалала плечами, поправляя накидку:

— Право слово, даже и не знаю. Может Вы, Пётр Иванович подскажете?

Господин Миронов внимательно посмотрел на барышню, заметив и нервическую резкость движений, и печаль в глазах и общую бледность, свидетельствующие о душевном беспокойстве. Ах, как часто мелькало нечто подобное в лице Annette, когда коварный Купидон принимался терзать чувствительные струны её сердца, устраивая размолвки с Яковом Платоновичем, или когда госпожа Нежинская опять пыталась заполучить господина Штольмана, опутать его тенётами лукавства и обмана, или князь Разумовский дерзал нарушить покой душевный своими неуместными и совершенно нежеланными ухаживаниями. Любовь-любовь, как же ты безжалостна к тем, кто возлагает сердца свои на твой алтарь, где под нежными лепестками роз скрываются отравленные шипы! Пётр Иванович вздохнул, головой чуть приметно покачал и предложил погрузневшей, словно даже поблэкшей и сжавшейся барышне:

— А знаете, что, Юлия Романовна? Давайте-ка мы с Вами посетим предсказательницу. Люди говорят, сия особа весьма проницательна и может дать ответ на любой, терзающий душу, вопрос.

Графиня раздумывать долго не стала, охотно приняв предложение, кое как нельзя лучше соответствовало её собственным душевным порывам.

Прорицательница, дама неопределённого возраста и довольно невзрачной наружности, приняла посетителей радушно. Петру Ивановичу сказала, что всё в его руках, лишь от него зависит собственное счастье или же беды, после чего предложила угоститься чаем или же вином с печеньем, дабы скоротать время ожидания прекрасной спутницы. Господина Миронова такое предложение вполне устроило, он охотно налил себе бокал кларета и устроился в глубоком кресле с готическим романом, кой взял с книжной полки, произведения на которой призваны были удовлетворить литературный вкус любого посетителя прорицательницы.

Графине же Берестовой гадалка пристально посмотрела в глаза, затем пристально изучила левую ладонь, после чего ещё и карты разложила, да не один раз, а целых три.

— Что же там, сударыня? — не вытерпела Юленька. — Уж скажите, сделайте милость!

— Не будет веры, не будет и счастья, — вздохнула прорицательница, — прошлое тебя к земле гнетёт, словно цепи кандалы. Оттолкнула ты того, кто сердцу дорог стал, побоялась поверить, а ему опасность грозит, — гадалка сверкнула глазами, хрипло выдохнула — смертельная!

Юленька глухо охнула и прижала пальчики к губам. Практичная, привыкшая основываться на доводах разума часть её резонно замечала, что прорицательницу могли и специально подкупить, но сердце билось и рвалось к Андрею Александровичу. Что ж, пожалуй, пришло время воспользоваться полученным ещё в первый день по приезде в

Затонск приглашением и навестить Тимофея Тимофеевича. Тем более, что очень хочется узнать, кто же из наследничков готов по костям к своему счастью карабкаться, презрев законы светские и божественные.

Дело Ъ 3. Достойный наследник. Жмурки со смертью

Господин Волков, после того, как две его родственницы покинули земную юдоль и отправились в мир иной, со слов священников более благостный, приказал всем домочадцам разойтись по комнатам, под ногами у следователей не путаться и при этом оказывать дознанию всевозможную помощь. Братец троюродный, Емельян Макарович, вздумал было спорить, да получил тростью по голове с такой силой, что до покоев добирался при помощи слуги. Антон Андреевич хотел было возразить, что не дело бить родственников, но Тимофей Тимофеевич весьма выразительно посмотрел на господина Коробейникова, и тот разом вспомнил, что молчание суть золото и высшая добродетель человечества.

— Вам как удобственнее, к каждому сродственнику моему в комнату приходить али их сюда приглашать? — деловито, словно речь шла о способах выпекания хлеба, уточнил господин Волков, чьи вспышки гнева сменялись благостным настроением быстрее, чем порывы ветра в непогоду.

Антон Андреевич принахмурился, решая, как разумнее поступить:

— Пожалуй, резоннее сначала сродственников Ваших тут допросить, а потом в покоях их обыск учинить.

— А коли будут возражать, Вы мне скажите, я им враз ума добавлю, — Тимофей Тимофеевич выразительно крутанул в руках трость и тут же рявкнул. — Ну где там остолоп, коего я за Андреем посылал? Чего он копается, словно у меня впереди целая вечность с бесконечностью?!

— Тутачки мы, барин, — слуга низко поклонился, коснувшись рукой пола, — вот, привёл Андрея Александровича, как Вы и просили.

Господин Волков нахмурился, побагровел и бросил зло, почти выплюнул через плотно стиснутые зубы:

— Ну что, мальчик, нагулялся?

Граф Солнцев ликом закаменел, точно гора ледяная, о коей Василиса в книге читала, энциклопедией именуемой, да ответил негромко:

— Если Вам действительно так приятно моё общество, господин Волков, будьте так любезны, следовать правилам хорошего тона.

В глазах Тимофея Тимофеевича вспыхнуло нечто, на одобрение похожее, губы чуть расслабились, даже речь стала внятнее:

— Ишь, какой, моя кровь, сразу видно. Не морщись, не морщись, чай, все, кто здесь обитает, о нашем родстве знают. Так вот, сударь мой разлюбезный, слушай меня внимательно: в доме моём смерть завелась, словно крыса поганая, троих уже с собой забрала, причём не абы кого, а тех, кого я своими наследниками назначал.

Андрей Александрович молча кивнул, обо всём произошедшем в доме ему успел поведать слуга, так что известие новостью и сенсацией не стало.

Тимофей Тимофеевич опять побагровел, на слугу зыркнул строго:

— Вижу, тебя уж оповестили, худую весть с цепи спустили, теперь она по всему Затонску гулять пойдёт. А Штольман-то так и не пришёл ещё?!

— Не видать пока, — седой, хоть и на пять лет моложе хозяина, управляющий низко поклонился барину, — обождать придётся.

Господин Волков желваками поиграл, трость в руке позажимал, заставив родственников испуганно притихнуть, но всё же сменил гнев на милость, не стал громы с молниями метать, рукой махнул благостно:

— Ладно уж, как придёт, сразу ко мне направьте, да что б без промедления. Ты, Андрей Александрович, в прежних своих покоях располагайся, да больше не уходи, не срами меня, старика, а то что люди-то скажут? Выжил мол, самодур старьёй, родную кровь за порог, словно тряпку грязную, вышвырнул, по чужим людям крова искать отправил. Нелепо так, срамно, а позорить себя я не позволю. Ты, Антоша, кхм, Андреевич, следствие своё проводи, что там надобно, то и делай, а коли кто станет тебе препоны чинить, сразу мне скажи, я всем враз ума через задние ворота добавлю. Васька, а ты со мной ступай, читать мне станешь. Да не скукоту свою энциклопедную, а роман выбери позанимательней, можно даже с привидениями. Страсть я люблю историйки с духами, да позабористее, чтобы кровь в жилах стыла.

Василиса таких историй не любила, она была барышней впечатлительной и после прочтения жутких сцен спать не могла, встревоженно прислушиваясь к шорохам и скрипам за запертой дверью спальни, но спорить с Тимофеем Тимофеевичем не насмелилась. Вздохнула печально, готовясь к очередной ночи бессонной, за книгой направилась, да была остановлена за руку графом Солнцевым. Коробейников при виде того, как его барышню за ручки кавалер берёт, пусть и родственник дальний, принахмурился, покраснел и излишне резко вопрос задал Степану, кой от неожиданности поперхнулся и раскашлялся до слёз, некрасиво пятнами покраснев и носом захлюпав.

— Пстой, Василиса, не спеши, я думаю, живое общение готический роман легко заменить сможет, — Андрей Александрович белозубо улыбнулся.

— Ты что ли со мной общаться надумал? — прищурился старик. — С чего бы вдруг? Девку что ли пожалел? Так ты не переживай, у ней защитник уже сыскался, да не какой-нибудь, а сам Антоша Коробейников, следователь, гроза преступности Затонска!

— Тогда тем более Василисе благостнее будут стихи да романы любовные, а не страхи готические, — граф Солнцев держался ровно, ни взглядом, ни голосом недовольства не показывая, и тем самым и собеседника своего исподволь понуждая смирять страсти души.

Господин Волков щекой дёрнул, глазом на замершую, точно кролик пред удавом, Василису сверкнул и рукой вальяжно махнул:

— Добро, пусть по-твоему будет. Уступлю тебе, в честь твоего возвращения под отчий кров, ты же мне сын, пусть мы с матушкой твоей и прошли мимо алтаря, сразу на ложе брачное.

Пышногрудая рыжеволосая девица, коей стыдливость шла не более, чем свинье фрак, нарочито громко ахнула, по сторонам оглянувшись, оценивая, сколько сродственников её поддерживают. Дама в поношенном платье в окно смотрела, машинально теребя простенький медальон на длинной серебряной цепочке, Степан, время от времени взволнованно приглаживая свою светлую шевелюру, испуганно косился на Коробейникова, кой и не скрывал, что выбрал его первой жертвой для допроса. Худощавая брунетка кусала тонкие губы, бросая на Антона Андреевича пламенные, полные злобы и презрения взгляды, но следователь испепеляться не желал, неприязнь барышни игнорируя самым возмутительным образом.

— Значится так, — Тимофей Тимофеевич бухнул тростью об пол, — все пошли вон, кроме господина Коробейникова, кой тут будет допрашивать. К себе в управление сей

курятник не приглашайте, они все хучь и дурные, да мои, уж не срамите лишний раз, они в грязи имя моё честное извалять и сами горазды. Андрей Александрович, ты, сокол мой, будешь меня историями забавлять, Васька, ты у себя затихарись, чтобы я даже не вспоминал о тебе, все остальные кыш по комнатам и сидеть там тише мышей. Если я подумаю, что кто-то меня ослушался, худо будет всем.

— Право, — попытался было возразить сродственник с красным носом, уже успевший получить тростью по голове, но стоило только господину Волкову выразительно вскинуть своё орудие возмездия, как мужчина испуганно вскинул руки и бухнулся на колени:

— Не вели казнить, батюшка, всё исполню по желанию твоему!

Родственники, словно вспугнутые брошенным в пруд камнем утки, поднялись со своих мест и спешно покинули столовую, не смея даже меж собой перешёптываться. Степан дёрнулся было следом за всеми, но был остановлен безжалостным:

— Прошу Вас остаться.

"Влип, — мелькнуло в голове у перепуганного блондина, — один тонуть не стану, всех за собой потащу".

Едва слуга закрыл дверь в столовую, оставляя Степана один на один со следователем, голубоглазый красавец и любимец дам окончательно сник, метнулся к столу, трясущейся рукой схватил стакан, наполнил его водкой, не столько налив, сколько расплескав, залпом осушил и рухнул на стул.

Антон Андреевич, в первое мгновение опешивший от такого самоуправства, оскорблённо выпрямился и строго приказал:

— Сядьте прилично, Вы на допросе, а не вечеринке приятельской.

Степан тяжело вздохнул, но сел ровно, смахнул пот со лба и скрестил руки на груди, дабы не так сильно заметна была их нервная дрожь.

Коробейников кашлянул, бумагами пошуршал, настраиваясь:

— Итак, Степан Владимирович...

Блондин головой дёрнул, точно его ударили, закричал страстно, лихорадочно блестя голубыми глазами:

— Не повинен я, это всё Ольга, она, ведьма, всё придумала, а я не хотел, я люблю дядюшку, я ничего дурного не хотел! А она, змеища, меня соблазнила, голову мне задурила, опутала, околдовала!

— Успокойтесь, — приказал Антон Андреевич, у коего даже в ушах от воплей истерических зазвенело, — что придумала Ольга?

Степан трясущимися руками вытянул платок, промокнул лоб, облизнул пересохшие губы:

— Так, знамо дело, всех иных наследников опорочить, чтобы Тимофей Тимофеевич нам наследство оставил.

Коробейников брезгливо поморщился, но не отступил, продолжил допрос, пока Степан Владимирович от страха не опомнился и не замолчал:

— И каким же образом вы планировали родственников порочить?

Блондин плечами пожал:

— Так знамо дело, каким, разными. Ваську, мышь серую, запугать, байстрюка из дома выжить, Демьяна спойть, благо, он и так всё время навеселе, Никодима в воровстве обвинить, а Катьку с Нинкой в блюде уличить, тем более, что они обе те ещё б... — Степан поперхнулся под грозным взором следователя, закончил хрипло, — барышни. Ну и

остальных пораскидать, кого как.

— А когда не получилось Катерину опозорить, Вы решили её убить?

Степан рухнул на колени, голову обхватил, заголосил, словно плакальщица на похоронах:

— Да не убивал я, вот Вам крест! Куда мне, я мертвяков с детства боюсь, да я же теперь неделю спать не смогу, Меланья с Парашкой пред глазами стоят. Да и душителя Катерининою Вы, Антон Андреевич, уже нашли.

"А про то, что девушку ещё и отравили, он, похоже, не знает, — отметил Коробейников, брезгливо глядя на ползающего в ногах Степана. — Вот же, гад какой, с виду красавец герой, а на проверку трус первостатейный".

— Хватит голосить, — прищипнул на допрашиваемого Антон Андреевич, — если Вы ни в чём не виноваты, бояться Вам нечего.

Степан выкатил покрасневшие голубые глаза:

— Страшно мне... Смерть в доме в жмурки играет, а ну, как и меня ухватит? А я ведь молодой, я жить хочу!

Коробейников понял, что больше ничего от трясущегося, словно студень, блондина не услышит, позвонил резко в колокольчик, приказал вошедшему в столовую слуге привести Ольгу, а Степана Владимировича сопроводить в его покои и никого к нему не пускать.

— Будет сделано, барин, — слуга низко поклонился и спешно вышел, дабы уже через пять минут привести в столовую пышногрудую рыжеволосую девицу, держащуюся с надменностью королевы.

— Трус, — прошипела красотка, едва скользнув взглядом по съёжившемуся, точно побитая собака, Степану, — мозгяк бесхребетный, только и корысти, что рожа смазливая.

— Не виноват я, Оленька, — проскулил блондин, — пытаюсь ухватить барышню за юбку, — ни в чём пред тобой не повинен.

Красотка гневно рванулась, едва без юбки не оставшись, и подошла к Антону Андреевичу, более блондина не замечая:

— Ну, господин следователь, чего изволите? Клеймить меня станете але пороть публично?

— Если понадобится, то и буду, — решительно ответил Антон Андреевич, но на Ольгу его демарш впечатления не произвёл, девица фыркнула брезгливо и плечиком повела, плавно и не дожидаясь позволения опускаясь на стул и кокетливо подпирая голову пухлой ладошкой.

Под насмешливым взором барышни Коробейников ощутил себя гимназистом, но слабости своей решил не показывать:

— Вы со Степаном Владимировичем в каких отношениях?

Красотка опять плечиком повела, хохотнула коротко:

— А то он Вам не рассказывал! Полубовник это мой, коего я за дальнего родственника выдать решила, дабы увеличить шанс на наследство.

— А когда обман удался, решили соперников устранять?

Ольга удивлённо брови вскинула:

— И что в этом такого? В природе каждый за свой кусок бьётся, чай, и мне не зазорно. На кой, спрашивается, Ваське деньги, она же дура блаженная. Или Демьяну, он же всё е кабаках оставит! Об иных прочих я даже вспоминать не хочу, налетели, точно вороньё, кружат вокруг Тимофея Тимофеевича, заботу изображают, а ему и не нужен никто,

куражится он над нами, козёл старый, склоками нашими забавляется.

От сквозившей в словах Ольги желчи Антона Андреевича даже затошнило. Захотелось поскорее вырваться из этого осинового гнезда, где легко и привольно только смерти, вдохнуть полной грудью пьянящий свежий воздух улицы, встретиться с таким честным и настоящим Яковом Платоновичем, заглянуть в искрящиеся смехом голубые глаза Анны Викторовны. А всего пуще захотелось вырвать из клубка аспидов Василису, пока смерть не нашарила её своей холодной костлявой рукой.

— Вы убили Катерину, Меланью и Прасковью?

— Так Катьку же Кондрат Поликарпович задушил? — неприятно удивилась Ольга. — А кто этих двух крыс извёл, не ведаю, хотя искренне душегубу этому благодарна, от двух конкуренток разом избавил. Вот бы и ещё рады наши почистил, а то нахлебников в доме страх до чего много.

— Не бойтесь, что следующей жертвой станете? — не вытерпел Антон Андреевич, сжимая кулаки, чтобы окончательно не сорваться.

Ольга томно плечами повела:

— Какой резон меня убивать? Господин Волков меня достойной назовёт, только если совсем уж никого, кроме блаженной да байстрюка, не останется. А тех я и сама с пути уберу, они мне не соперники.

Коробейников резко позвонил в колокольчик, приказал слуге привести Варвару и увести Ольгу.

— Вы чисто султан магометанский, — съязвила рыжеволосая красотка, уходя из столовой, — одну девицу на другую меняете и от каждой сказок требуете. А коли побасенка не понравится, голову снимете? — Ольга окинула следователя холодным изучающим взглядом. — Нет, куда Вам, жидковаты Вы на роль тирана, даром, что в начальнички выбились.

Варвара, стройная, ещё не утратившая былой красоты дама в элегантном, хотя уже несколько заношенном платье, держалась с воистину королевским достоинством. На стул опустилась лишь после предложения присесть, с позволения Коробейникова налила себе чашку чая и вопросительно приподняла брови, мол, чего господин следователь изволит?

— Варвара Тихоновна, — Антон Андреевич откашлялся, — у нас есть свидетель, кой утверждает, что видел, как Вы давали Катерине перед её свиданием с Андреем Александровичем некое зелье.

Женщина плавно, без стука, опустила чашку на блюдце:

— Если бы Вы свидетелю сему неведомому верили, то меня о сём бы точно не стали спрашивать.

— Я даю вам шанс чистосердечно обо всём рассказать.

Варвара допила чай, отодвинула чашку, плавно поднялась, мягким материнским жестом провела по щеке дёрнувшемуся от неожиданности Коробейникова и прошептала:

— Так не о чем рассказывать. Вы меня за руку ловили? Нет. Подтверждения словам неведомого свидетеля у Вас есть? Нет. Может, иные улики, меня изобличающие имеются? Опять-таки нет. А на нет, милейший Антон Андреевич, как известно, и суда нет. Оговаривать же себя я не стану, я же не дура и не трусиха, коя от собственной тени шарахается.

— Я прикажу провести обыск в Вашей комнате, — пискнул Коробейников, и совсем по-мальчишески шмыгнул носом.

Варвара Тихоновна одарила следователя мягкой мудрой улыбкой:

— Ваше право, Антон Андреевич, препятствовать не стану. У Вас ко мне ещё вопросы имеются, али я могу идти?

Коробейников покусал губы, нерешительно головой мотнул:

— Ступайте. Но будете находиться под надзором слуги.

— В уборную тоже с них ходить прикажете? — мягким тоном осведомилась дама.

— Да, — рыкнул окончательно рассерженный Коробейников и властно махнул рукой. — Ступайте.

— Тамотки Яков Платонович с супругой пожаловали, а ишшо графиня Берестова прибыла, — отгарабанил явившийся на звон колокольчика слуга, — они все сейчас к Тимофею Тимофеевичу направляются.

"Чисто в жмурки со смертью играем, — подумал Антон Андреевич, — и не факт, что в забаве сей можно выиграть".

Дело ЛЬ 3. Достойный наследник. Любящие родственники

Юлия Романовна, за время своего пребывания в Затонске успевшая наслушаться всевозможных ужасов о склочном и вспыльчивом, а в гневе ещё и тяжёлом на руку старике, представляла себе господина Волкова едва ли не таким же тираном, как покойный супруг Аглаши, коего прямо в спальне на брачном ложе канделябром пристукнули. Графиня Берестова перед встречей с Тимофеем Тимофеевичем облеклась в броню светской невозмутимости и чопорности, благо опыт защиты от стрел сарказма имелся и немалый, в блистательной столице любят посудачить о соседях ничуть не меньше, чем в провинциальном городке.

Господин Волков встретил графиню в небольшой комнате, большую часть коей занимал письменный стол, на коем в идеальном порядке были разложены документы, горделиво поблёскивала бронзой чернильница, а в специальной подставке вытянулись, точно солдаты на параде, ручки, да не современные, а всё больше стилизованные под гусиные перья, кои были в ходу у бабушек с дедушками.

— Графиня Берестова, — Тимофей Тимофеевич при появлении Юленьки встал из глубокого кресла у камина, окинул барышню пристальным взором пронзительных колючих глаз, спрятавшихся под густыми косматыми бровями, — за какие же прегрешения столь блистательную даму в наш тихий городишко сослали? Али фрейлине какой причёсочку попортили? А может, с князем стрелялись?

— Да боже сохрани, — отмахнулась графиня Берестова, — дуэль — удел мужчин, я на сию забаву не претендую. Есть масса способов испортить человеку жизнь, не привлекая к сему процессу внимания широкой публики.

Господин Волков разразился громким чуть дребезжащим смехом:

— Да уж наслышан, наслышан, как Вы в Петербурге, столице нашей благословенной, полюбовницу господина Боброва, как её там, Погодина, что ли, на место поставили! За что правда, не ведаю, сами-то не расскажете ли, не потешите старика историей?

Секретничать с Тимофеем Тимофеевичем в планы Юлии Романовны не входило. Во-первых, не так хорошо она господина Волкова знала, а во-вторых, Якову Платоновичу её болтливость совершенно точно не по сердцу будет, а портить с ним отношения с планы графиня Берестова не желала. Благо ещё, что Антон Андреевич господина Штольмана первым перехватил, навверняка, сетует на родственников Тимофея Тимофеевича, они все как на подбор особы характерные, норовистые, чисто скакуны необъезженные.

— О чём задумались, сударыня? — господин Волков прожёт Юлию Романовну тяжёлым пытливым взором. — Нешто вам моё общество прискучило? Конечно, до салонных щёголей мне далече, хотя в молодости, помнится, я имел у дам определённый успех, — Тимофей Тимофеевич крякнул и головой покрутил, по губам скользнула лёгкая усмешка, — вон, даже сына прижил на стороне. Да Вы его, поди, знаете, Андрей, чай, встречали в городе-то? Он у меня видный молодец, на маменьку очень похож, та по молодости красавица была, глаз не отвести, многие парни на неё засматривались и даже жениться хотели, даром, что бесприданница. Так встречали Андрея-то?

Графиня Берестова вежливо кивнула, не спеша делиться с господином Волковым подробностями своих взаимоотношений с Андреем Александровичем. Только вот у самого Тимофея Тимофеевича явно были иные планы и считаться с желаниями гостя, пусть и графини, он явно не собирался, да и вообще, думать о чём-либо мнении, с точки зрения старика, было несусветной глупостью. Этим молодым волю дай, так они годами вокруг да около ходить станут, предмету нежных чувств лишь взгляды пламенные даря да ручку целуя. А господин Волков уже не столь молод, чтобы ждать, того да дольше, при самом благостном раскладе у него осталось лет десять, не больше.

— И как Вам Андрей? — господин Волков опять впился в Юлию Романовну тяжёлым пронзительным взглядом, словно вознамерился в самую сокровенную часть души проникнуть.

Только графиня Берестова была не провинциальной барышней, у коей что на уме, то и на языке, а все чувства и мысли на лице, словно в водной глади отражаются, Юленька несколько лет блистала в свете и прекрасно владела искусством отвечать, ничего не говоря. Вот и сейчас плечиком повела манерно, веером взмахнула, исподволь переводя на него внимание Тимофея Тимофеевича и прощбетала:

— Андрей Александрович блестящий адвокат, я читала в газетах текст его выступлений, шарман, просто шарман! Кстати, по городу ходят слухи, что ваши родственники гибнут во цвете лет от рук неведомого душегуба?

Господин Волков ощерился, оправдывая свою хищную фамилию, недовольно завозился в кресле:

— Господин Ребушинский, поди, себя не помнит от счастья, что появилась тема для статей, небось, каждый дён свечки в церкви убивцу ставит. А я так скажу: из-за наследства моего это всё. Вот ведь как бывает-то, графиня, я ещё помереть не успел, а р-р-родственнички любезные уже глотки друг другу грызут из-за денег моих. Только вот им всем, — Тимофей Тимофеевич скрутил кукиш и сунул его в сторону двери, — только один, достойный наследник, всё получит, а остальным вот, — старик ещё раз зло тряхнул кукишем, — шиш и даже без постного масла.

— А не боитесь, что на Вас тоже искусятся могут? — Юлии Романовне следовало бы смутиться столь неподобающим поведением, но братец с сослуживцами порой и не такое устраивали, особливо если думали, что их не видит никто. А подглядывание с подслушиванием графиня Берестова никогда за грех не считала, называя это сбором сведений, кои могут однажды весьма полезными оказаться.

Старик разразился дребезжащим смехом, полным едкой желчи, а отнюдь не веселья:

— Пусть только попробуют. Я им всем ещё в первый день этого бесовского шабаша, прости господи, сразу сказал: ежели со мной чего худое случится, всё церкви отойдёт, до последнего гроша. Вот они передо мной и выплясывают, а друг друга изводят.

Юленька удивлённо плечиками пожалала:

— Зачем же было всех собирать? Пригласили бы только одного, кого самым достойным считаете, отписали бы ему всё...

— Да кабы я его знал! — выпалил Тимофей Тимофеевич и тут же перешёл на чуть слышный шёпот. — Я ведь для чего всё это затеял? Почуял, что здоровье стало слабнуть, решил, пора мне мосты, сожжённые по молодости да по глупости, обратно возводить, родственников пригласил, думал, поживу в кругу семьи, поприглядываюсь, а там и отпишу каждому по заслугам его. А что в итоге вышло? Не успели они все собраться, как у меня кошка сдохла, кофею из моей кружки полакав. Потом мостик в парке подо мной обломился, я в воду ледяную ухнул. Они же, изверги, не знали, что я сызмальства в холодной воде купаюсь, почитай, с марта по ноябрь из реки не вылезаю, сейчас только подзабросил, доктор запретил. Вот после моста-то я и понял, что изводят меня.

— Почему же в полицию не обратились?

Господин Волков желчно усмехнулся:

— К кому, Антошке Коробейникову? Так он и корову, застрявшую в заборе, сыскать не сможет, потому как будет разыскивать с головы, а она к нему стоит задом. А может, к Николаю Васильевичу прикажете бежать? И что я ему скажу? Что у меня кошка старая померла, и мост гнилой проломился? И что он сделает? Городовых дуболомов ко мне приставит? Так их ведь, коли приспичит, и подкупить, и усыпить, и убить можно. Не-е-ет, я по-другому сделал. Кликнул Миронова и переписал завещание. Теперь ни один из этих иродов в мою сторону даже взгляд косой бросить не посмеет.

— Но неужели Вам не жалко погибших?! — воскликнула Юлия Романовна, болезненно воспринимавшая циничные игры с судьбами людей, сама, было дело, в роли такой вот несчастной пешки, побывала, на всю жизнь запомнила, как это больно, когда чрез тебя переступают, даже не поморщившись и взгляда прощального не бросив.

Старик едко кхекнул:

— А чего их жалеть-то, сами и виноваты, глупые да жадные, словно крысы. Молодухи те ещё и похотливые, точно блудницы вавилонские.

— Я всегда полагала, что родственники схожи друг с другом, — не без яда заметила графиня Берестова.

— Не всегда, — по губам господина Волкова улыбка грустная чуть приметная скользнула. — Слава богу, не всегда.

Юлия Романовна огляделась по сторонам, придвинулась поближе к старику и перешла на чуть слышный шёпот:

— Вы нашли достойного наследника?

Тимофей Тимофеевич лукавить не стал, вздохнул:

— Нашёл, давно уже. Только объявлять его сейчас боязно, погубят ведь.

Графиня откинулась на спинку кресла, задорно глазами блеснула:

— А Вы меня наследницей назовите.

Старик охать и ахать не стал, разом угадав задумку, усмехнулся хищно:

— На ловца, стало быть, ловить будем?

— Именно.

— А мне Ваши родственнички, если чего недоброе с Вами случится, голову мне не оторвут?

— Не оторвут, не беспокойтесь, — мило улыбнулась Юлия Романовна. — Я сирота, а

братец военный, дома бывает редко, пишет и того реже.

О том, что господин Штольман за подругу своей сестрицы мелким прахом развеет, графиня Берестова упоминать не стала, ни к чему такие подробности, они только дело испортят.

Господин Волков помолчал, похмыкал сердито, точно ёжик, но не стерпел, улыбнулся проказливо, словно мальчишка, разом помолодев лет на двадцать и протянул барышне сухую сморщенную ладонь:

— Добро. Назову Вас своей наследницей, только, чур, не жалиться потом!

— И в мыслях не было, — сладко пропела Юлия Романовна. Она вообще жалиться не любила, считая сие занятие пустой тратой времени, не приносящей ни пользы, ни удовольствия.

Если бы Антон Андреевич знал, о чём графиня Берестова с господином Волковым договорятся, он ни в коем случае не стал бы окликать Якова Платоновича и Анну Викторовну, уже почти вошедших к Тимофею Тимофеевичу. Наоборот, сделал бы всё, лишь бы Юлия Романовна не осталась наедине со стариком, тенью бы стал излишне предприимчивой барышни, ещё и Андрея Александровича стражем верным себе в помощь назначил. Но, как известно, история сослагательного наклонения не терпит, а потому господин Коробейников, едва завидев Якова Платоновича, молчать не стал, окликнул его и, не утерпел, излил досаду на несносных родственников Тимофея Тимофеевича, для коих был не следователем, а всего лишь соседом, уважения не заслуживающим.

— Я для них мальчишка, — голос Антона Андреевича возмущённо подрагивал, — юнец неоперившийся. А Варвара эта мне прямо в лицо смеялась, змея, мол раз ничего, кроме слов нет, то и идите... — Коробейников пылко взмахнул рукой, покосился на Анну Викторовну и неловко добавил, — идите, одним словом. А ведь это она отравительница, факт!

— Обыск у неё уже проводили? — Яков Платонович от сантиментов привычно отстранился, перейдя сразу к фактам.

— Не успел, только-только подозреваемых допросил, — вздохнул Антон Андреевич и покаянно добавил, — и то не всех. У господина Волкова родственников до ужаса просто, с каждым побеседовать — сутки уйдут, а то и не одни.

— В таком случае, предлагаю разделиться, — Штольман похлопал тростью по ладони, — один из нас начнёт обыск, другой продолжит допрос.

— А я побеседую с духами отравленных дам, — встряла Анна Викторовна, — может, они нам убийцу назовут.

— Насколько я помню, такого ещё не случалось, — Яков Платонович улыбнулся, смягчая резкость слов и гораздо ласковее добавил. — Будьте осторожны, сударыня, Вы обещали.

— Вы тоже, Яков Платонович, основная опасность в этом доме исходит от живых, а не духов, — не осталась в долгу Анна и тут же направилась к мнущейся в стороне горничной, дабы попросить её показать комнаты отравленных за обедом дам.

Штольман проводил жену тёплым, полным неизбывной любви взглядом, случайно поймав кой Антон Андреевич смутился, словно подсмотрел что-то личное, для посторонних глаз, пусть и дружеских, не предусмотренное.

— Я... я допросы продолжу, — выпалил Коробейников и поспешно удалился, гадая, таким же взором он смотрит на Василису и не потому ли его, следователя, всерьёз не

воспринимают? Нет, наверное, любовь тут не при чём, всё дело в том, что для большинства родственников господина Волкова он всего-навсего сосед, Антошка Коробейников. Над Яковом Платоновичем, пусть и с беззащитной нежностью на супругу взирающего, никто смеяться не на смеется, человек не тот, опять же знаком лишь по блестяще раскрытым делам. Графиня Берестова, коя господина Штольмана с детства знает, тоже перед ним не сильно трепещет.

— Вы меня слышите, Антон Андреевич? — Яков Платонович строго посмотрел на Коробейникова, кой опять, в который уже раз, себя мальчишкой несмышлёным ощутил. — Не стоит исключать, что у отравительницы есть помощник.

— Да-да, как Мишель и мадам Лефлю, — оживился Коробейников.

Пример, кой привёл Антон Андреевич, для Якова Платоновича был весьма болезненным, Штольман щекой дёрнул и неохотно кивнул:

— Именно. Поэтому будьте осторожны.

— Обязательно, — горячо заверил Антон Андреевич.

Яков Платонович хотел добавить ещё про то, что излишне доверчивым быть тоже не стоит, но не стал смущать коллегу, коему и так немало досталось, вон, пятна красные на щеках до сих пор не пропали.

Вдохновлённый приездом Якова Платоновича, Антон Андреевич с новым пылом принялся за допросы и даже одну барышню, племянницу Тимофея Тимофеевича, стройную брюнетку, мнящую себя великой актрисой, до покаянных слёз довёл, во время коих девушка созналась, что следила за родственниками по просьбе Степана Владимировича, к коему испытывала нежные чувства.

Сам же господин Штольман меж тем тщательным образом осматривал комнаты, начисто игнорируя возмущение родственников Тимофея Тимофеевича и их высказывания, подчас довольно резкие. Слова, если это не умело сплетённая клевета, вреда большого причинить не могут, а мнение чад и домочадцев господина Волкова о своей персоне Якова Платоновича ни коим образом не интересовало, в отличие от старательно спрятанного меж книг на полке пузырька тёмного стекла в комнате голубоглазого Степана Владимировича.

— Что это? — Штольман поднял пузырёк повыше, дабы хозяин покоев мог его беспрепятственно рассмотреть.

Степан плечами передёрнул, фыркнул котом рассерженным:

— Понятия не имею.

— Вы не знаете, что за флакон стоит на Вашей полке в Вашей комнате? — голос Якова Платоновича можно было разливать по баночкам и продавать как средство от крыс со стопроцентным результатом.

— Да, не знаю, — блондин вызывающе вскинул голову, — я его первый раз вижу. Мне его подбросили, дабы скомпрометировать в глазах дядюшки.

— Значит, в Вашу комнату может войти любой?

— Я доверяю своим родственникам и не вижу смысла закрываться от них, — пафосно провозгласил Степан Владимирович.

Во взгляде Якова Платоновича без труда можно было прочесть всё, что он думает по поводу такой доверчивости, но вслух следователь ничего говорить не стал. Как гласит народная мудрость, дурака учить...

— Ульяшин, отнеси пузырёк Александру Францевичу, пусть проверит на наличие яда, — Яков Платонович протянул флакон городовому и открыл ящик письменного стола.

Приподнял кое-как, грудой, запиханные бумаги и на самом дне ящика обнаружил охотничий нож с потёртой рукояткой и матовым лезвием.

Степан Владимирович побледнел, рванул резко ставший тугим воротничок, облизнул пересохшие губы:

— Это не я... Это не моё... Мне подбросили!

Штольман коротко усмехнулся:

— Как интересно у Вас получается. Пузырёк Вам подкинули, нож подбросили, невольно возникает вопрос: а есть ли в этой комнате хоть что-либо, принадлежащее Вам? Или комната тоже чужая?

Будь Степан менее напуган, он непременно уловил бы насмешку, но сейчас воспринял подсказку следователя как путь к спасению и лихорадочно закивал:

— Да, Вы совершенно правы, комната тоже не моя. Я... просто зашёл... друга ждал... Нет, меня пригласили...

Яков Платонович вытянул из груды бумаг одну, быстро пробежал глазами текст, а затем протянул листок Степану Владимировичу:

— Долговую расписку на Ваше имя сюда тоже нарочно положили? И ещё одну... И ещё... А вот это любовное послание... А здесь вызов на дуэль, я так полагаю, оставшийся без ответа.

— Я к родственнику уехал, — вскинулся Степан.

— Ну разумеется, — Штольман опять усмехнулся, — ведь совершенно случайно вызов совпал с Вашей резко пробудившейся привязанностью к господину Волкову.

Степан Владимирович пошёл красными пятнами и стал, подобно выгащенной на сушу рыбе, хватать ртом воздух.

— Единственное, что Вас может спасти, — негромко и при этом жёстко произнёс Яков Платонович, — это подробный рассказ обо всём, что Вы уже успели совершить, пока только планируете, а также всех Ваших сообщниках. Всех, до единого.

— Да каких сообщниках, — сорвался на неприятный, режущий уши фальцет, Степан, — скажете тоже, что я, душегуб какой?! Да, долгов много наделал, всё карты эти проклятые, будь они неладны.

Штольман непроизвольно вздохнул. Ему карты тоже успели немало крови попортить, сначала нужно было отдать долг пану Гроховскому, а потом ещё и поймать свихнувшегося Увакова, гонящегося за мифическими Картами Судьбы.

Степан Владимирович трясущимися руками налил воды, осушил стакан и продолжил уже чуть тише и спокойнее:

— Когда меня кредиторы совсем зажали, я к Ольге бросился. Она меня частенько деньгами ссужала, в обмен на мелкие услуги.

— Какого рода?

Блондин нервно сглотнул, виновато отвёл глаза:

— Да так, благодетеля скомпрометировать, чтобы менее алчным стал, девице, нос слишком задирающую, голову вскружить и на тайное венчание склонить, а самому не приехать, вещицу какую-нибудь забрать, а в другом месте подбросить. Знаю, понимаю прекрасно, сие всё крайне безнравственно и достойно осуждения, но ведь жить же как-то надо!

— А на службу устроиться Вы не пробовали? — почти ласково спросил Яков Платонович. — Или хотя бы не играть, чтобы долгов не делать.

Степан Владимирович воззрился на следователя так, словно тот предложил раздеться, измазаться в смоле, извалиться в перьях и в таком виде предстать перед дамами:

— Да Вы что? Я же из благородного рода, служба для меня унижительна!

— А жить за счёт любовницы, ежечасно и ежесекундно преступая закон, не унижительно? — резко спросил Штольман.

Блондин передёрнул плечами:

— Все так делают.

Яков невольно вспомнил наивных доверчивых девиц, готовых отдать последнее таким вот красавцам, щедрым на обещания, но даже в самых страшных снах не помышляющих их исполнить, вспомнил потухшие глаза и смертельную бледность преданных и брошенных, не знающих, что им делать и куда идти, вспомнил звериный вой матерей, чьи дочери и сыновья предпочли смерть позору, на миг представил, как такой вот Степан кружит голову Анне Викторовне и судорожно стиснул трость. Блондин заприметил вспышку гнева в холодных глазах следователя, приглушённо охнул, метнулся в угол и завопил режущим уши фальцетом:

— Я не виноват! Это всё Ольга, это всё она, змея, придумала! Я не виноват! Это всё она, она!

Штольман резко выдернул из ящика стола чистый лист, со стуком придвинул чернильницу, коротко приказал:

— Пишите.

— Ч-что писать? — проблеял Степан Владимирович, не спеша покидать спасительный угол.

— Всё. Что задумывали сделать, что уже сделали, кто был организатором, всё пишите. Подробно, разборчиво и желательно без ошибок, — Яков Платонович подхватил саквояж и направился к выходу. — И не мешкайте.

Когда следователь ушёл, Степан рухнул на колени перед иконой и впервые за долгие годы, путаясь в словах и повторяясь, прочитал пылкую молитву в благодарность за спасение. Смерть была совсем рядом, но отступила, не тронув. Не стала преступать закон или просто побрезговала?

Поскольку комната Ольги располагалась сразу за покоями Степана, а кричал тот громко, первое, что сказала дама при встрече следователя:

— Я так понимаю, этот мозгляк во всём сознался?

— День добрый, сударыня, — Штольман коротко поклонился.

Ольга поправила платье, дабы пышная грудь стала ещё заметнее в декольте, соблазнительно улыбнулась:

— Ольга Макаровна я.

— Штольман, Яков Платонович.

— Знаю, — дама перешла на соблазнительно-хрипловатый приглушённый тон. — встряхнули Вы это сонное царство, ещё когда сосланы сюда за дуэль были. Да и сейчас не скучаете, едва приехали, сразу преступления начались. Невольно закрадывается подозрение: а не Вы ли...

Холодный тяжёлый, словно плита могильная, взгляд заставил рыжеволосую сирены поперхнуться и замолчать. По спине у дамы пробежали мурашки, виски и лоб покрыли мелкие бисеринки пота.

— Ольга Макаровна, Степан Владимирович сейчас чистосердечно описывает

преступления, кои совершал либо же планировал, и поскольку Вы дама умная, Вам не составит труда догадаться, кого сей доблестный кавалер выставит главной злодейкой.

Ольга брезгливо поморщилась, с размаху опустилась на кривоногий короткий диванчик, обитый поросячье-розовым шёлком, вытерла тонким платочком лоб:

— Да уж, послал господь помощничка, с таким и врагов не надо. Когда мы со Стёпкой первый раз встретились, ещё в Москве, я, дура, подумала, вот он, моя мечта: красавец офицер, белокурый блондин, в постели тоже не промах. Возмечтала, курица, о соколиных полётах, разбежалась, да мимо. Утром после страстной ночи застучала его у шкатулки со своими сбережениями, — дама гадливо передёрнула плечами, взяла со стола длинный тонкий мундштук, вставила в него папироску, привычно чиркнула спичкой, закурила, выпустила облачко дыма и лишь после этого продолжила. — Так вот, я его буквально за руку поймала, он перепугался весь, за ножичек схватился, представляете? Только руки от страха ходуном ходили, я оружие у него выбила, к стенке Стёпушку прижала, лезвие к его лебединому горлышку приставила, ну и... — Ольга плечиком неопределённо повела, точным щелчком пепел в серебряную пепельницу сбрасывая, — так вот он и стал моим компаньоном. Что мы делали, я рассказывать не стану, он Вам всё в лицах и красках распишет, душонка трусливая, скажу лишь, что приехать сюда была моя идея. Я Тимофею Тимофеевичу сродственница дальняя, правда, ни он, ни я таковым родством не гордимся и друг о дружке не вспоминаем. Представьте же моё удивление, когда я от старика письмо получила. Приезжай, мол, наследницей сделаю.

— И Вы поехали?

Ольга Макаровна глубоко затянулась, струйку дыма, словно дракон выпустила и беззаботно плечиками пожала:

— Ну да, а что такого? Вы бы на моём месте от дармовых денег разве отказались бы? Хотя Вы бы, наверное, отказались, о Вашей принципиальности легенды ходят, причём не только в Затонске. А я вот согласилась, думала, поживу в тепле и холе, получу, что мне причитается, а если повезёт, то куплю себе домик с садом в Костроме или Ярославле и буду там богатой помещицей жить, лошадок але собачек разводить. Опять возмечтала, разбежалась и опять мимо.

Дама зло раздавила окурок в пепельнице:

— В первый же день по прибытию поняла, что собрал нас старик не по доброте душевной, а чтобы на нашу грызню полюбоваться. И всем нам будет шиш, а не деньги.

— Что же Вы не уехали? — циничная и расчётливая Ольга Макаровна была Якову Платоновичу менее неприятна, чем трусливый Степан Владимирович, дама по крайней мере не притворялась, имея смелость называть вещи своими именами. Конечно, выбора у неё как такового и не было, но далеко не все избалованные злодеи начинали каяться, некоторые жаловались на судьбу и обвиняли других, не гнушаясь самой мерзкой клеветой, дабы утащить за собой как можно больше людей.

Ольга Макаровна взбила тонкими пальчиками локон, плечиком повела:

— А на кой мне уезжать-то? Кормят, поят, одевают, из дома не гонят, живи себе не всём готовом. Да и забавно за грызнёй-то этой понаблюдать, а то и поучаствовать. Кстати, по моим прикидкам, старик всё или байстрюку оставит, или блаженной Ваське, они единственные более-менее чистенькие остались.

— Вы причастны к убийствам?

— К убийствам точно нет, — Ольга лениво, с грацией хищной кошки, поднялась,

прошествовала к столу, открыла ящик и вынута тонкую, перевязанную тесёмками синюю папку, — только шантаж и клевета. Вот, тут все бумаги, всё равно же во время обыска найдёте, да и Стёпушка о них молчать не станет, так что лучше я всё сама отдам.

— Записку от имени Катерины Андрею Александровичу тоже Вы писали? — Яков Платонович невольно улыбнулся, вспомнив другую, тоже синего цвета, папку.

— Да Катька ему сама прохода не давала вешалась на него, преследовала всюду. Один раз, перед самым его переездом в гостиницу, он её ночью из своей комнаты выгнал, выкинул, точно котёнка, она час сидела под дверью скулила, потом её... — Ольга Макаровна нахмурилась, висок потёрла, — Варвара увела. Или Демьян? Нет, тот вроде позже пришёл, ещё мою комнату со своей, пьян такая, перепутал, ломиться начал. Катька ещё от страха пищала, точно крыса придушенная. Значит, выходит, она ещё в коридоре была, и её Демьян забрал. Или всё-таки Варвара? Не помню, врать не буду, не до того мне было, чтобы запоминать, что, кого, куда и как, голова страшно болела, даже вырвало пару раз.

— Запишите всё, что сможете вспомнить о том вечере, — Яков Платонович придвинул даме чернильницу и протянул чистый лист, вытянутый из аккуратной надушенной перетянутой розовой ленточкой стопки, красующейся строго у правого края стола.

— Если ещё чего интересное вспомню, писать?

— Обязательно.

Ольга Макаровна прикусила ровными белыми зубками кончик пера, глазами блеснула, выдохнула томно:

— Мне сие сотрудничество со следствием зачтётся хотя бы?

— Непременно, — Яков Платонович коротко поклонился, — всего доброго.

"Эх, повезло его жене, — тоскливо вздохнула Ольга, провожая Штольмана взглядом, — такой от гнева господня свою любушку и то заслонит, себя не пожалеет. Если бы мне такой мужчина встретился, всё было бы иначе, не пришлось бы... Да, что теперь, прошлое не вернёшь".

Дама печально вздохнула, раздражённо отбросила за плечо рыжую прядь и принялась за письмо, аккуратно выводя каждую букву. Своей наблюдательностью Ольга Макаровна гордилась по праву.

Яков Платонович прекрасно знал, что для того, чтобы арестовать преступника, мало знать, что он виновен, вину его ещё доказать нужно, причём так убедительно, чтобы даже самый опытный адвокат ничего поделывать не мог. Вот потому-то в покоях Варвары Тихоновны обыск был проведён со всем тщанием, только что плинтуса не отрывали и окна с дверью не вынимали из проёмов. Хозяйка к сообщению об обыске отнеслась спокойно, заметив, что такова служба следователя, коей препятствовать она ни в чём не намерена, раз надо, значит, надо. Единственное, испросила позволения посидеть в библиотеке с книгой, но услышав, что комнату покидать нельзя, спорить не стала, присела на низенькую скамеечку, вынула из сумки для рукоделия вязание и принялась ловко работать спицами, время от времени бросая по сторонам быстрые взгляды. Штольман, самым тщательным образом изучив содержимое письменного стола и небольшого книжного шкафа, отошёл к окну, простучал в поисках тайника подоконник, затем стены, но увы, ничего не обнаружил.

— Чаю не желаете ли? — с мягкой материнской улыбкой спросила Варвара Тихоновна, не прекращая рукоделия.

— Нет, благодарю Вас, — принимать что-либо из рук отравительницы Яков

Платонович не спешил.

— Может, поведаете, что Вы ищете? — женщина чуть склонила голову к плечу. — Коли я смогу, всенепременно помогу Вам в Ваших розысках.

Штольман помолчал, внимательно глядя на женщину. Умна, смела, осторожна, чем-то похожа на Нежинскую, такая же роковая, ради достижения цели готовая и по костям идти. Раскаяния с угрызениями совести от неё ждать бесполезно, такую нужно или на живца ловить, или же припирять неопровержимыми доказательствами, коих, увы, обнаружить не удалось. Вне всякого сомнения, Варвара Тихоновна могла и отравить, причём тщательно спланировав убийство и заранее озаботившись тем, чтобы обеспечить себе алиби. Вон, какие у неё руки ловкие, она вполне могла подсыпать яд в чашки, а потом подать их несчастным, ничего не подозревающим жертвам. Только это всё домыслы, фактов нет. Яд, если это он, вообще был обнаружен у Степана, у коего, без сомнения, мотив для устранения конкуренток на наследство имеется, да ещё какой. И что же делать? Остаётся одно: ловить на живца.

Яков Платонович поджал губы. Операции с привлечением добровольных (или добровольно-принудительных) помощников он не любил, за чужую-то жизнь спрос вдвойне, а то и втройне. А ну, как не успеют вовремя, как погибнет, согласившийся помочь, что тогда? Кстати, кого на роль приманки выбрать? Аня, вне всякого сомнения вызовется, но её жизнь драгоценна, а теперь и вовсе бесценна, ведь... Штольман чуть приметно улыбнулся, вспомнив о том, что супруга в тягости. Да, Анной рисковать нельзя, это совершенно точно, но тогда кем? Антоном Андреевичем? Не смешно, его никто в доме всерьёз не воспринимает. Андреем Александровичем? А что, вариант неплохой. Граф Солнцев не барышня, доверчивая да беззащитная, в случае угрозы постоять за себя сможет. Опять же умен, не трус, пожалуй, стоит с ним поговорить. Яков Платонович не знал, да и не мог знать, что Юлия Романовна, подруга детства, особа решительная и непоседливая, уже назначила себя на роль наживки и убедила в сей рискованной затее господина Волкова. И хорошо, что господин Штольман сего не знал, а то ругаться бы начал гораздо раньше, а так целых две минуты в спокойствии побыл, а потом дверь распахнулась, явив встревоженного Антона Андреевича, койй прямо с порога выпалил:

— Демьян Евграфович в своей комнате повесился.

— Какой ужас, — ахнула Варвара Тихоновна, откладывая рукоделие и поспешно поднимаясь. — Пойду, поддержу Тимофея Тимофеевича в сей скорбный час.

— Оставайтесь в комнате, — строго приказал Яков Платонович и вместе с Коробейниковым направился в покои Демьяна, где уже суетились городовые, один из коих был спешно послан за доктором.

— Ваше Высокоблагородие, вот, на столе наши, — молодой городской Макаров протянул Антону Андреевичу записку.

Коробейников развернул её и вчитался в неровные, написанные дрожащей рукой, скачущие то вверх, то вниз строки: "Не могу так более, грех свершённый камнем к земле тянет, вдохнуть не даёт. Я и только я повинен в их смерти. Прощайте, помолитесь за душу грешную, пропащую". Внизу стояла размашистая подпись, кою Яков Платонович первым делом сравнил с валяющимися в беспорядке на столе бумагами, среди коих обнаружились долговые расписки и счета, в основном, от купцов, поставляющих вина.

— Писал действительно Демьян Евграфович, его рука, — Штольман ещё раз перечитал послание, недоверчиво покачал головой.

— Так это что же получается, он отравитель? — ахнул Коробейников.

— Получается, что у ещё одного любящего родственника в шкафу скелет обнаружился, — вздохнул Яков Платонович. — И кто-то любезно сей скелет нам на показ выставил.

— Так что же делать, Яков Платонович? Труп есть, записка с признанием имеется, дело-то закрывать придётся, — Антон Андреевич досадливо нахмурился. — А Варвара и дальше будет родственников изводить?

— Не будет, — резко ответил Штольман, — не позволим.

Дело Ъ 3. Достойный наследник. Ловля на живца

Анна Викторовна после беседы с душами Меланьи и Прасковьи пришла к схожему с супругом выводу: нужно непременно изобличить преступника посредством провокации, иначе никак. Анна даже охотно предложила себя на столь опасную роль приманки, но Яков Платонович вкупе с Антоном Андреевичем даже договорить ей не дали, сразу же категорически запретив участвовать в столь опасном предприятии.

— Даже думать о подобном безрассудстве не смейте, — выпалил Коробейников и отчаянно покраснел, смешался, под чуть ироничным взглядом господина Штольмана и возмущённо-удивлённым взором Анны Викторовны. — Простите, я хотел сказать...

— Вы совершенно правы, Антон Андреевич, не вижу причин для оправданий и извинений, — присоединившаяся к друзьям Юлия Романовна сияла так, словно они встретились на балу или пикнике, а не на месте преступления, — Аннушке совершенно точно не нужно рисковать своей бесценной жизнью...

— Юленька! — возмутилась Анна, в глубине души рассчитывающая на поддержку подруги.

Графиня Берестова даже бровью не повела, уютно расположилась в низеньком, обитом тёмным шёлком креслице, старательно расправила два ряда оборок на платье, взбила кружева, украшавшие квадратный вырез на груди и непринуждённо закончила:

— Потому как наживкой для душегуба буду я. Сегодня за ужином Тимофей Тимофеевич назовёт меня своей наследницей.

— Юлия Романовна, — ахнул Антон Андреевич, с ужасом думая о тех бедствиях с последствиями, что непременно обрушатся на Затонск, в том случае, если графиня пострадает или хотя бы просто испугается в процессе ловли преступника.

— Юленька, душа моя, если ты решила покинуть этот бранный мир, то так и скажи, я самолично сверну твою нежную шейку, — Яков Платонович готов был перейти от слов непосредственно к делу. Сущая беда с этими барышнями, так и норовят куда-нибудь залезть, предпочтительно во что-нибудь смертельно опасное! Аннушка, слава богу, после свадьбы хоть немного утомилась (кхм-кхм, относительно, конечно), так теперь Юленька раздухарилась не на шутку, грозой отравительницы себя почувствовала! И ведь упрямая, если что в голову вбила, оспаривать бесполезно, уж сколько раз проверено.

Графиня Берестова лениво поднялась, подошла к господину Штольману и сладко улыбнулась, глядя прямо в сердито сверкающие глаза:

— Яков, mon cher ami, если бы я знала тебя чуть меньше, непременно поверила бы и утрашилась твоей угрозой. Но, увы, мы слишком хорошо знакомы, чтобы я хотя бы на миг могла поверить в то, что ты способен причинить вред даме. Но попытку утрашения я оценила, браво.

Юлия даже в ладоши пару раз хлопнула, но уловив в серых глазах Якова Платоновича стальной блеск, быстро сменила ироничный тон на деловой:

— Право слово, господа, я не понимаю, чем вы недовольны. У нас появился прекрасный шанс изобличить преступника...

— К Вашему сведению, дражайшая графиня, — процедил Штольман, который величал Юлию Романовну графиней лишь в пору крайнего возмущения и негодования, — совсем не факт, что на Вас будет искушаться ОДИН душегуб. Вполне возможно, их будет несколько, причём действовать они могут не как в романе, любезно дожидаясь своей очереди и давая сыщикам возможность переловить их поодиночке, а все сразу. Вы готовы к такому, сударыня?

Юленька непроизвольно передёрнула плечиками, тот факт, что на неё могут открыть самую настоящую охоту её немного, самую малость, разумеется, обеспокоил, но сдаваться барышня не собиралась. С Яковом Платоновичем же как? Один раз слабину покажешь, потом до конца своих дней из-за его широкой спины не высунешься, точнее, не выпустит, тиран! Папенька его, Платон Карлович, пусть душа его в благости и спокойствии пребывает, такой же был.

— О своих намерениях, Яков Платонович, я Вас уже имела честь известить, — Юлия Романовна проказливо улыбнулась и не утерпела, добавила задорно, разом перевоплотившись из великосветской графини в проказливую девчонку, — даже не надейся, не передумаю!

Штольман, пусть и с трудом, но всё же проглотил обидное высказывание о женском благоразумии, о котором, как о настоящей любви и духах, больше говорят, чем встречают в действительности. Обиду Юлии он, вне всякого сомнения, переживёт легко и безболезненно, но с Аннушкой ссориться не хотелось. А она у него, цветочек лазоревый, порывистая и ранимая. Следовательно, уличив себя в неуместный в данный момент, да и вообще не особо приветствуемой у мужчин, сентиментальности, головой качнул и кашлянул, настраиваясь на служебный лад. Окружающие сей переход уловили, тоже построжили, Антон Андреевич книжку свою записную достал, готовый, если таковым будет приказ Штольмана, отправиться и в преисподнюю за котлом, Анна Викторовна же с Юлией Романовной за руки взялись, дабы вдвоём отстаивать право на участие в опасном деле. Право слово, ну нельзя же всю жизнь провести в безопасности, это же скучно до невозможности!

— Ну что ж, — Яков Платонович вздохнул, признавая своё поражение, — если Ваше намерение, сударыня, неизменно, не вижу причин, а точнее возможностей, вас останавливать.

— Благодарю Вас, Яков Платонович, — пропела Юленька тоном благовоспитанной особы, — надеюсь, Вы не оставите меня своей заботой?

Во взгляде Штольмана отчётливо читалось: "надо бы", но вслух господин следовательно ничего подобного не сказал, кратко уверив госпожу графиню в том, что она может рассчитывать на его защиту. Большого Юлии Романовне и не надо было, она удовлетворённо кивнула и вместе с Анной направилась в свои покои, дабы за ужином выглядеть блистательно и сразить всех, особенно потенциальных искусителей, наповал.

— Опасно это, Яков Платонович, — вздохнул Антон Андреевич, когда дамы вышли, — а если не успеем?

Штольман согласно кивнул:

— Дело осложняется тем, что городских придётся отпустить. Как Вы правильно заметили, у нас есть предсмертная записка с признательными показаниями, а значит, нам

могут и не дать далее проводить следствие.

Коробейников сник. Одно дело предполагать что-либо и совсем иное, когда твои наихудшие гипотезы подтверждаются.

— И что же нам делать?

Яков Платонович помолчал, тщательно, словно во время покера с паном Гроховским, высчитывая каждую комбинацию:

— Вы можете остаться в доме как поклонник Василисы, насколько я понял из Вашего рассказа, господин Волков весьма благожелательно отнёсся к возникшей у Вас с барышней симпатии.

— Мне просто искренне жаль девушку, — пробурчал покрасневший Антон Андреевич, — её третируют здесь все, кому не лень!

Штольман мягко улыбнулся. Коробейников совершенно точно равнодушен к Василисе, но при этом даже самому себе в нежных чувствах признаться не смеет. А давно ли и он сам, Яков Платонович, человек, как ему казалось, искушённый и многоопытный, с упрямством вставшего посреди моста осла не хотел признавать своих чувств к Анне Викторовне?! И какое счастье, что у неё хватило мудрости и терпения понять и простить его неверие, вспышки ревности, ядовитые шипы сарказма и отношения с Ниной Аркадьевной, подобные липким нитям паутины или же опийному дурману!

— Поверьте человеку семейному, Антон Андреевич, — Яков Платонович положил Коробейникову руку на плечо, — чем искреннее Вы будете в чувствах с тем, кто Вам дорог, тем быстрее обретёте счастье.

— А если, — голос Антона Андреевича дрогнул, — если чувства без взаимности? Если ко мне испытывают лишь благодарность?

— Об этом тоже лучше узнать сразу.

Коробейников глубоко вздохнул и расправил плечи, готовясь к решительно разговору, который непременно произойдёт сразу... после ужина. Да, так и будет, сразу после ужина он непременно объяснится с Василисой и узнает, может ли он рассчитывать на что-то большее, чем благодарность и дружеское тепло.

Андрей Александрович больше всего любил время ужина и те часы спокойствия, что наступали после него. В его семье было принято все деловые и служебные вопросы решать днём, а к ужину выходить успокоенными, расслабленными, дабы иметь возможность насладиться вкусной едой и обществом друг друга. Именно за ужином можно было беззлобно подшутить над младшим братом, который даже во время еды ухитрялся что-то чертить карандашом на салфетке, обсудить с матушкой новинки в мире музыки, а с отцом список гостей на охоту. Никаких политических вопросов, а паче того, служебных, вечером за столом не обсуждалось, лишь то, что дарует отдых и успокоение.

В доме господина Волкова всё было иначе, и вот эта вот инаковость в которой уже неприятно резанула графа Солнцева, напомнив ему, что он не дома и расслабляться здесь можно исключительно в небольшой компании людей, к Тимофею Тимофеевичу не относящихся.

Не успел Андрей Александрович переступить порог столовой, как возбуждённая до крайности Ольга ажитационно выкрикнула, едва из платья своего полупрозрачного не выпрыгивая:

— А Вы слышали, оказывается, всех убивал Демьян! И кто бы мог подумать, что наш

вечно развесёлый господин окажется отравителем!

— Придержи язык, Ольга, — осадила девицу Варвара Тихоновна, — о покойном, сама знаешь, либо хорошо, либо ничего.

— Кроме правды, — пропыхтел грузный, густой копной тёмных волос и лохматой бородой, вечно топорщащейся в разные стороны похожий на лихого молодца из ватаги Стеньки Разина, мужчина, входя в столовую и вытирая большим клетчатым платком лоб. — Слава господу нашему, всё закончилось, боле душегуб никого не погубит.

— Правильно сказали, Юлий Наумович, — согласилась Варвара и благочестиво перекрестилась.

Граф Солнцев вздохнул тягостно, понимая, что приятной беседы за ужином совершенно точно не будет, но он даже в самом страшном кошмаре не мог предположить, что его ждёт в дальнейшем.

Тимофей Тимофеевич вошёл в столовую самым последним, торжественно держа под руку горделиво улыбающуюся Юленьку, в этот миг как никогда более соответствующую званию графини. Любезно усадив свою спутницу напротив Андрея Александровича, господин Волков опустил в кресло, махнул лакею, чтобы тот наполнил рюмку вишнёвой наливкой, несколько нарочито поднял рюмочку и провозгласил:

— За здоровье графини Берестовой Юлии Романовны, ставшей моей самой что ни на есть достойной наследницей!

Ольга громко ахнула, у Юлия Наумовича дрогнула рука, и наливка кровавым пятном растеклась по белоснежной скатерти, Андрей Александрович раскашлялся, прожигая графиню пламенным взором, Василиса робко улыбнулась, Анна Викторовна прятала улыбку, Антон Андреевич взором василиска следил за всеми присутствующими. Внешне спокойными и невозмутимыми остались трое: сама Юлия Романовна, старательно избегающая взгляда графа Солнцева, Яков Платонович да Варвара Тихоновна, первая ответно поднявшая свою рюмочку:

— За здоровье наследницы.

Юленька в ответ на приветствие вежливо улыбнулась, даже головой кивнула, не спеша угощаться наливочкой. Во-первых, в таком опасном деле ясная голова на плечах нужна, а во-вторых, кто знает, что в напиток заблаговременно добавили. Варвара питьё пригубила, за ужин принялась и лишь после того, как все в тарелки уткнулись, позволила себе спросить:

— Осмелюсь узнать, откуда Вы, сударыня?

— Из столицы, — Юлия Романовна надменно улыбнулась, — Вы там никогда не бывали?

— Не доводилось, — мягко ответила Варвара Тихоновна.

Такой краткой беседой и можно было бы закончить "пристрелку", да Юленька решила рискнуть. А что, двум смертям не бывать, одной не миновать, Яков Платонович с Андрей Александровичем после дела с неё всё одно голову снимут, так почему бы и не покуражиться?

Графиня Берестова демонстративно, так, чтобы все, кто за столом есть, заметили, осмотрела чистое, но поношенное платье своей собеседницы, процедила сквозь зубы:

— Оно и видно. Не с Вашими капиталами по столицам разъезжать.

Варвара смолчала, лишь побледнела сильно, Ольга же покраснелась, прожгла наследницу взором злым, Василиса ахнула, а Юлий Наумович пустился в длительное витиеватое философствование о том, что деньги суть яд для души бессмертной.

— Что же ты тогда, племянничек, от капиталов моих не откажешься? — усмехнулся Тимофей Тимофеевич. — Чай, одним из первых прибежал! Кстати, остальные-то родственнички где?

Ольга плечиком повела:

— Кто где. Кто в могиле, кого арестовали, а кто сбежал, точно крыса с корабля тонущего, за жизнь свою испугавшись.

— Ну вот и сократилось количество нахлебников, — господин Волков удовлетворённо улыбнулся. — Так и надо, а то ишь, слетелись, точно вороньё на пир кровавый. Думали, нужны мне? А вот фиг вам всем, — старик скрутил кукиш и потряс им над столом, — всё до последней полушки оставлю... — Тимофей Тимофеевич закашлялся, глотнул воды из стакана, — Юлии Романовне. Она и будет самой достойной.

— Так завтра с утра и духовную составим, — прощebetала Юленька, упрямо избегая взгляда графа Солнцева, — чего зря время терять?

— Добро, — старик решительно отодвинул от себя тарелку, с помощью лакея поднялся, — устал я от вас, братии комариной. Спать пойду.

— Сладких снов, дядюшка, — пропела Ольга, взмахивая длинными ресницами и томно потягиваясь, — право слово, дамы и господа, я тоже притомилась.

— Уж не Стёпка ли тебя томил? — похабно хохотнул Юлий Наумович. — А теперь, когда забрали его, кто будет тебя ночью греть да голубить?

— Уж точно не Вы, — фыркнула Ольга, решительно поворачиваясь к мужчине спиной. — Доброй всем ночи. Надеюсь, сегодня никто не умрёт.

— Я, пожалуй, тоже пойду, — Юлия Романовна одарила всех ледяной улыбкой истинной королевы, — меня всегда утомляет общество провинциалов. Всего доброго.

Андрей Александрович решительно встал, чуть не уронив стул:

— Я провожу Вас, сударыня.

Графиня и пискнуть не успела, как её ручку положили на твёрдый, точно гранитный валун, локоть и повлекли из столовой с такой скоростью, что барышня с трудом поспевала ногами перебирать.

"А если я упаду, он меня так за собой и потащит?", — подумала Юленька и тут же упёрлась, останавливая безумный бег по коридору:

— Андрей Александрович, куда Вы меня тащите?

Подозрения, что граф Солнцев желает устранить конкурентку не было, равно как и страха, Юлия Романовна испытывала странное спокойствие рядом с этим сильным и вне всякого сомнения взбешённым мужчиной. Разум сие объяснить не мог, но сердце знало твёрдо: граф не обидит ни словом, ни делом, даже в пылу гнева.

Андрей резко огляделся по сторонам, затем втолкнул барышню в дверь, до коей они успели пройти и, не дав Юленьке даже дыхание перевести, прижал к стене, звучно припечатав ладони справа и слева от её фигурки.

— А теперь потрудитесь, сударыня, объяснить весь этот маскарад, — прошипел граф Солнцев, испытывая огромное желание поцеловать графиню Берестову и придушить её.

Юленька нервно облизнула губки, притянув к ним хищный взгляд Андрея и хрипло прошептала:

— Какой маскарад?

— С наследством, — выдохнул граф Солнцев, не отводя жадного взгляда от губ барышни и буквально силой удерживая себя от поцелуя.

Графиня Берестова нервно плечами повела, делая тщетную попытку высвободиться и стараясь сохранять спокойствие:

— Не понимаю, о чём Вы.

— Вы не можете не понимать, что та, кого господин Волков объявит наследницей, подвергает свою жизнь риску, — Андрей Александрович чуть отодвинулся, но лишь для того, чтобы обнять девушку и прижать к себе. — Вот я и спрашиваю, зачем Вам это нужно?

— Отпустите, — возмутилась Юлия Романовна, но и сама поняла, что голос её прозвучал крайне неубедительно.

— Не раньше, чем Вы поведаете мне, сударыня, с какой целью рискуете своей жизнью, — отчеканил граф Солнцев.

— Вы меня компрометируете!

— Отличная идея, благодарю Вас. После того, как Вы будете скомпрометированы, я, как честный человек, непременно буду просить у Ваших родных благословения на наш брак.

— Да Вы вызов на дуэль получите, а не благословения, — выпалила Юленька, тщетно пытаясь выбраться, — что за одержимость идеей непременно жениться на мне? Решили таким образом состояние поправить? Так не выйдет.

Андрей вздрогнул, словно его ударили, отстранился и голосом, которым можно было бы заморозить весь Затонск до основания, произнёс:

— Если я дал Вам хоть малейший намёк на корыстный, в отношении Вас, интерес, прошу меня простить. Дабы подобное недоразумение более не возникало, не стану навязывать Вам своё общество. Единственное, провожу до комнаты, дабы с вами дорогой ничего не произошло. Идёмте, сударыня, Вам осталось недолго терпеть моё присутствие.

Юленька готова была себе язык откусить, да слова обидные тем всё одно не вернёшь. Графиня попыталась объяснить, но её сбивчивый лепет натолкнулся на ледяную стену молчания, барышня досадливо вспыхнула и умолкла. Так в гробовой тишине до покоев Юлии Романовны и дошли, никого не встретив. На пороге комнаты граф Солнцев каблуками щёлкнул, руку даме почтительно поцеловал и ушёл, оставив Юленьку глотать горькие слёзы да губы кусать с досады.

"Да и пожалуйста, не больно-то он мне и нужен!" — возмущённо подумала барышня и решительно вошла к себе, звучно дверью бухнув.

Спать не хотелось совершенно, охранителей ни видно, ни слышно не было, досада и боль не давали и минуты спокойно посидеть, а потому стук в дверь Юлия Романовна восприняла едва ли не как благословение господня. Порывисто из кресла выскочила, дверь распахнула да так и застыла, недоверчиво глядя на мнущегося на пороге Юлия Наумовича:

— Что вам угодно, сударь?

Мужчина воровато по сторонам оглянулся, пригнулся, словно в каждый миг удара ждал и зашептал:

— Разговор у меня к Вам есть, графиня. Нижайше прошу выслушать.

"Вот оно, началось", — ёкнуло сердечко. Юлия Романовна по сторонам оглянулась, защитников к своей досаде не заметила, но страх и беспокойство показывать не стала, брови надменно вскинула:

— Слушаю Вас.

— Не здесь, если позволите, лучше в комнате. Беседа будет касаться человека Вам весьма близкого.

И хоть и понимала Юленька, что вряд ли об Андрее речь пойдёт, а всё одно

зарумянилась и даже чуть улыбнулась, пропустила визитёра позднего:

— Входите.

— Только после Вас, — раболепно поклонился гость.

Барышня плечиком повела, спиной к мужчине повернулась, в комнату входя. Юлий Наумович быстро огляделся и молниеносно выхватил припрятанный нож, даже замахнуться успел, а потом на него из коридорного сумрака (скуповат Тимофей Тимофеевич, экономит на освещении) разом прыгнули Яков Платонович и Антон Андреевич. Юлий Наумович дрался ожесточённо, понимая, что не только свободу, самую жизнь спасает, однако с двумя совладать не смог. Мужчину скрутили и увели, а к бледной от волнения Юленьке прибежала Анна, для безопасности и поддержки. Искушавшегося на жизнь графини Берестовой взяли так тихо, что никто из обитателей дома даже не проснулся, а если и не спал, то ничем своего бодрствования не выдал.

Юлия Романовна, не сдерживая слёз, поведала подруге об очередной своей размолвке с графом Солнцевым.

— Ты представляешь, Аннушка, он сказал, что более докучать мне своим обществом не будет, — Юленька терзала промокший платочек, — так и сказал, представляешь? Обидела я его, сильно обидела, а ведь он мне нра-а-а-вится, — барышня уткнулась лицом в плечо Анны и разрыдалась в голос.

В дверь коротко постучали. Девушки переглянулись, Аннушка решительно подхватила канделябр, Юленька хлопнула носом и взяла бронзовую фигурку, редкое страшилище, призванное то ли навевать ночные кошмары, то ли отгонять их. Направах хозяйки графиня Берестова первая шагнула к двери и, придав голосу сонной хрипотцы, спросила:

— Кто там?

Вместо ответа раздались шаги, кто-то спешил скрыться до того, как дверь откроется. Юлия Романовна поспешно распахнула дверь и успела-таки заприметить неясный силуэт в глубине коридора. Кто это? Мужчина или женщина?

— Кто здесь? — позвала Юленька, стараясь, чтобы голос звучал больше раздражённо, чем испуганно. — Немедленно прекратите глупые шутки, я слуг позову! И полицию!

Девушка осторожно сделала шаг вперёд и тут же наткнулась на исходящую парком чашку, поставленную прямо на порог комнаты. Вспомнив, как в Петербурге Якова Платоновича пытались приворожить с помощью такой вот уловки, девушка как следует размахнулась и пнула посуду. Чашка взмыла в воздух, а потом рухнула вниз, расколовшись на куски, чай, пахнувший корицей, волной выплеснулся, пачкая пол и светло-серый ковёр коридора. Юленька мстительно раздавила блюдечко и вернулась в комнату, опять бухнув дверью.

— Может, не стоило пинать чашку? — Анна блестящими от волнения глазами посмотрела на подругу.

Юлия Романовна запоздало вспомнила об уликах и досадливо прикусила губу. Да, пожалуй, вымещать гнев на чашке не стоило, достаточно было просто взять её и передать Якову.

— Ничего, там на дне осталось, я видела, — Юленька решительно распахнула дверь.

Раздалось характерное буханье, Варвара Тихоновна шлёпнулась на пол, потирая набухающую шишку и сияясь улыбнуться.

— Что Вы делаете за моей дверью, сударыня? — холодно спросила графиня Берестова. — Неужели, шпионите за мной?!

— Господь с Вами, — женщина всплеснула руками, сконфуженно потёрла шишку, — я просто увидела осколки и хотела убрать, чтобы Вы на них не наступили и не обрезались.

— А не Вы ли мне эту чашку принесли? — недобро прищурилась Юлия Романовна, даже руки на груди скрестила, точь-в-точь как яков Платонович.

Варвара выпрямилась, глазами сверкнула:

— А Вы меня видели, сударыня? Нет? А на нет, как известно, и суда нет. Крепких Вам снов, не смею более задерживать.

— Вот зараза, — прошипела Юленька, вернувшись в комнату. — И как нам её изловить? Она хитрая, кобра, голыми руками не возьмёшь.

Аннушка сочувственно покивала головой, от соперницы, подобной Варваре Тихоновне, можно было ожидать всего, кроме хорошего.

Ольгу Макаровну ещё в детстве величали бедовенькой, бабка та и вовсе, охая и крестясь, говорила, что внучка или рано помрёт, или пойдёт тропюю каторжной в земли Сибирские. Уж больно шевутна да бесстрашна, таки только мужчины бывают, и то не все, а лишь те, кто в пору разгула нечисти рождается. Маленькая Оленька от слов бабушки, случилось, даже плакала, а повзрослев, решила: да, бедовенькая, так оно и к лучшему, куриц-то пугливых да ранимых и без неё хватает. Краткая беседа со следователем Штольманом затронула что-то сокровенное в душе Ольги Макаровны, словно мостик протянула к той прежней Оленьке. Барышня, сама над собой посмеиваясь, решила совершить деяние благородное, причём, о боже, как же низко она пала, исключительно на безвозмездной основе. Какой лучший способ изобличить преступника? Правильно, за руку его поймать, сиречь спровоцировать. Ольга Макаровна перед зеркалом крутанулась, на всякий случай поднос серебряный узкий вытянутый себе под халатик примотала, да и пошла к Варваре Тихоновне, для успокоения себе под нос негромко напевая. О задумке своей бедовенькая между делом сообщила Васке шуганой, помня, что та с Коробейниковым хороводится и всенепременно всё сказанное ему передаст. А тот хоть и мальчишка, да не дурак, благую весть до Штольмана донесёт. Вот и выйдет, что на остановить Ольгу времени у господ полицейских не будет, а на спасти вполне хватит. А если повезёт, то Варвара Тихоновна на шантаж поведётся и заплатит, хотя это вряд ли, конечно, не такая она, чтобы платить. Да и денег у неё нет.

Варвара Тихоновна посетительницу позднюю встретила сердито, видать, не оправилась ещё от потрясения в связи с появлением новой наследницы. Присесть дама не предложила, да Оленьке сие было лишь на руку, с подносилом-то не шибко порассиживаешься, он же, зараза, неудобный, так и норовит вывалиться.

— Чем обязана? — холодно спросила Варвара Тихоновна, и Ольга Макаровна как на духу ей всё и выложила. Что видела, мол, как она в чашки что-то Меланье да Парашке сыпала, как Катерине зелье выпить дала, якобы приворотное, ещё кое-какие моменты упомянула, не столько увиденные, сколько на ходу сочинённые.

— И за молчание и забвение всего, что Вы слышали, я прошу скромную сумму в... — Ольга прищурилась, быстро проводя расчёты, — пять тысяч рублей. Согласитесь, дражайшая родственница, это не такие уж и большие деньги в вашем-то положении.

— Вон, — свистящим напряжённым голосом прошептала Варвара Тихоновна и резко махнула рукой, — пошла вон, мерзавка!

— Как пожелаете, — пожалала плечиками Оленька, — господин следователь меня выслушает с превеликим вниманием.

Долее сдерживаться Варвара Тихоновна уже не могла, сказалось напряжение последних дней, потребовавших от неё максимальной выдержки и спокойствия. Женщина хрипло зарычала, схватила подсвечник и собралась всей силой обрушить его на голову Ольги Макаровны. Резкий выстрел громом пролетел по всему дому, Варвара завывала раненой волчицей, прижимая к груди простреленную руку, боле не способную держать даже пёршко.

— Можно было до стрельбы и не доводить, — Яков Платонович укоризненно посмотрел на Андрея Александровича.

— Скажите спасибо, что не в голову стрелял, — огрызнулся граф Солнцев, — она на Юлию Романовну покушалась.

— Так у вас же всё кончено, Вы сами говорили, — удивился Антон Андреевич, по младости лет ещё не освоивший до конца науки вовремя молчать и делать вид, что ничего не знаешь.

Андрей Александрович прожёт Коробейникова пламенным взглядом и вылетел из комнаты с такой скоростью, что мало дверь с петель не снёс.

— Как в таких случаях моя бабушка говорила: "Промолчал бы, так и за умного сошёл", — фыркнула Ольга Макаровна. — Ну что, господа следователи, надеюсь, историйка про достойного наследника к концу подходит. Всего доброго господа, отправлюсь в объятия Морфея, раз иного кавалера не нашлось, а может, нашлось?

Дама озорно блеснула глазами, но мужчины предпочли сделать вид, что намёка не поняли. Ольга Макаровна вздохнула, поднос сняла, на стол бросила и пошла к себе, снова и снова пытаюсь решить, что же ей теперь делать и как жить. Как раньше? Не хочется. Новую жизнь начать? Боязно.

Дело Л 3. Достойный наследник. Всё только начинается

Тимофей Тимофеевич известие об изобличении Варвары воспринял со спокойствием, Антону Андреевичу показавшимся даже оскорбительным. Право слово, ведь не чужого человека, с которым добро, если один раз случайно на улице встретились, арестовали по обвинению в отравлениях, а родственницу, пусть и не сильно любимую, но всё-таки! Возмущение Коробейникова было столь сильно, что невольно прорывалось даже через с детских лет привитое матушкой уважение к старшим. Антон Андреевич с каждой минутой становился всё более поход на поспевающий самовар, а господин Волков, словно нарочно, продолжал рассуждать о темах, к случившемуся в доме отношения ни капли не имеющим. Поинтересовался у Якова Платоновича столичными новостями, упомянул о своих польских знакомцах, с коими, вполне возможно, чета Штольманов встречалась, когда была в Варшаве, тонко похвалил отвагу Юлии Романовны, явив навыки настоящего сердцеда и даже втянул Анну Викторовну в спор о природе спиритических явлений и их практической пользе. Ольга Макаровна первая сдалась, чашку опустевшую со стуком на блюдечко поставила и сказала, что пора ей вещи собирать. Загостилась, мол, пора и честь знать. Тимофей Тимофеевич рукой властно взмахнул:

— Подожди, родственница, есть у меня к тебе беседа отдельная, для тебя весьма полезная.

— Я ничего не брала, — огрызнулась Ольга, привычная к тому, что многие знакомцы, а подчас и родственники норовили спихнуть на неё свои прегрешения, как мелкие, так и довольно крупные.

Господин Волков усмехнулся, явив сходство с крупным зверем, коий с годами не

слабнет, а лишь матереет, становясь всё опаснее:

— Да уж знаю. Была самой шепутной, а оказалась едва ли не единственной по-настоящему достойной.

Ольга Макаровна от непривычной похвалы, особенно лестной тем, что прозвучала она из уст человека, на добрые слова не сильно щедрого, даже покраснела и смущённо носом шмыгнула, как в детстве делала.

— Егор, — окликнул Тимофей Тимофеевич своего верного лакея, коего считал собственной тенью, откровенно делясь с ним своими самыми сокровенными мыслями и намерениями, — поспеши-ка к Миронову, Виктору Ивановичу, передай ему, пусть ко мне приедет. Буду духовную составлять. На сей раз окончательно.

Господин Волков выразительно глянул на Андрея Александровича, но того более беспокоило то, что графиня Берестова беседовала со всеми за столом, кроме него, чем речи о наследстве.

Старик крякнул досадливо, шевельнул густыми бровями, повторил громче и выразительнее:

— Да-с, буду духовную писать. Пришла пора достойного наследника назвать, хватит уже мышиною возни, устал я.

— И правильно, — горячо поддержала Тимофея Тимофеевича Анна, славящаяся своим милосердием и готовностью помогать всем и каждому, попавшему в беду, — сталкивать людей неприлично и дразнить их тоже недостойно. Они же переживают.

Яков Платонович не сдержал усмешки, вспомнив, сколько раз Анна Викторовна случайно или намеренно поддразнивала его то занимаясь переводами с инженером, то привечая соседа военного, то рьяно заступаясь за князя Разумовского. А однажды и вовсе сказала, что приняла предложение Кирилла Владимировича, чем спровоцировала ссору, закончившуюся вызовом на дуэль. Впрочем, сама же поединок и предотвратила, решительно встав между дуэлянтами. Опять вспомнив о той драме, Штольман нахмурился, головой покачал, заметил с иронией, чуть смягчённой мягкостью тона:

— По части поддразниваний, Анна Викторовна, Вам нет равных.

— Ну что Вы, Яков Платонович, мне с Вами и не сравниться, — фыркнула Анна, коей тоже было что вспомнить. Одни насмешки над её умением общаться с духами чего стоили, да холодность, коей порой можно было всю губернию заморозить, а о госпоже Нежинской даже вспоминать не хочется!

— Господи, я надеюсь, вы ссориться не станете? — охнула Василиса, испуганно прижимая руки к груди.

— Ну что Вы, сударыня, милые бранятся, только тешатся, — поспешил успокоить девушку Андрей Александрович и опять посмотрел на Юлию Романовну, задумчиво крутящую в руках чайную ложечку.

Господин Волков тоже на графиню Берестову взглянул, откашлялся, спросил, буравя тяжёлым пристальным взором:

— А у Вас, сударыня, какие намерения?

Юлия Романовна беззаботно головой тряхнула, плечиками пожала:

— У нас с Аглашей ещё семь дней приёма вод, так что в столицу я вернусь нескоро. Да и вообще, нравится мне здесь, люди приветливые, воздух свежий, природа прелестная...

— А я возвращаюсь домой, — Андрей Александрович поднялся, сюртук одёрнул, — так что прошу меня извинить, вынужден вас покинуть. Честь имею. Яков Платонович, Анна

Викторовна, буду счастлив встретиться с вами в столице и не только по делам служебным.

— Будем рады видеть Вас нашим гостем, — радушно улыбнулась Анна и покосилась на подругу, мол, самое время для приглашения в гости и предложения продолжить знакомство.

Но Юленька намёка Анны предпочла не заметить, отвернувшись с деланно равнодушным видом. Господин Солнцев желваками на скулах заиграл, на каблуках круто развернулся и вышел, в сердцах так дверь за собой затворив, что даже чашки на столе звякнули.

Анна Викторовна поняла, что пора вмешиваться, пока амурные дела подруги из драмы не перешли в откровенную трагедию. Барышня чинно сложила салфетку, поблагодарила всех за приятное общество и непринуждённо, словно ничего и не произошло, предложила:

— Юленька, душа моя, давай прогуляемся, погода сегодня чудесная.

Штольман задумчиво посмотрел в окно, где моросил мелкий дождь, уверенно превращая дороги в грязь, и озорно улыбнулся:

— Не знал, Анна Викторовна, что Вам дожди нравятся.

— А Вы, Яков Платонович, ещё многого обо мне не знаете, — Анна взглянула на мужа сияющими от нежности и любви глазами.

Яков хотел сказать, что почитает за счастье всю жизнь посвятить изучению интересов супруги, но привычка к сдержанности в очередной раз взяла верх, уста остались немые, зато глаза сказали всё и даже больше. Графиня Берестова, сей взгляд приметившая, вздохнула печально, впрочем, слабость свою быстро улыбкой скрыв и в самых любезных выражениях согласившись отправиться на прогулку.

Антон Андреевич откашлялся, встал из-за стола, так старательно одёргивая сюртук, что тот едва ли по швам трещать не начал и произнёс строго, почти приказным тоном:

— Василиса... — тут же сбился и покраснел, только сейчас осознав, что так и не удосужился узнать, как зовут батюшку милейшей Василисушки.

Девушка, испуганная суровым тоном едва ли не до полуобморочного состояния, прошелестела, сжавшись и не смея глаз поднять на господина следователя, лишь гадая о причине его неудовольствия:

— Ивановна...

— Благодарю вас, — Коробейников улыбнулся, опять становясь самим собой, — Василиса Ивановна, могу я просить Вас о возможности... — Антон Андреевич замешкался собирая разбегающиеся, точно тараканы от включенного света, слова, — побеседовать наедине.

Василиса заалела утренней зорькой, согласно кивнула и тут же посмотрела на господина Волкова, безмолвно вопрошая его разрешения на столь значимую, сердце вещее не обманешь, беседу.

— Чего ты на меня-то уставилась? — хмыкнул Тимофей Тимофеевич, — я свою жизнь уже доживаю и глупостей за годы бытия совершил немало. Теперь твой черёд.

— Благодарствую, — прошелестела Василиса и выскользнула из комнаты, дабы ничем сурового родственника не огневать и тем самым не лишиться себя возможности обрести счастье.

— На здоровьичко, — сердитым котом фыркнул господин Волков, за рукав Антона Андреевича придержал и негромко так, даже ласково, по-родственному, произнёс:

— Если обидишь девочку, со света сживу. Ты меня понял, родственничек новоявленный? Она не сирота, заступа и за неё найдётся.

— Я и не собирался обижать Василису Ивановну, — возмутился Коробейников, даже досадуя немного, что ему столь крамольные мысли даже в голову не пришли.

— Вот и правильно, — Тимофей Тимофеевич отпустил Антона Андреевича, головой в сторону двери мотнул. — Ступай, негоже девку заставляя ждать, она от этого ещё, не дай господь, думать начнёт. А умная жена, она же ещё и своевольная, а это хуже лихорадки, ту хоть предугадать можно, да и когда-никогда сия хворь всё же отступает. А от своевольной умницы никакого спасу.

Яков Платонович не сдержал улыбки. Хорошо, что Анна Викторовна с Юлией Романовной уже ушли, им бы столь нелестные высказывания о дамах совершенно точно не понравились, но сложно не признать правоту господина Волкова. Как ни крути, а со своевольной умницей маятно, её за спиной своей долго не продержишь, непременно выскользнет и помогать начнёт. И даже запертая дверь не остановит, на практике проверено, ух и сердилась же Аннушка, когда он её в кабинете своём запер, чтобы она от происков обезумевшего доктора не пострадала! Штольман вздохнул, вспомнив, как страстно ему хотелось поцеловать Анну Викторовну прямо так, на крыльце особняка графини, наплевав на городских и мнение всех и каждого. И он точно знал, Анна не оттолкнула бы его, она ждала этого поцелуя. Только вот сам Яков Платонович поцелуем бы точно ограничиться не смог, его железная выдержка и так трещала и разваливалась от каждого нежного взгляда блестящих голубых глаз, каждого мимолётного касания рук, каждой улыбки и нежного голоса, то воодушевлённо-звонкого, то строго-чеканного, даже от сердитых отповедей, на которые госпожа Миронова не скупилась.

— Что-то мне подсказывает, что Вы, Яков Платонович даже оставшись наедине с самим собой скучать не будете, — господин Волков усмехнулся, головой покачал, — сие отлично, поскольку мне хотелось бы побеседовать с родственниками прежде, чем прибудет адвокат. Ольга, прошу за мной.

Ольга Макаровна вздохнула, несколько нервно поправила волосы и последовала за Тимофеем Тимофеевичем, даже не зная, ждёт ли её радость или изгнание из дома с позором. Ну и пусть, как говорится, чему быть, того не миновать, она человек, а не птица сказочная, чтобы голову в песок от страха прятать.

В кабинете господин Волков любезно предложил Ольге присесть, чем изрядно смутил и встревожил барышню, особой чувствительностью не отличающуюся. Помолчал немного, прошёлся из стороны в сторону, заложив руки за спину.

— Вы уж не тяните, Тимофей Тимофеевич, я не барышня восторженная, со мной особенно церемониться не надо, чувств не лишусь и не надейтесь, — Ольга руки на груди скрестила и голову вызывающе вскинула.

— Наследницей Вас хочу сделать, — господин Волков опустил за стол, хищно впившись взглядом в родственницу.

Ольга облизнула пересохшие губы, выдохнула хрипло и растерянно:

— Так я же не достойная...

Кустистые густые брови старика взмыли вверх, в голосе заскрежетал сдерживаемый смех:

— Отчего же? Убить Вы меня не пытались, на других не искушались, а то, что родство у нас весьма относительное, так это и вовсе ерунда. Как гласит библия, все люди на земле братья и сёстры.

— А Василиса как же? Жалованье у Коробейникова, поди, не шибко большое, а молодой семье много надобно, — Ольга плечами передёрнула, добавила с горечью, — в нищете-то жить не шибко сладко.

— Василису я без денег тоже не оставлю, отпишу ей тысяч двадцать, а то и тридцать с правом единоличного пользования, она и рада будет.

Ольга быстро прикинула оставшийся капитал и опять облизнулась. Что и говорить, сумма выходила немалая, с таких-то доходов можно, ух, как развернуться! На золоте и пить, и есть, золото носить и золотом укрываться.

— Как Андрей? Его Вы тоже в завещании упомянете?

Тимофей Тимофеевич вздохнул горестно, голову опустил:

— Он меня и за отца-то не считает, захочет ли от меня наследство получить? Поди, побрезгует.

Ольга Макаровна задумчиво пальчиками по подлокотнику кресла побарабанила. Да, Андрей Александрович щепетилен до невозможности, господина Волкова отцом ни разу не называл и вряд ли станет, может от денег и отказаться, тем более, что сам не бедствует. В богатой-то да любящей семье легко честь с гордостью сохранить, а вот попробуй-ка человеком остаться, когда выживать приходится!

— А Вы его часть наследства как свадебный подарок отпишите, да не ему, а его невесте, — Ольга озорно улыбнулась, — от подарка отказываться неприлично, раз, Юлия Романовна к Вам весьма тепло относится, два, спорить с невестой и молодой женой завсегда себе дороже, Штольман тому яркий пример, три.

По морщинистым губам Тимофея Тимофеевича пробежала лёгкая улыбка. Старик помолчал, сияясь проглотить вставший в горле колючий ком, и хрипло прошептал:

— Умница.

Ольга беспечно плечиком дёрнула:

— Я знаю.

— И скромностью со стыдливостью излишней не изуродована. Поживёшь со мной? Характер у меня суровый, да я думаю, ты справишься.

Ольга губки покусала, принахмурилась, опять пальчиками побарабанила. Соблазн, спору нет, большой, только барышня уже давно зареклась соглашаться опрометчиво, толком всё не взвесив и не обдумав.

— Пожалуй, — барышня отбросила за спину огненно-рыжие пряди и чуть наморщила носик, — я склонна принять Ваше предложение. В крайнем случае, уехать я всегда смогу.

Господин Волков хмыкнул, про себя решив, что ни за что не отпустит эту яркую, словно сама жизнь девушку и непременно добьётся того, чтобы и она сама, и её супруг, а также их дети остались жить в этом доме. Тот факт, что Ольга Макаровна о замужестве и не помышляла, Тимофея Тимофеевича не смущал ничуть. Какая разница, о чём барышня думает, главное, что решил отвечающий за неё мужчина! И вообще, для самой Ольги, этого старого дома, как и для его пожилого хозяина, всё только начинается! И много всего хорошего ждёт впереди.

Оставшись с Василисой наедине, Антон Андреевич с неудовольствием понял, что дар речи решительно оставляет его. Барышня тоже молчала, стыдливо теребя оборку на платье и изредка бросая на Коробейникова полные тайной надежды и смятения взгляды.

— Погода сегодня какая чудная, — выдавил следователь и посмотрел на мелкий дождь

за окном.

Василиса мягко виновато улыбнулась:

— Я не очень люблю дождь, Вы уж простите великодушно.

— Я тоже терпеть не могу сырость, — с готовностью подхватил Коробейников, — и холод тоже. Когда меня Яков Платонович в монастырь отправил...

— В монастырь? — ахнула Василиса. Барышня немного лукавила, Тимофей Тимофеевич искренне восхищался столичным следователем и обо всех расследуемых им делах узнавал во всех деталях, включая то, сколькими пылкими взорами обменялся Штольман с Анной, как долго они гуляли под ручку, да из-за какой напасти опять рассорились.

Так что Васенька прекрасно помнила о математике Демиурге, но предпочла скрыть свою осведомлённость, дабы Антон Андреевич смог её просветить. Мужчинам ведь так важно чувствовать себя значимыми.

Постепенно, вспоминая то одно, то другое дело, Коробейников успокоился и как-то даже для самого себя неожиданно предложил:

— Василиса Ивановна, выходите за меня замуж.

И замер, ожидая решения, некстати вспомнив Глафиру, которой нужны были деньги, деньги и ещё раз деньги, а всё прочее нисколько не интересовало. А вдруг, и эта милейшая барышня окажется корыстной и расчётливой, он же её так мало знает?

— Доход у меня, правда, скромный...

— Я согласна, — прошелестела Василиса и подарила Антону Андреевичу улыбку, милее которой он никогда прежде не видел, — а за доход не волнуйтесь. Мы с Вами молоды, здоровы, сможем себя и своих детишек прокормить. Я ведь всё-всё умею делать, никакой работы не стыжусь.

— Васенька, — прошептал Коробейников, привлекая барышню к себе и нежно целуя, — Василисушка моя.

— Антошенька, — барышня нежно погладила своего героя по щеке, — родненький, самый лучший.

Конечно, предстояло ещё знакомство с госпожой Коробейниковой, объявление о помолвке, предсвадебная суета, разбавляемая хлопотами служебными, но это всё здесь и сейчас касалось простым и приятным. Теперь, когда Антон Андреевич не одинок, всё будет хорошо, в его жизни открываются новые неизведанные главы, в которой жалкое я заменит звучное и солидное МЫ.

Во время прогулки под дождём Анна Викторовна с пылом проповедника уверяла подругу в необходимости объясниться с графом Солнцевым. Юленька согласилась, что не стоит в проступках одного негодяя обвинять другого мужчину, что графу Солнцеву, вне всякого сомнения, надо дать шанс, барышня даже готова была немедленно объясниться и сказать, что она с желанием и охотой примет ухаживания, только вот когда дамы вернулись с прогулки, Андрей Александрович уже уехал. Со слов Якова Платоновича, ему принесли срочную телеграмму, и он поспешно направился на вокзал.

Юленька скорбно вздохнула, ругая себя за излишнюю мешкотность и абсолютно бесполезную в данный момент слезливость. Раньше надо было думать, сейчас-то бесполезно слёзы лить.

— Всё непременно будет хорошо, — Анна обняла подругу, умоляюще глядя на мужа, —

ты вернёшься в Петербург, вы обязательно встретитесь...

— Аннушка, Петербург не Затонск, там тысячи людей! — воскликнула графиня Берестова испытывая постыдное желание разрыдаться от обиды в голос, как делала ещё совсем малышкой.

— Яша нам поможет, — уверенно заявила Анна Викторовна.

Штольман только вздохнул. Конечно, он знал, где живёт граф Солнцев и даже был вхож в его семью, но, пожалуй, не стоит сразу сообщать дамам о том, что найти графа проблем не составит никаких. Пусть Юленька потерзается немного, глядишь, научится ценить тех, кто её окружает. Только вот Аннушка с мнением супруга была категорически не согласна, заявив, что жестоко так истязать несчастных влюблённых.

— А держаться отстранённо, не давая ни малейшего шанса объясниться, не жестоко? — Яков вообще-то имел в виду категоричность графини Берестовой в отношении Андрея Александровича, но Анна Викторовна всё восприняла на свой счёт, вспомнив, как порой уходила, не выслушав объяснений, а порой и сказав что-нибудь резкое.

— Ты, между прочим, вообще мне не верил, — Анна обиженно нахохлилась, словно крошечный воробышка.

Яков привлёк жену к себе, поцеловал задорный завиток на виске, прошептал, щекоча дыханием ушко:

— Прости, родная. Я люблю тебя.

— А я тебя, — Анна потёрлась щекой о плечо мужа, вздохнула сладко, — ради тебя я даже готова не вмешиваться в расследования и сидеть дома, как примерная жена.

— Оно и видно, — хмыкнул Яков, вспомнив, как "весело" проходит их с Анной медовый месяц.

Идиллию прервала Прасковья, постучавшаяся в комнату:

— Яков Платонович, вам телеграмма пришла.

Штольман взял из рук служанки плотный кусочек картона, быстро пробежал глазами текст и усмехнулся:

— Ну вот и закончились наши с тобой каникулы, Аннушка. Полковник Варфоломеев просит вернуться в Петербург не мешкая.

— А что случилось? — встревожилась Анна.

— В городе появилась пролётка с безголовым пассажиром.

— Да как же так? — Мария Тимофеевна огорчённо всплеснула руками. — И не побыли почти ничего дома!

— Служба, Машенька, отлучек долгих не терпит, — Виктор Иванович обнял жену поцеловал в щёку. — Тебе ли этого не знать.

— Ну, надеюсь теперь все духовные составили, и ты сможешь хоть изредка бывать дома, — Мария Тимофеевна с нежностью посмотрела на мужа и тут же строго добавила. — А то Пётр Иванович уходит чуть свет.

Виктор Иванович улыбнулся, заговорщицки прошептал:

— Интерес у него амурный, к соседке нашей, родственнице дальней князя Разумовского.

— Ох, намучается она с ним, — покачала головой Мария Тимофеевна.

Виктор Иванович досадливо нахмурился:

— Маша, вообще-то, он мой брат!

Госпожа Миронова поцеловала мужа в щёку, улыбнулась и с лёгкой беззлобной

насмешкой ответила:

— Это-то и странно.

Аннушка улыбнулась и прижалась к мужу. В семействе Мироновых царили тишь и благодать, можно смело возвращаться в столицу. Любимый супруг, любимая служба и где-то под сердцем растёт потихоньку крошечное чудо, мальчик или девочка, не суть важно, ведь они с Яшей будут рады и тому, и другой. Закончилось дело с достойным наследником, но начинается следующее, великий круговорот жизни продолжается.

Андрей Александрович, получивший телеграмму с тревожным сообщением о болезни отца, прямиком из дома господина Волкова бросился на вокзал и буквально за пять минут до отхода поезда начертал краткую записку, которую передал носильщику. Юленька с нескрываемым удивлением приняла усатого грузного мужчину, который, низко кланяясь и толком не умея ничего объяснить, протянул ей сложенный четвертушкой лист блокнота. Размашистым твёрдым почерком на листке было написано всего одно слово: "приезжай", а дальше шёл адрес.

Графиня долго раздумывать не стала, кликнула горничную и велела собирать вещи, а мальчишку посыльного из гостиницы направила с запиской в водолечебницу. Аглаша, которой пребывание в Затонске изрядно прискучило, с радостью села в поезд и всю дорогу то рисовала, то дремала, а то глядела в окно, с аппетитом поедая припасённые в путь пирожки и шоколад, до которого была пребольшей охотницей.

В Петербурге Юлия Романовна, не дав себе опомниться и как следует всё обдумать, прямо с поезда поехала по указанному в послании адресу, наказав встречавшему её брату сопроводить домой Аглашу и непременно отправить в Затонск телеграмму для Якова и Анны, чтобы они не волновались и её не искали. Братец и рад был бы сообщить, что Штольманы уже в столице, да не успел, сестрица вскочила в пролётку и приказала извозчику гнать.

"Эк её допекло, — подумал граф Берестов, — пожалуй, стоит сообщить приятелям, что в субботу я буду занят. Наверняка у нас будет знакомство с новым родственником".

Лишь после того, как открывший дверь слуга пригласил Юленьку войти и отправился наверх с сообщением о её визите, барышня смогла вздохнуть и задуматься о правилах приличия, которыми несколько манкировала. Только раздавшиеся за спиной шаги и сильные руки, прижавшие к широкой груди, долго поразмышлять о поведении, приличествующем благовоспитанной барышне, не дали.

— Ты всё-таки приехала, — прошептал Андрей, крепко прижимая к себе свою бесценную гостью. — Значит, ты согласна стать моей женой.

И впервые в жизни Юленька не захотела спорить, она лишь повернулась и подарила Андрею поцелуй. Первый поцелуй их, без всякого сомнения, долгой и счастливой жизни.

КОНЕЦ

Больше книг на сайте - Knigoed.net